Алмазное сердце

Ирина Шевченко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чтобы вернуть то, что принадлежит ему по праву, молодой волк вынужден был пойти на преступление. А юная и не слишком удачливая целительница решилась на отчаянную авантюру, сбежав от ненужного ей замужества.

Они всего лишь хотели быть хозяевами своих судеб, а вместо этого стали владельцами чужой тайны. Очень опасной тайны…

За иллюстрации и обложку огромное спасибо Алине Лесной..

ЗАКОНЧЕНО 01.12.13 г. На время правки заключительные главы удалены. Тот, кто не хочет ждать читовой вариант, может получить окончание на почту в обмен на обещание не выкладывать черновик в сети.

- Алмазное сердце
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20

Алмазное сердце

Глава 1

Джед

Люблю пробежаться по лесу летней ночью. Размять мышцы, подышать свежим воздухом, шутки ради вспугнуть устроившихся на ночлег птиц и с удовольствием, в полный голос, зная, что никто не услышит и не кинет в тебя сапогом с криком: «Да заткнётся эта тварь или нет?», повыть на луну — это ли не счастье? Но сегодня наслаждаться дикой свободой было некогда. Я спешил по делу.

Там, где заканчивались деревья, начиналась широкая дорога, ведущая в предместье Велсинга. Именно здесь, а не в самом городе, вот уже четверть века предпочитали селиться те, кого Создатель не обидел ни финансами, ни родословной. Поговаривали, что даже бродячие кошки тут сплошь редких пород, пушистые и откормленные, а голуби приучены гадить в специально отведённых местах, а уж никак не на мраморные статуи, коими каждый уважающий себя дэй спешил украсить вход в свою резиденцию.

Особняк Лён–Лерронов в этом плане не был исключением. Две каменные девы с ветвями жасмина в руках, что-то там символизируя, застыли по обе стороны распахнутых в данное время ворот, к которым то и дело подкатывали роскошные экипажи. Уверен, большинство гостей, спешивших сюда, чтобы поздравить супругу хозяина с днём рождения, проживали поблизости, всего в нескольких минутах ходьбы, но никому из них и в голову не пришло этим дивным вечером пройтись пешком. Хотя нет, вот пожилая чета: худой как щепка дэй в расшитом золотом чёрном камзоле и невысокая пышнотелая дэйна в платье, напоминающем цветочную клумбу. Притопали на своих двоих… то есть, четырёх, если считать в сумме. Корона Создателя, какими взглядами их одарили! Позор, пожизненный позор! Потому я и не посещаю подобных сборищ: никогда не знаешь, чем вызовешь всеобщее порицание. Однако сегодня мне всё же придётся выбраться из кустов напротив особняка и наведаться в жилище Лён–Лерронов. И я уже знал, как это сделаю.

Четверо охранников дежурили у ворот, ещё четверо с короткими интервалами обходили дом вдоль садовой ограды, и восемь–десять человек было в самом саду. Это не считая тех двоих, что стояли на высоком крыльце, почтительными, но

цепкими взглядами ощупывая прибывающих гостей. Но я и не собирался пользоваться парадным входом. Дождался, пока мимо промарширует очередной патруль, протиснулся между прутьями решётки, короткими перебежками, низко пригибаясь к земле, пересёк сад и остановился перед увитой диким виноградом стеной. Комната дэйны Авроры на втором этаже, третье окно слева, приоткрытое, как я вижу. Сейчас хозяйка встречает гостей, но после, через час–два, наверняка поднимется к себе, чтобы припудриться, поправить причёску или ещё что-нибудь в этом роде. Все женщины так делают. А потому мой план безупречен. Заберусь в её комнату и дождусь прекрасную дэйну. Вот только облик сменю — человеком всё же удобнее лазать по стенам.

Вверх, вверх, вверх… подоконник… зацепился, подтянулся, забросил ногу… пол. Я на месте.

— Ой!

Кхм… Дэйна Аврора — тоже. До этого я видел её лишь мельком и издали, и стоит признать, что вблизи она ещё привлекательней: элегантное чёрное платье подчёркивает соблазнительную фигурку, золотистые локоны собраны в замысловатую причёску, украшенную бриллиантами и жемчугом, маленький, чуть вздёрнутый носик, пухлые губки и огромные синие глаза. Хотя не знаю, были бы они такими огромными, не ввались я столь бесцеремонным образом через окно.

— Помогите! — закричала дама.

Естественная реакция, когда в твою комнату влезает голый мужчина. Но кричала она отчего-то шёпотом и смотрела при этом так, что я почувствовал, как начинаю краснеть.

— Помогите! — продолжала шептать она с придыханием. — Насилуют!

Размечталась! Впрочем, будь у меня побольше времени… Но чего нет, того нет.

— Поверьте, у меня и в мыслях не было, — улыбнулся я, демонстрируя не до конца уменьшившиеся клыки.

— У… убивают? — испуганно пролепетала женщина, закатила глаза и хлопнулась в обморок.

Надеюсь, в настоящий и достаточно глубокий.

— Всего лишь немножечко грабят, — сообщил я бесчувственному телу, снимая с впечатлительной дэйны колье.

Готово! Теперь — ожерелье в зубы, ноги в руки, и уходить, пока она не очнулась и не начала орать по–настоящему.

Выпрыгнув в окно, я приземлился уже на четыре лапы, добежал до решётки, выбрался за ограду и нырнул в придорожную канаву — лучше провонять слитыми сюда нечистотами, чем позволить собакам взять след.

А ведь мне не хотелось опускаться до грабежа. Сколько раз я пытался купить у Роджера Лён–Леррона камень! Не колье — всего один камень! Нет же, баронет упёрся рогом, а судя по поведению его супруги, рога у него имеются, и заявил, что это бесценная семейная реликвия, которую он жаждет сохранить для потомков. Ха! Алмаз в семействе Лён–Лерронов не более года, а уже реликвия! Придётся несговорчивому дэю подыскать для наследников новую.

Пробежался по лесочку, бережно сжимая колье в зубах, переплыл реку (заодно и отмылся), вышел на берег и отряхнулся, обдав брызгами шагнувшего на встречу Унго.

— Вы быстро справились, дэй Джед. Не было ничего непредвиденного?

— Нет, всё прошло по плану… почти.

Как оказалось, далеко не всё. Это был не тот алмаз. Точнее, это был совсем не алмаз. Я понял это, уже добравшись до дома, который снял в начале месяца на окраине Велсинга. Должно быть, на камень навели иллюзию, и пока она действовала, распознать подделку было нелегко. Но теперь, спустя два часа и на достаточном отдалении от особняка Лён–Лерронов, чары развеялись, и стало ясно, что это всего лишь дешёвая стекляшка.

— Тысяча демонов!

Остальные камни были настоящими, но в моих глазах это не прибавляло ожерелью ценности. Я со злостью отшвырнул бесполезное украшение.

— Можно вернуть его владельцу, — осторожно предложил Унго, поднимая колье.

— Или выкинуть в выгребную яму.

Меня накрыло волной бессилия и безразличия. Человек в таких случаях тянется к бутылке, волк — забивается в логово, а метаморф… Метаморф продолжал строить планы, чтобы вконец не раскиснуть:

— Нужно выяснить, куда Лён–Леррон дел настоящий камень. Либо он его продал, но пока этого не афиширует, либо алмаз всё ещё у него, хранится под замком, а на многолюдные приёмы его жена надевает подделку. На всякий случай. Такой, как сегодня, например.

— Вы найдёте его, дэй Джед. Главное, не отчаиваться.

Когда-нибудь я поборю в себе сословные предрассудки и признаюсь Унго, какую важную роль он играет в моей жизни. По сути, этот чернокожий здоровяк — мой единственный друг. Друг, секретарь, дворецкий и камердинер. Незаменимый человек.

Мой дед, от нечего делать изъездивший полмира, однажды посетил Тайлубе — маленькое островное государство с жутким

климатом и ещё более жуткими нравами. Там ему «посчастливилось» по незнанию обычаев чем-то обидеть одного из местных царьков, запахло костром и международным конфликтом (всё же какие–никакие дипломатические отношения с Тайлубе Вестолия поддерживала), и, чтобы уладить проблему, мой предприимчивый предок принёс оскорблённому дикарю извинения и в доказательство добрых намерений подарил кольцо с рубином. Пёсий сын (они там искренне полагают себя потомками чёрного пса) извинения принял, кольцо вставил в нос, а деду преподнёс ответный подарок — мальчишку лет семи. Я же говорю, жуткие нравы! Так в нашем доме появился Унго.

Ему было около пятнадцати, когда родился я. То есть, если мне сейчас тридцать, Унго уже сорок пять. И всю мою жизнь он рядом. В детстве он водил меня в городской парк и на набережную. Родители отпускали, не тревожась — кто посмеет обидеть ребёнка, которого сопровождает такая «нянюшка»? Высокий, широкоплечий, устрашающе–чёрный. Чёрными были и толстогубое лицо с чуть приплюснутым носом, и глаза, и жёсткие курчавые волосы. Костюмы он тоже носил и до сих пор носит исключительно чёрные. И во всей этой черноте было лишь два светлых пятна: накрахмаленный воротничок рубашки и ослепительно–белоснежная улыбка.

Когда мне, как и всем юношам моего сословия, пришла пора поступить на королевскую службу, Унго отправился со мной в качестве денщика. Я дослужился до лейтенанта, а он научился ловко орудовать палашом и чистить пистолеты. Когда новые веянья в обществе заставили меня получать светское образование, тайлубиец три года прожил со мной в квартирке рядом с Агрейским Университетом, и теперь трудно сказать, кто же из нас защитил в итоге степень бакалавра земельного права: работы я сдавал вовремя, но не помню, чтобы писал их, а на лекции не опаздывал лишь потому, что Унго с вечера успевал найти меня в одном из ближайших трактиров или картёжных клубов и доставить домой, а с утра приводил в чувства с помощью стакана горькой, но действенной дряни, рецепт которой безуспешно пытались выведать у него все мои соученики.

Но главный его талант в том, что он может вернуть мне уверенность всего парой слов.

— Камень обязательно найдётся, — повторил он. — Я наведу справки, когда шумиха вокруг ограбления утихнет, но вам лучше побыть в стороне от этого. Отдохнуть, отвлечься. Вот, взгляните.

На подносе передо мной лежала гора вскрытых конвертов.

— Я распорядился, чтобы корреспонденцию пересылали на главный почтамт Велсинга. Это пришло ещё вчера, но я не хотел

отвлекать вас перед… намеченным визитом.

Письма он предварительно просмотрел и разложил именно в том порядке, в котором мне хотелось бы их прочесть: внизу кипа стандартных посланий из всевозможных обществ и попечительств с просьбами посетить, поддержать и оказать, а на самом верху — письмо от отца. Я прочёл его с радостью и не один раз, прежде чем взяться за следующий конверт.

— Дома всё хорошо, — с улыбкой сообщил я тайлубийцу.

— Я рад, дэй Джед.

Далее шла гневная петиция от тётушки Мадлен. Старушка грозилась лишить меня наследства, если я не стану навещать её хотя бы раз в месяц. Не то, чтобы я жаждал стать обладателем скрипучего кресла–качалки и облезшей кошки, но проведать престарелую родственницу стоило. Сейчас она здорово сдала, но детские воспоминания о ней у меня сохранились самые тёплые.

— Унго, пошли в пансион Солайс письмо и чек на двадцать грассов больше обычной месячной платы за проживание. Пусть купят цветы и фрукты для тётушки и скажут, что я прислал. Съезжу к ней, когда всё утрясётся.

— Хорошо, дэй Джед.

Из следующего письма я узнал, что через три седмицы меня, скорее всего, свалит в постель пневмония, печёночные колики или ещё какой-нибудь недуг: кузина Бернадетт напоминала об очередной годовщине своей свадьбы. Нет, я люблю Берни, и Ален, её муж, мне очень симпатичен. Но их дети! Сначала они в три голоса требуют меня «показать волчека», а когда я соглашаюсь (как можно отказать детям?), по часу не слазят со спины, мнут уши и дёргают за хвост. Обычному человеку не понять, какая это уязвимая часть тела — хвост. Поэтому однозначно — пневмония.

Как раз успею выздороветь ко дню рождения дяди Грегори. У него лучшие виноградники на юге Вестолии. А какие охотничьи угодья! Я отложил приглашение, чтобы Унго отметил этот визит в календаре, но тут же спохватился: камень, я должен искать камень. А вдруг случится чудо, и алмаз уже к концу месяца окажется в моих руках? Тогда я успею. Тогда… Эх, тогда я и Берни навещу, пожертвую хвостом. И остальных… Куда там ещё меня зовут?

Прочтя следующее послание, я, признаться, растерялся. Смотрины. Бывать на подобных мероприятиях мне ещё не приходилось.

— Ты что-нибудь знаешь о князе Дманевском, Унго? — поинтересовался я.

— О Вилаше Дманевском, который в годы короля Эда получил земли на западном берегу Фритса, нашёл там руду и

уголь, сколотил на этом состояние, а сейчас взялся выращивать лошадок для конницы её величества Элмы? Нет, не знаю, дэй Джед.

Значит, делец. Тогда удивляться не стоит.

— Князь Дманевский предлагает графу Гросерби часть угодий, угольный карьер и руку дочери. Мило, не правда ли? Мне казалось, это граф должен делать подобные предложения.

— Насколько я знаю, ар–дэй граф вообще не планировал жениться в ближайшее время. А князь из Селстии, у них так принято. И я считаю весьма похвальным, что отец заботится о судьбе единственной дочери.

— Единственной? Тогда это щедрое предложение.

А девица (если она ещё девица) наверняка уродлива, глупа или имеет какой-нибудь изъян, о котором её супруг узнает только после свадьбы.

— Дэйни Лисанна — магесса, — просветил меня Унго.

Вот это уже забавно.

— О ней ты тоже ничего не знаешь?

— Совсем ничего. Кроме того, что, по слухам, она хороша собой, добра, почтительна, и совсем недавно закончила обучение в пансионе дэйны Алаиссы Муэ. Выпускницы данного заведения считаются лучшими целительницами в Вестолии.

Целительница? Как банально. Но для женщины умение подходящее. Правда, я слышал, что некоторые из этих дам используют свои таланты не только во благо ближних. Возможно, именно в этом подвох? Князь на выгодных условиях предлагает руку дочери знатному дэю, а через два месяца она уже вдова и наследница всего состояния покойного супруга. Полгода траура — и история повторяется. Лет за пять таким образом можно заполучить половину земель королевства, если, конечно, не размениваться на мелкопоместных дворянчиков.

— Вы плохо думаете о людях, дэй Джед, — покачал головой Унго, когда я поделился с ним измышлениями.

— Просто я слишком хорошо их знаю.

Но письмо я всё-таки отложил. Если успею вернуть камень, то, может быть, посещу и приём князя Вилаша. Интересно же узнать, что представляют собой смотрины.

Лисанна

Двери в кабинет дэйны Алаиссы двойные. Когда она не хочет, чтобы беседа была услышана в приёмной, закрывает и внешние, и внутренние. Но сегодня был не тот случай. И говорила она

громко наверняка специально. Для меня. Как будто я без этого не понимаю, как будто мне и так не стыдно…

— Речь не идёт о лечении рукоположением или о коррекции астрального поля, дэй Вилаш. Ваша дочь неспособна приготовить простейшее лекарство, имея перед собой рецепт и подробную инструкцию! Вместо целебных смесей у неё получается отрава.

— Возможно, вы немного преувеличиваете…

— Преувеличиваю? Ничуть. На прошлой седмице я поручила ей сделать мятные пастилки от кашля. Больной скончался в страшных судорогах.

— О–о–о…

Так и вижу, как отец схватился за сердце.

— Не волнуйтесь, это была лабораторная крыса. Мы не позволяем вашей дочери практиковаться на людях.

Громкий вздох облегчения.

— Но Лисанна писала мне, что лечила нескольких человек.

— Да, три месяца назад. После этого мы и решили, что не можем больше рисковать репутацией нашего заведения. Прочтите, тут подробные отчёты о деятельности вашей дочери.

Зашуршали бумаги, а директриса продолжила:

— Всего-то нужно было свести прыщи с лица пожилой дамы и избавить одного дэя от мучившей его мигрени. И посмотрите, что вышло.

— Корона Создателя! Это же… это… Если пансион понёс какие-то убытки, я готов возместить. Они же наверняка жаловались…

— К счастью, нет. Дэйна Розетта оказалась артисткой передвижного театра. Теперь, как бородатая дама, она имеет большой успех у публики и даже рада подобным метаморфозам. К тому же прыщи и в самом деле сошли.

— А этот дэй? Который с рогами?

— Он умер. Не переживайте, с Лисанной это никак не связано. Его убили на дуэли. Любовник его жены.

— То есть, рога — это как бы небезосновательно?

— В какой-то степени — да, — хихикнула директриса. — Но это не отменяет того, что ваша дочь не сможет сдать выпускных экзаменов. С теорией она, безусловно, справится, но найти добровольца для практической демонстрации я не смогу. Люди дорожат здоровьем, дэй Вилаш. А встреча с дэйни Лисанной ничьему здоровью на пользу не пойдёт.

— Я вас прекрасно понимаю, дэйна Алаисса. Но, возможно, мы смогли бы как-нибудь договориться…

Тут она, видимо, закрыла внутреннюю дверь, так как я перестала их слышать.

Разговор затянулся, и я надеялась, что отец сумеет убедить директрису дать мне шанс. Но когда он наконец-то вышел, по одному его виду было понятно, что мои надежды не оправдались.

— Пойдём, дорогая. Прогуляемся по саду.

Во взгляде его подслеповатых блекло–голубых глаз мешались разочарование и сочувствие, седые усы удручённо обвисли, а на лысине поблёскивали капельки пота.

— Не расстраивайся, милая, — говорил мне он, когда мы шли уже по вымощенной узорными плитами аллейке. — Свидетельство об окончании срочных курсов ты получишь. А большего для девушки твоего положения, я считаю, и не нужно. Я всё равно не позволил бы своей дочери практиковать в какой-нибудь лечебнице.

— Но я бы могла… — начала я и тут же сникла под строгим взглядом родителя.

— Лисанна, я хотел отложить этот разговор до твоего возвращения в Уин–Слитт, но лучше скажу сейчас. Я никогда не строил серьёзных планов на твои чудесные способности. Это было бы неплохим дополнением, но раз не вышло, то думаю, вполне хватит родословной, богатого приданого и твоих личных качеств.

— Для чего хватит?

— Для того чтобы устроить твоё счастье с достойным человеком.

Хорошо, что нам попалась скамейка, и я смогла присесть. Нужно знать моего отца: он никогда не заговорил бы об этом, если бы уже не имел на примете «достойного человека».

— Ты слыхала что-либо о графе Гросерби?

Нет, до сегодняшнего дня я ничего не знала об этом дэе. Да и после беседы с отцом знаний у меня не прибавилось. Он сказал лишь, что Эрик Фицджеральд Леймс второй, граф Гросерби, посетит в конце месяца Уин–Слитт. Там нас представят друг другу. А далее, как я поняла, дело уже решённое. И моё мнение никого не интересует.

— Ты даже не возражала? Это же твоя жизнь!

С Милисентой я познакомилась в первый день пребывания в заведении дэйны Алаиссы. Нам тогда было по тринадцать лет. С тех пор мы делили на двоих комнату в пансионе, наряды и украшения, а вместе с ними — все тревоги и радости. Кому ещё мне было жаловаться?

— А ты бы спорила?

— Я? — подруга заправила за ухо выбившуюся из причёски смоляную прядь и сердито сверкнула чёрными глазищами. — О, да! Как можно просватать девушку без её ведома? Что за дикие нравы?

— Это не дикие нравы, — возразила я. — Это — действующие законы Вестолии. Пока мне не исполнилось двадцати лет, моего согласия на брак не требуется. Достаточно согласия родителей или опекунов. Если бы я получила диплом и степень мага, то, независимо от возраста, считалась бы уже дееспособной и имела право на самостоятельное принятие решений. А с тем свидетельством, которое отец выторговал у Алаиссы, я никто.

Что-что, а теорию, в том числе и теорию гражданского права, я знаю отлично.

Милисента перестала метаться по комнате и присела рядом со мной на софу.

— Может, он тебе ещё понравится? Что твой отец о нём рассказывал? Как он выглядит? Сколько ему лет?

— Кажется, наши земли граничат. И если мы поженимся, Гросерби и Уин–Слитт объединятся… — это всё, что я запомнила из разговора с отцом.

— Значит, придётся ждать встречи?

— Не придётся.

Я пальцем подманила подругу и шёпотом поделилась с нею возникшей у меня идеей. Идея была одобрена, и, не откладывая на потом, мы взялись за её реализацию.

Выйти за ворота пансиона не проблема для завтрашних выпускниц: девушки часто ходят в город. Но если стража или гвардейцы наместника задержат нас за пределами Солнечного кольца, скандала не избежать. Эта часть Райнэ — не место для прогулок благовоспитанных девиц. Тут на каждом углу питейные заведения, а по улицам шныряют подозрительные личности. Говорят, здесь есть подпольные притоны, где посетители курят маковую пыль, а женщины недостойного поведения предлагают себя за деньги. Говорят также, что некоторые из этих женщин, чтобы привлечь внимание, одеваются в форму пансионерок. Мне кажется, это полная ерунда: что привлекательного в казённом синем платье с кружевным белым передником? Но Милисента слыхала об этом не раз, а потому наряды мы выбрали такие, чтобы нас не приняли ни за пансионерок, ни за, упаси Создатель, тех самых женщин: скромные тёмные платья и шляпки без цветов и украшений — две молоденькие мещанки, случайно забредшие в этот квартал.

Чудом не заблудившись на узких кривых улочках, мы в конце концов остановились перед обшарпанной дверью. Ни таблички с именем, ни даже звонка. Но подруга не сочла последнее проблемой и решительно забарабанила кулаком по шершавым доскам.

Послышались шаги и непонятная отрывистая речь. Должно

быть, на каком-то иностранном языке, так как я не разобрала ни слова, хоть вначале мне и показалось, что кто-то зовёт мать. Заскрипел засов, дверь отворилась.

— Чего вам? — неприветливо поинтересовалась возникшая на пороге женщина.

— Мы бы хотели видеть дэйну Хильду, — сказала я, отпрянув назад — от этой особы невыносимо разило табаком.

— Я похожа на дэйну? — хозяйка продемонстрировала в кривой улыбке жёлтые зубы.

Нет, на уважаемую дэйну она совсем не походила: всклокоченные седые волосы, смуглое морщинистое лицо, пёстрая одежда, обшитая лентами, бусами и блестящими монетами, а в руке — дымящая трубка. Но нужно же было к ней как-то обращаться?

— Входите, коль не передумали, — дверь перед нами распахнулась шире.

Милисента подтолкнула меня в спину.

Внутри оказалось не так уж страшно. Из тёмной прихожей мы проследовали в просторную комнату с круглым столом в центре. На стенах висели связки сушёных трав, костяные бусы, звериные лапы и прочая шарлатанская атрибутика. А запах табачного дыма мешался тут с ароматом благовоний.

— Зачем пожаловали к старухе Хильде? Погадать?

Эта женщина слыла лучшей прорицательницей в Райнэ.

— Не просто погадать. Хотелось бы посмотреть.

— На суженого? — осклабилась гадалка.

— На суженого, — согласилась я и добавила, вспомнив, как любила говорить моя бабушка: — На ряженого.

— Не советую, — покачала головой Хильда.

— Что не советуете?

— На суженого ряженым глядеть не советую. Лучше уж выбрать момент да в купальне где-нибудь подсмотреть. Или когда он ко сну готовится. Заодно и оценишь… хм… перспективы семейной жизни.

Кровь прилила к щекам, и я отчаянно замотала головой.

— Тю! — старуха сплюнула прямо на пол. — Голого мужика никогда не видала?

— Видела, — покраснела ещё сильней я.

Видела, и даже дважды. Первый раз в анатомическом атласе. Цветном, между прочим! А во второй раз на практикуме: мы препарировали мужской труп. Правда, причинное место у него было закрыто салфеткой. Но потом доктор Арвьер нечаянно задел её, и… В общем, совершенно ничего интересного.

— Ясно, — ухмыльнулась гадалка. — Линии судеб

просчитаем, или как?

— Не надо линии. Я имя знаю.

— Имя? — она недовольно поморщилась. — А может, вещицу какую от него имеешь?

— Нет. Только имя.

— Ладно. Хоть имя давай.

— Эрик Фицджеральд Леймс, — раздельно произнесла я. — Из Гросерби.

Титул уточнять не стала. Старуха и так подозрительно сощурилась, заслышав, как зовут моего «суженого».

— Погоди, — махнула она. — Рано пока.

Гадалка достала из шкафа большое серебряное блюдо и водрузила его в центр стола. Из кувшина налила в него воду, сыпанула щепотку белого порошка из пузатой склянки. Над водой поплыл густой молочный туман.

— Теперь говори.

— Эрик Фицджеральд Леймс, — отчего-то стуча зубами, пробормотала я. — Из Грос… Гросерби…

Марево над блюдом рассеялось, по воде прошла рябь.

— Смотри.

Серое пятно. Розовое пятно. Зеленое пятно. Большое овальное пятно, которое ещё раз пять сменило цвет, прежде чем начало приобретать человеческие черты. Тёмные глаза. Тёмные волосы. Прямой нос. Густые брови. Гладковыбритый подбородок с ямочкой…

— Красавец, — хмыкнула гадалка.

За что же вы так со мной, папенька?

Мужчина был хорош. Для Хильды. И по возрасту ей подходил — на вид ему было не меньше шестидесяти.

— Может, вы ошиблись? — я с мольбой взглянула на гадалку.

— Если ты с именем не напутала, то и я не ошиблась, — сказала она спокойно. — Но ежели сомневаешься, не плати. Убедишься, тогда долг пришлёшь.

Мне не хотелось верить, что это моя судьба глядит на меня со дна серебряного блюда, но и оставаться должницей старой ведьмы я не желала. Бросила на стол пару монет, схватила за руку подругу и кинулась прочь из этого дома.

К сожалению, Хильда не ошиблась. Подтверждение отыскалось в учебной библиотеке, в подшивке «Парламентского вестника» за прошлый год. Дэй Эрик Леймс оказался человеком известным, и когда Милисенте пришло в голову поискать информацию о нём в королевских реестрах, архивариус, едва заслышав имя, подсунул нам эту стопку газет.

С недавних пор в новостных листках появились рисунки:

сначала портреты правящей четы, потом пейзажи, а теперь даже в светских хрониках мелькали то наряды дэйны А, то причёски дэйны В. Но особой популярностью пользовались «живые» зарисовки с судебных слушаний или заседаний Совета.

— Смотри, внизу страницы.

Милисента дёрнула меня за рукав, но я уже сама нашла нужную иллюстрацию: ар–дэй Леймс читает доклад. Художник постарался на славу: лицо, прорисованное до мелочей, отражало ум и сдержанность, а весь облик докладчика излучал спокойную уверенность в себе: гордая осанка, высоко поднятый подбородок… Но это всё равно был он — мерзкий старикан!

На глаза набежали слезы, и попытки прочесть саму речь успехом не увенчались, буквы плясали и расплывались. Что-то о земельном налоге и правах арендаторов. Какая мне, впрочем, разница?

С трудом переставляя ноги, поддерживаемая подругой, я добралась до комнаты, и тут уже разрыдалась.

— Ещё не всё потеряно, — Милисента погладила меня по плечу. — Поговори с отцом…

— Нет! — я села и вытерла слезы. Короткой истерики хватило для принятия решения. — Я не стану с ним говорить. Ты что, не понимаешь, что всё уже решено? Я не оправдала ожиданий семьи, шесть лет обучения прошли впустую. И граф Эрик — моя кара. Но отец ошибается, если думает, что я приму это наказание безропотно!

— Что ты задумала, Лисси?

— Я… Я уйду в Орден Милосердия! Они никому не отказывают. А чтобы работать в лечебнице для бедных, магическая степень не нужна.

— Уйдёшь к сёстрам? — не поверила подруга. — Дашь обет безбрачия и откажешься от светской жизни?

— Всё лучше, чем выйти замуж за человека в три раза старше меня.

— Вот как? — Милисанта в задумчивости присела рядом.

— Да, так, — сказала я твёрдо. — Раз уж я и без того позор семьи, хуже не будет.

— Хорошо, — кивнула подруга. — Но давай не будем торопиться с позором? В монастырь всегда успеешь, а пока можно попробовать прожить полгода так, как это подобает знатной выпускнице нашего заведения. Тебе ведь полгода осталось до двадцатилетия?

— Полгода и пять дней.

— Неважно. При желании можно и год продержаться. И потратить его на то, чтобы доказать отцу, что ты вправе сама

принимать решения.

Я непонимающе заморгала.

— Помнишь, я говорила, что просила дядю Альберта взять меня судовым лекарем на «Стальную чайку»? Ты ещё не верила, что он согласится — мол, женщина на корабле, и прочие суеверия… Помнишь?

— Конечно, помню.

Забудешь тут: она бредила морем, все уши мне прожужжала, как будет здорово, если дядя, бывший её опекуном после смерти родителей, возьмёт её на свою шхуну. Мне кажется, она не то что лекарем, а даже судомойкой туда пошла бы.

— Так вот, он согласился!

— Что?

— Он согласился, — радостно пропела подруга. — Через три дня «Чайка» будет в порту Райнэ, и дядя Альберт заберёт меня с собой!

— Через три дня?! И ты молчала?

— Лисси, не сердись, пожалуйста!

— Ты собиралась уехать, не дождавшись выпускного бала, и ни слова мне не сказала?

Самые близкие люди меня предают: отец собирается выдать замуж за старика, подруга бросает накануне выпуска. Решительно, монастырь — лучшее для меня место!

— Ну, не дуйся, прошу, Лисси! Я никому не говорила, совсем никому. И теперь, — она хитро улыбнулась, — моё молчание сыграет нам на руку.

Я всё ещё злилась, но не смогла сдержать любопытства:

— Как это?

— Ты же знаешь, что к каждому выпуску в пансион приходят запросы от тех, кто хотел бы заиметь домашнего целителя? Так вот, Алаисса предложила мне поработать по одному из таких заказов: престарелой дэйне, обитающей в Лазоревой Бухте, нужен кто-то вроде сиделки и компаньонки в одном лице. Я пока не отказывалась, а теперь и не стану. Возьму письма, рекомендации, но на побережье вместо меня поедешь ты! Приличное общество, необременительные обязанности — не это ли нужно молодой девушке для начала самостоятельной жизни? Проживёшь там до зимы, отпразднуешь двадцатый день рождения, а потом напишешь отцу. Думаю, он к тому времени остынет и будет рад принять потерянную дочь в любом случае. А когда узнает, чем ты занималась всё это время…

— А если у меня будут хорошие отзывы… — подхватила я воодушевлённо.

— Вот именно!

— Но ведь это будет подлог. Мне придётся пользоваться твоим именем, твоими рекомендациями.

— Работа по доверенности? — подмигнула подруга. — Завтра мне нужно будет наведаться на почту, а заодно можем зайти к нотариусу и составить договор. Тебе ведь не обязательно демонстрировать его нанимательнице? Да и законникам вряд ли придётся. Кто заинтересуется компаньонкой старушки, которая, как я поняла, носу из дому не кажет? Ну что, не сердишься на меня больше?

— Нет, но…

— Что «но»? — нахмурилась Милисента. — Тебе не нравится мой план? Считаешь, будет лучше заживо похоронить себя в монашестве?

— Это опасно. И отец будет меня искать. Как только он узнает о моем исчезновении, мои приметы будут у стражников во всех городах Вестолии, у дорожных патрулей и гостиничной охраны. А ещё у агентов криминального сыска, агентов гражданского бюро, у вольных охотников за головами… Да и вообще — на каждом столбу!

— А какие у тебя приметы? — наигранно удивилась Милисента. — Девушка как девушка.

— А это? — я оттянула вверх прядь волос.

— А над этим придётся поработать.

Необычные, серебристо–пепельные волосы и дар врачевания передавались в нашем роду по женской линии. Увы, мой дар оказался недостаточно силён, чтобы обеспечить мне свободу, а теперь предстояло проститься с серебряными локонами.

Глава 2

Джед

Как ни странно, но на следующий день ни газеты, ни сплетницы–торговки ничего о ночном происшествии в доме Лён–Лерронов не знали. И через день — тоже.

Унго предположил, что дэй Роджер решил не сообщать об ограблении: алмаз был фальшивым, а стоимость остальных камней достаточно невелика, чтобы не поднимать шумихи вокруг своего имени. Ведь преступник, то есть я, проник в дом во время приёма, в то время, когда баронет лично нёс ответственность за безопасность своих гостей.

Меня такое объяснение не удовлетворило: волчье чутьё, которое нет–нет, да давало о себе знать, подсказывало, что не так всё просто.

Жаль только, оно не подсказало немедленно собирать вещи и уносить хвост из Велсинга. А когда на утро третьего дня в прихожей зазвонил колокольчик, было уже поздно…

Вернувшийся в гостиную Унго показался мне побледневшим. Впервые в жизни я подумал о том, что тайлубийцы могут бледнеть. Но я и сам, должно быть, сделался белым, как воротничок рубашки моего друга, дворецкого и с недавних пор сообщника, когда прочёл имя на протянутой им визитке.

— К вам дэй Лён–Леррон, — сказал Унго севшим голосом, словно сомневался, что я прочёл правильно. — Тот самый…

Я поднялся навстречу гостю. Мимоходом взглянул в висевшее на стене зеркало. Из резной деревянной рамы на меня встревожено зыркнул худощавый молодой человек. Небрит, растрёпан, рубашка небрежно расстёгнута на груди. Вряд ли дэю Роджеру есть дело до того, как я выгляжу, но я всё же пригладил волосы и привёл в порядок одежду. Как раз успел до того, как дверь отворилась и в гостиную прошествовал высокий, грузный мужчина лет пятидесяти. Чёрные с проседью волосы визитёра были заплетены в короткую косичку. Усы тщательно напомажены и подкручены вверх, что придавало его облику некоторую комичность, но при взгляде в холодные голубые глаза нежданного гостя улыбаться совсем не хотелось.

За Лён–Лерроном, подслеповато озираясь, шёл невысокий полненький человечек с рыжей козлиной бородкой и косматыми бровями. Этот тоже казался бы забавным, не будь на нём коричневой мантии мага–дознавателя.

— Дэй Селан, я полагаю, — с ходу обратился ко мне Лён–Леррон.

Если поднять архивы нашей семьи, можно легко, всего за час копания в пыльных документах, убедиться в том, что Селаны значились среди моих многочисленных предков. И я носил это имя с гордостью и на законных, с некоторыми оговорками, основаниях.

— Да, именно так. Чем могу служить?

Гость проигнорировал мой вопрос и повернулся к своему спутнику. Толстяк хмуро покосился в мою сторону и кивнул.

— Что ж, дэй Алессандро. Приступайте.

Даже решись я бежать, мне это не удалось бы: одного взгляда мага хватило, чтобы тело сделалось тяжёлым и непослушным. Я застыл на месте, и ничто не помешало дознавателю приблизиться. Ноздри защекотал странный аромат — смесь сандала и чеснока — а на запястье защёлкнулся ледяной браслет. Но когда я, сбросив оцепенение, поглядел на руку, успел заметить лишь слабо светившиеся символы, а затем магические знаки будто впитались в кожу — премерзкое ощущение, как и любое, связанное с людскими чарами.

— А теперь поговорим, молодой человек. — После того, как маг скрылся за дверью, дэй Роджер без приглашения развалился в кресле. — Это ведь удобно — назвать вас человеком? Насколько я знаю, метаморфы не возражают против подобного обращения.

— Потрудитесь объяснить… — начал я возмущённо, но голос предательски сорвался на щенячий визг.

Лён–Леррон укоризненно покачал головой.

— Не кипятитесь. Присядьте. Объяснить? Пожалуйста. Вы только что были арестованы полномочным представителем префектуры Велсинга и в ближайший час предстанете перед судом — правосудие у нас вершится быстро.

Услыхав эту дивную новость, я ошарашенно шмякнулся в кресло напротив гостя.

— Два дня назад, — продолжал дэй Роджер, — во время приёма в моем особняке было совершено дерзкое ограбление. Некий метаморф, используя вторую ипостась, сумел миновать охрану и пробрался в комнату моей жены. Зная, что облик оборотня, недавно перенёсшего трансформацию, не откладывается в памяти обычного человека, грабитель не особо осторожничал, а отсутствие на нём одежды сыграло ему на руку — дэйна Аврора испытала сильнейший шок и не смогла ни помешать наглецу, ни позвать на помощь. Нужно сказать, что план был хорош, преступник знал, что все охранные чары из-за находящихся в доме гостей будут сняты, а ограбленная им дама

не вспомнит его лица даже при встрече. Но грабитель кое-что не учёл. Да, все заклинания были деактивированы, но одно, действующее постоянно и наложенное независимо от защитных, сработало. Поймите меня правильно, дэй Селан, я уже почти старик, а моя супруга молода и красива. Я довольно снисходительно смотрю на некоторые вещи, но и оставить жену без присмотра не могу. А потому строго слежу за тем, кто и когда посещает её спальню.

Я почувствовал, как холодеют вцепившиеся в подлокотники пальцы.

— Пришлось повозиться, чтобы вас опознать, — продолжил гость. — Потом потратить ещё немного времени, чтобы выяснить, где вы остановились, и собрать полную информацию.

— Насколько полную? — выдавил я.

— Достаточную, чтобы подтвердить перед законниками вашу личность, — махнул рукой баронет, и я с облегчением вздохнул.

Впрочем, всё это временно. Во время суда или уже после, через месяц или два, когда отец, не получив ответа на очередное письмо начнёт меня искать, правда всё равно откроется…

И как он воспримет известие о том, что его сын — вор? Что станет говорить обо мне своим детям Берни, если меня отправят в тюрьму? И дядя Грегори? У него, отставного генерала, часто собирались высшие армейские чины — будут ли они наведываться к нему как прежде, когда эта история всплывёт? А если какая-нибудь старая грымза из пансиона Солайс, наслушавшись сплетён или начитавшись газет, расскажет обо всем тётушке Мадлен?

— Вижу, вы задумались, дэй Джед. Могу я узнать, о чем?

— Конечно, — я твёрдо взглянул в глаза гостя. — Мне интересно, зачем вы говорите со мной. Почему пришли лично? Почему выпроводили из дома мага? И, в конце концов, почему я до сих пор не предстал перед вашим скоростным правосудием?

— А вы так к этому стремитесь? Нет? Тогда, может быть, и не придётся.

— Слушаю вас.

— Возможно, мы с вами сумеем помочь друг другу, — осторожно начал человек. — Не так давно я попал в щекотливую ситуацию, разрешить которую предпочёл бы без посторонней помощи, но, увы, не обладаю вашими способностями. А довериться кому-либо… Разве что тому, чья жизнь и судьба целиком и полностью находится в моих руках.

В груди шевельнулось нехорошее предчувствие, но мне оставалось только изобразить заинтересованность. Был же я заинтересован в том, чтобы выбраться из этой передряги?

— Но прежде позвольте сделать ещё одно предположение, дэй Селан. Из того, что я узнал о вас, видно, что человек… хм, человек вы не стеснённый в средствах и на обычного преступника мало похожи. А способ ограбления, который вы избрали, говорит о некотором э–э… непрофессионализме. И тогда я решил, что возможно, вас лично интересовало ожерелье моей супруги. Точнее даже, один камень из этого ожерелья. Вспомнил, что трижды за последние два месяца у меня хотели его купить… Я с радостью продал бы его, если бы, как вы уже наверняка знаете, уже не сделал этого ранее. Но меня заинтересовало, чем же бриллиант так ценен помимо своей рыночной стоимости. И знаете, что?

Я непроизвольно подался вперёд.

— Ничего, — пожал плечами дэй Роджер. — За несколько лет камень сменил десяток владельцев, мне даже не удалось узнать, кому он принадлежал изначально. Знаю только, что у каждого нового хозяина неизменно находились причины для перепродажи. Такое ощущение, что алмаз намеренно не задерживается надолго в одних руках…

Он убегает. Убегает от меня и прячется.

— К чему вы заговорили о камне? — спросил я, стараясь хотя бы внешне казаться спокойным.

— Да так… — хмыкнул в усы Лён–Леррон. — Оставим в покое алмаз и его тайны и вернёмся к моей печальной истории. Я же могу рассчитывать, что она останется между нами, дэй Джед? Итак, в прошлом году, осенью, я по рекомендации целителей отдыхал на водах в Брейгене. Один. Я имею в виду — без супруги. Пробыл там почти месяц. Грязи, купальни. По вечерам — походы в местный театр, к слову, достаточно неплохой, как для провинции. Свёл некоторые знакомства… Думаю, как мужчина вы меня поймёте.

Он снабдил выразительным взглядом образовавшуюся после этих слов паузу, и я решился на предположение:

— Речь пойдёт о чести дамы?

Мужчина неприязненно поморщился:

— У этой особы нет чести. Меня представили ей на одном из благотворительных вечеров. Обычно я сдержан в эмоциях, но тут… Думаю, это не случайно, и были применены некие средства: чары, дурманящий напиток, какие-нибудь специфические духи — мало ли подобных секретов у женщин? Но тогда я был уверен, что это внезапная и искренняя страсть. И в порыве этой страсти я написал два письма. Первое — практически невинное и, за исключением нескольких фраз, вполне пристойное. А вот второе было написано уже после… м–м–м… совместно проведённых

вечеров. В том письме я опрометчиво упомянул некоторые моменты нашего общения, которые, как тогда казалось, хотел сохранить в памяти навечно. А теперь и рад бы забыть, но, увы, мне никак не дают этого сделать. Эта дама — не стану пока называть её имени — появилась в Велсинге в середине зимы. Послала ко мне с запиской, попросила о встрече. К тому времени я уже остыл и не желал продолжения знакомства, но из вежливости поехал. Поначалу она прикинулась овечкой, сказала, что попала в бедственное положение и остро нуждается в деньгах, попросила о помощи. Я решил, что разговор пойдёт о займе и готов был оказать ей эту услугу, но…

— Короче говоря, вас шантажируют теми письмами? — не выдержал я.

— Да. Я уже трижды выплачивал этой особе немалые суммы, а её аппетиты только возрастают. Но пока письма в руках у этой женщины, я не могу рисковать и вынужден платить.

Меня удивило его признание. В наше время супружеская верность не в чести, и наличие связей на стороне, как для мужа, так и для жены, считается едва ли не нормой. А дэй Роджер, похоже, всерьёз переживал за свой брак.

Но семейные проблемы Лён–Леррона отходили на второй план в сравнении с моей догадкой: я понял, чего попросит от меня странный гость в обмен на мою свободу и спокойствие родных. Недаром ведь он сетовал на то, что не имеет моих способностей.

— Может, вам рассказать обо всем жене? — предложил я, не дожидаясь, пока он озвучит свои требования. — Как я понял, отношения у вас достаточно вольные…

Мужчина раздражённо махнул на меня рукой, заставляя умолкнуть.

— Ничего вы не поняли, дэй Джед. После нашей свадьбы Аврора получила моё имя и титул, а я — возможность распоряжаться частью доставшихся ей от родителей средств. Смог оплатить долги, выкупить имение, вести жизнь, приличествующую дворянину. В случае развода моя супруга имя и титул сохранит. А вот я потеряю буквально всё. Я и сейчас имею не слишком много. Даже для того, чтобы заплатить вымогательнице, вынужден был продать камень, который так вас интересует. Благо, Аврора не заметила подмены: она не слишком хорошо разбирается в драгоценностях, а эти капли с белладонной… Вы обратили внимание, какие красивые глаза у моей жены? Эти расширенные зрачки, как два тёмных омута. Но за красоту пришлось немного поступиться зрением. Конечно, это не могло бы продолжаться вечно, но ваш дерзкий поступок

избавил меня от необходимости объясняться с женой…

— А если вы сдадите меня законникам, подмена камня откроется, — я решил сыграть на внезапно открывшихся обстоятельствах. — Маги–дознаватели подтвердят, что я не нарушал целостности ожерелья, а вынес его из вашего дома уже с подделкой. Ваша жена всё узнает.

— Вероятно, да, — пожал плечами дэй Роджер. — Но вам будет уже всё равно.

Посох Создателя, он прав!

— Что ж, дэй Джед, думаю, вы уже поняли, что я хочу вам предложить. Добудьте мне мои письма, а я забуду об этом маленьком недоразумении с ожерельем. У меня давно зрела мысль нанять кого-нибудь, чтобы вернуть свои послания, но я боялся, что они окажутся не в тех руках, и мне придётся расплачиваться уже с другим шантажистом. Вам же я в сложившихся обстоятельствах могу полностью доверять. Согласны?

— Нет.

Ложь влечёт за собой ещё большую ложь. Одно преступление ведёт к следующему. Если не остановиться, из этого порочного круга не вырвешься.

— Это ваш окончательный ответ, дэй Джед? А если к благодарности за помощь я присовокуплю имя человека, купившего алмаз?

Лисанна

В предшествующей выпускному балу суете, когда пансионерки носились по лавкам и навещали модисток, мы с Милисентой, не привлекая лишнего внимания отлучками, успели составить доверенность на выполнение работ и собрать вещи. Часть гардероба мне удалось продать, выручив достаточно средств на дорогу до Лазоревой Бухты, а дальнейшие расходы должна была взять на себя баронесса Солсети, моя нанимательница.

Подруга заранее получила у дэйны Алаиссы рекомендательные письма, а когда прибыл её опекун, устроила так, что тот и словом не обмолвился директрисе о том, что сам предоставил племяннице работу. Только сказал, что забирает её, не дожидаясь официального выпуска. Вместе с вещами Милисенты пансион покинул и мой багаж, а сама я отпросилась проводить подругу в гостиницу.

— Дэйна Алаисса, разрешите Лисанне остаться у меня на

ночь! — с жаром запросила Милисента. — Она вернётся к завтраку. Нет, она позавтракает с нами и вернётся. Да, дядя?

Дэй Альберт не успел ничего сказать, как я «вспомнила»:

— Мне же после завтрака к портнихе, ты забыла? Моё платье должно быть уже готово!

— Значит, заберёшь его и будешь в пансионе к обеду.

Был и запасной план на случай, если директриса не согласится, но дэйна Алаисса поглядела на нас с умилением, пробормотала что-то вроде: «Эх, молодость…» и позволила мне остаться с подругой в городе, взяв обещание появиться в пансионе к вечеру следующего дня.

Знала бы она, где я буду вечером!

Но сначала — волосы.

Едва устроившись в гостинице, точнее, попросту бросив в номере вещи и меня, Милисента отправилась с дядей в порт, смотреть шхуну, на которой ей предстояло провести ближайшие три месяца, а если понравится, то и всю жизнь. Странно, как по мне, провести жизнь в море. Но вся семья Милисенты была помешана на путешествиях. Подругу не остановило даже то, что одно такое путешествие стоило жизни её родителям. И то, что к женщинам на кораблях относятся с некоторым предубеждением. Я видела, что она буквально светится от счастья, и будь на то её воля, не задержалась бы в городе ни на час — тут же устроилась бы в каюте на борту «Стальной чайки». Она даже обо мне как будто забыла. А ведь предстояло ещё приготовить краску и избавить меня от главной приметы.

Оставшись в одиночестве, я решила выбрать подходящий состав в книге, которую мы прихватили из библиотеки. Книга была новая, не сравнить со старыми справочниками, авторы которых отчего-то предпочитали выражаться витиеватыми фразами и метафорами, тут были точные рецепты и подробные указания. А ещё — цветные иллюстрации, чтобы можно было заранее узнать, к какому эффекту приведёт использование того или иного средства. Я выбрала для себя краситель под названием «Огненная ночь». Рядом с инструкцией разместилось изображение жгучей брюнетки. Картинки были непростыми, и волосы нарисованной красавицы отливали живым блеском и огненными сполохами. Эти сполохи и объясняли название. А рецепт был совсем несложным… Нет, всё же нужно дождаться возвращения подруги. Вдруг снова что-то напутаю?

Хотя, что тут можно напутать? Всего пять составляющих. Пропорции приведены в точностях до грана. И неужели я такая неумёха, что не приготовлю какую-то краску?

Смешав ингредиенты, точь–в–точь как было указано в книге,

я в последний раз взглянула на себя в зеркало. Жаль было прощаться с такой красотой. Без серебра в волосах я превращусь в обычную, ничем не примечательную девушку. Впрочем, тёмные волосы должны хорошо оттенять белую кожу, и голубые глаза будут казаться ярче.

Рассуждая так, я с воодушевлением принялась размазывать по волосам густую темно–коричневую пену. Вот Милисента удивится, когда вернётся!

Милисента удивилась. Очень.

— Лисси, — простонала она, хватаясь за сердце. — Что ты с собой сделала?

К её приходу я успокоилась и перестала рыдать, но услышав этот вопрос, всхлипнула.

— Всё по инструкции. Я несколько раз проверила. И до, и после…

— Милая моя, — подруга дотронулась до моих волос, погладила, — я тебе верю, но… Главное, теперь они не серебряные. А в инструкции могла быть ошибка. Покажи, что ты делала?

— Вот это, — я со злостью ткнула в открытую книгу. — «Огненная ночь». Всё точно смешала, гран в гран.

— Точно? — новый лекарь «Стальной чайки» озадачено потёрла нос, перевернула страницу и подняла на меня вопросительный взгляд: — Ты до конца дочитала?

— Конечно!

— И на обороте?

— На обороте?!

— Да, вот это: «Состав «Огненная ночь» придаст вашим тёмным волосам волшебный оттенок пламени».

— Тёмным волосам?!!

— Ох, Лисси, это средство для тех, у кого и так тёмные волосы. Оно придаёт им рыжеватый оттенок, это красиво.

— У–у–у, — взвыла я словно какой-то метаморф. — Кто пишет об этом в конце рецепта? Да ещё и на обороте? Это нужно было писать в самом начале! И большими буквами! Огненная ночь. Только для тех, у кого «ночь» своя собственная! А теперь что? У меня никакой ночи не было! У меня теперь один огонь на голове!

— Не расстраивайся. Рыженькой тебе тоже хорошо.

— Рыженькой?! Я не рыженькая. Я — красная! Огненно–красная!

— Может, потускнеет, если промыть ещё раз? — предположила испуганная моими воплями подруга.

— А может, мы это закрасим?

— Нет. Тут написано, что не рекомендуется производить повторную окраску раньше, чем через месяц. Если, конечно, не хочешь, чтобы твои волосы стали зелёными.

После трёх намыливаний подряд нам удалось немного притушить пламя на моей голове. А настойка пустырника помогла успокоиться.

Ничего, и рыжие как-то живут. А от особой приметы я избавилась.

Джед

Эван Граб был плешивым сморщенным старикашкой, с изъеденными щёлочью руками и лицом, являвшим собой хронику неудачных алхимических экспериментов: шрамы, ожоги, сгоревшие брови и ресницы и чудом уцелевшие глаза, временами сходящиеся к переносице и надолго застывавшие в таком положении. Посетителям обычно хватало одного взгляда на него, чтобы одуматься и заранее отказаться от услуг этого мага–неудачника. Но я знал Эвана не первый год, и был о нём лучшего мнения. К тому же вряд ли кто-то другой взялся бы мне помочь.

— Прекрасно! — воскликнул старик, взглянув на моё запястье. — Просто великолепно!

Предложение Лён–Леррона было весьма заманчиво в той части, которая касалась алмаза, а прочие условия не оставляли мне выбора, и я уже ответил баронету согласием. Но не мог не попробовать расторгнуть этот контракт.

— Сможешь это снять? — спросил я, воодушевлённый радостью мага.

— Конечно! Конечно же, нет! Это просто потрясающая, великолепнейшая работа! Чары настолько крепки, что тебя, мой мальчик, достанут даже из подземных чертогов Мун!

— Ясно. — Я опустил рукав. — И нет совсем никаких вариантов?

— Отчего же? — Эван радостно потёр руки. — Варианты есть всегда! Я приготовлю замораживающее снадобье, мы польём твою руку… и отрежем её! Вот и всё! Каков пассаж, лишь подумай: виртуозно наведённое заклинание — ничто перед простой лекарской пилой!

— Э–э… Эван. — Я осторожно спрятал руку за спину. — Других решений нет?

— Нет! А у этого есть несколько неоспоримых плюсов. Во–первых, я не возьму с тебя и медяка за операцию, а во–вторых, — старик заговорщически подмигнул, — дам тебе аж десять грассов

за отрезанную конечность!

К счастью, я не настолько нуждался в деньгах, и ещё надеялся по–другому избежать тюремных застенков.

Лисанна

Ночь мы с Милисентой провели, кое-как разместившись на одной постели, а утром подруга провела меня на стоянку дилижансов.

— Пиши мне на адрес судоходной компании дяди, — попросила она, обнимая меня на прощанье. — Только сделай пометку на конверте: «Стальная чайка», Милисенте Элмони.

— Милисенте Элмони от Милисенты Элмони? — улыбнулась я сквозь навернувшиеся слезы.

— А ты не пиши, от кого. Если придёт письмо из Лазоревой Бухты, я буду знать, что это от тебя.

— Хорошо. Только и ты мне пиши.

— Обязательно, — пообещала подруга. — И не волнуйся. У меня хорошее предчувствие, а моим предчувствиям можно верить, ты знаешь.

— Отправляемся! — зычный крик кучера оборвал наше прощание.

— Береги себя, Лисси, — всхлипнула Милисента. — Ты такая… такая несамостоятельная… Носовые платки забыла, я положила дюжину. А ещё — баночку твоего любимого орехового масла…

— Отправляемся, дэйни! Извольте внутрь.

В последний раз прижав подругу к груди, я заняла место в дилижансе, на крыше которого уже закрепили мой багаж — кофр, саквояж и шляпную коробку. Сумку с документами и готовыми лекарствами я взяла с собой. Устроившись на мягком сидении, помахала Милисенте в окошко.

— Первый раз в такую даль? — спросила сидевшая рядом со мной пожилая дама.

— Да.

— Не волнуйтесь, милочка, главное, чтобы попутчики попались хорошие, — женщина явно намекала, что с ней мне в этом плане несказанно повезло.

— Конечно, — рассеянно согласилась я.

— Я — дэйна Беатрисс, — представилась дружелюбная дама. — А как к вам обращаться, милочка?

— Ли… — экипаж резко тронулся, и я подпрыгнула на сидении, — …санна.

Ой! Нужно же было сказать, что Милисента!

— Сана? Хорошее имя. Кажется, на староветском это означает «солнечная». Вам очень подходит.

Если это о цвете волос, то мне скорее подошло бы имя, переводящееся как «огненная».

— А отчего вы не положили сумку с остальными вещами? Она такая большая, будет неудобно держать её на коленях всю дорогу.

— Там мои лекарства, — призналась я простодушно.

— Вы чем-то болеете? — женщина опасливо отодвинулась от меня подальше.

— Нет–нет, — поспешила разуверить её я. — Напротив — я целительница.

— Ох, как замечательно! — дама снова придвинулась. — Целитель в пути может очень пригодиться нам всем.

«Нас всех» в дилижансе было трое: я, дэйна Беатрис и мужчина средних лет, дремавший, надвинув на глаза широкополую шляпу. И если кому-то тут понадобится целитель, то это мне самой — от трескотни соседки уже начинала болеть голова.

— А я, как только вас увидела, Сана, поняла, что вы имеете отношение к магии! У нас на юге крестьяне заведомо считают всех рыжеволосых женщин ведьмами. Да и в старых книгах все ведьмы обыкновенно рыжеволосы…

Она ещё что-то рассказывала, но я уже не слушала, задумавшись о том, как непредсказуема и изменчива наша жизнь. Ещё вчера была я княжной Лисанной Дманевской, а сегодня — Сана, ведьма рыжая, обыкновенная. И неизвестно, кем стану завтра.

Но главное, что не графиней Гросерби.

Глава 3

Лисанна

Дорога из Райнэ в Депри, где я должна была пересесть на транспорт до Лазоревой бухты, занимала три дня, и в начале путешествия я не считала это проблемой, ведь каждое лето я ездила домой, а добираться в Уин–Слитт было куда дольше — почти седмицу. Но скоро мне стало ясно, насколько путешествие в дилижансе отличается от поездки в собственном экипаже. Никаких остановок, кроме запланированных по расписанию. Обед — в дешёвом трактире при станции. Время на него ограничено, и пришлось заказывать то, что уже готово, а не то, чего хотелось бы. После обеда снова тронулись в путь. Бесконечная дорога. Ни прилечь, ни освежиться, ни сменить одежду. Показавшиеся поначалу удобными сидения превратились в пыточные устройства, а от несмолкаемой трескотни дэйны Беатрис у меня, как и ожидалось, началась мигрень. Потом был ужин в таком же убогом заведении и ночь, в течение которой мы всё так же ехали, и к скрипу рессор и окрикам кучера добавился новый звук — храп моей соседки.

На следующий день я чувствовала себя совершенно разбитой и искренне завидовала безмятежно спящему мужчине. Как и вчера, наш попутчик дремал, спрятавшись под шляпой. На недолгих стоянках дэйна Беатрис пыталась вовлечь его в беседу, но он ограничивался короткими невнятными ответами, а едва заняв своё место, снова прятался под широкими фетровыми полями, и я оставалась единственной жертвой общительной дамы.

К полудню, когда я знала по именам не только всех родственников соседки, но и трёх её кошек, наше общество пополнилось ещё одним пассажиром. Маленький тщедушный человечек в потёртом сюртуке устроился рядом со спящим дэем. Из всего багажа у него был лишь старый кожаный портфель из тех, в которых носят бумаги чиновники, и я решила, что он, скорее всего, стряпчий, едущий по делам куда-то не очень далеко. Но так это или нет, узнать не удалось. В разговор человечек не вступал, а стоило дэйне Беатрис открыть рот, чтобы расспросить его о чем-то, состроил такую скорбную мину, что женщине стало неудобно ещё раз к нему обратиться.

Около двух часов мы прибыли в Велсинг, самый крупный город на всем пути следования до Депри. Здесь и трактир был

получше, и времени на стоянку, в связи со сменой лошадей, выделили больше. Пообедав, я с удовольствием прошлась по широкому мощёному двору, а после вернулась в дилижанс, чтобы до отправки успеть насладиться отсутствием тряски и дэйны Беатрис. Вслед за мной кряхтя взобрался наш «соня», вытащил из внутреннего кармана небольшую флягу, сделал насколько глотков и вновь погрузился в блаженную дрёму. Никуда не выходивший кислолицый человечек неодобрительно покосился на соседа и отодвинулся подальше, словно бесценное сокровище, прижав к груди портфель.

— Места есть? Прекрасно! — дверца приоткрылась, и внутрь заглянул прилично одетый молодой человек.

Постоял на подножке, беглым взглядом оценив салон дилижанса и пассажиров, и крикнул кому-то:

— Унго, займись багажом.

После этого вновь обернулся к нам:

— Почтённые, — спящий дэй в ответ чуть приподнял шляпу и снова надвинул её на лицо, а тот, которого я приняла за стряпчего, привычно скривился. — Дэйни, — я вежливо кивнула. — Надеюсь, наше общество не станет вам в тягость.

Думаю, что не станет. Впечатление новоприбывший производил неплохое: хорошие манеры, приятная внешность. Когда он присел напротив, потеснив кислолицего, я, рискуя показаться неприлично любопытной, рассмотрела его получше. Молодой, не старше тридцати, худощавый, но отнюдь не хлипкий. У него было смуглое, чуть удлинённое лицо, которому прямой тонкий нос с горбинкой придавал несколько хищное выражение, и серьёзные серые глаза. Темно–русые, слегка вьющиеся волосы незнакомца, длиною чуть ниже плеч, были аккуратно собраны на затылке чёрной, под цвет дорожного платья, лентой, и заметна была маленькая бриллиантовая капелька–серьга в левом ухе.

Вернувшаяся в дилижанс дэйна Беатрис расцвела от счастья, увидев нового попутчика, и плотоядно улыбнулась, почуяв в нём очередную жертву. Но не успела я посочувствовать незнакомцу, как дверца экипажа отворилась и моя соседка, уже открывшая рот, в ужасе отпрянула и взвизгнула, прижав к лицу кружевной платочек.

Было бы чего пугаться: просто темнокожий человек.

— Святые мощи! — запищал человечек с портфелем, не оценив приветливой улыбки уроженца южных островов. — Куда лезет эта обезьяна?

— Что вы сказали? — медленно развернулся к нему новый сосед.

Тут уже и мне стало страшно: в голосе мужчины звучала неприкрытая угроза, на скулах заходили желваки, а пальцы сжались в кулак. Не дошло бы до рукоприкладства.

Но ситуацию спас темнокожий:

— Я только хотел сказать, что погрузил багаж, дэй Джед. Я поеду с кучером.

— Но, Унго…

— Всё хорошо, дэй Джед. Приятного путешествия.

Он закрыл дверцу, и я с облегчением вздохнула: скандала не будет. Но взглянув на мужчину напротив, почувствовала себя неловко. Хозяин вежливого тайлубийца больше не улыбался, лицо превратилось в каменную маску, а взгляд обжигал холодом. Вряд ли теперь дэйна Беатрис решится с ним заговорить.

Джед

Тупые ограниченные людишки!

Я с трудом сдержал готовый вырваться из горла рык.

Что возомнила о себе эта жирная корова с накладными буклями? Сколько спеси на дряблом лице! И это при древнем платье с застиранными манжетами и бусах из цветного стекла. Провинциальная мещанка, строящая из себя недовольную аристократку. Лучше бы на стоянке воспользовалась водой и мылом вместо того, чтобы поливаться дешёвыми духами — воняет теперь потом и фиалками. Обмахивается платочком, разгоняя по душному салону этот жуткий запашок.

Да и этот, с портфельчиком, ей под стать. Жалкий крысеныш: такие же, как у помоечного грызуна, бегающие глазки и жидкие усики. Только наряд выдаёт в нём мужчину, а во всем остальном — мерзкая, визгливая крыса!

Второй мой попутчик, сбитый седовласый человек лет шестидесяти в сером костюме, словно перешитом из гвардейского мундира, мирно спал. От него пахло бренди, а значит, сон будет долгим и крепким. И это радует — хоть кто-то в этой компании не станет меня раздражать. Ну и ещё девица, сидящая рядом со старой коровой — миловидная рыжеволосая особа лет восемнадцати. Поначалу принял её за родственницу жирной грымзы (в столь юном возрасте редко путешествуют в одиночку), но скоро понял, что ошибся. Во–первых, к счастью девушки, — никакого внешнего сходства, а во–вторых, одета она была не в пример лучше толстухи: скромное темно–зеленое платье, явно новое и не из дешёвого сукна, туфельки с серебряными пряжками, а в маленьких ушках настоящие сапфиры, как раз под цвет

больших голубых глаз хозяйки. Исходя из такого контраста в нарядах, можно было сделать вывод, что дамы не только из разных семей, но и из разных сословий.

При других обстоятельствах я не упустил бы возможности завязать беседу с хорошенькой попутчицей, но теперь, после этих недовольных воплей…

Я злился на неотёсанных людишек, а на самом деле злился на себя: идея ехать дилижансом принадлежала мне. Унго предлагал подождать день–два, всё обдумать и нанять экипаж до Алвердо. Нет же, я хотел отправиться немедля. Послал его на станцию, узнал расписание, подсчитал, что так доберёмся и быстрее, и дешевле. Будто бы деньги были проблемой! Обрёк товарища трястись на козлах, а сам вынужден любоваться старой коровой и вдыхать аромат фиалок, пота и бренди.

— Многобожцы, демонопоклонники, — пробормотал себе под нос крысеныш. — Тьмы порождения. Лица их черны, как и души — так Создатель метит врагов человеческих.

Не знаю, что спасло его от удара по бледной вытянутой физиономии. Я уже сжал кулак, но сдержался. Вместо этого громко спросил:

— Откуда, интересно, у вас подобные сведения, милейший?

Я ожидал, что он не осмелится продолжить разговор, но человечишка встрепенулся.

— Книги священные о том ведают! — выдал он с пафосом.

Я расслабленно откинулся на спинку: делать мне больше нечего, как связываться с религиозным фанатиком. Но от ответа не удержался:

— Не помню, чтобы в Великой Книге упоминалось о тёмной сущности тайлубийцев.

Крысеныш из бледного сделался багровым:

— Неучи ныне поучают! Невежды, зримого не зрящие! В древние времена Великая Книга писалась святыми людьми. В древние! Откуда было знать тогда про отродье темнолицее, когда острова южные только двести лет, как известны просвещённому миру?

— Вообще-то, уже двести пятьдесят, — поправил я, начиная забавляться этим разговором. — Но не в этом дело. Текст Великой Книги, как всем известно, внушил писцам сам Создатель. Так неужели Творец наш во всезнании своём и всемогуществе не смог бы предусмотреть такой вещи, как открытие южных земель и встречи с их темнокожим народом? Вы уж думайте, милейший, на кого напраслину возводите.

Он снова побледнел и нервно заёрзал, а после воздел очи горе и забормотал какую-то молитву.

— Святотатцы всюду, Создателя поносящие, — пожаловался он кому-то, сидящему на крыше дилижанса. — Тексты святые коверкают, истину с грязью мешают.

— Вот и я о том же, — усмехнулся я.

— Читаете, да не понимаете, — не унимался крысеныш. — Слова видите, а суть их мимо сердец ваших проходит.

— А мне кажется, дэй верно всё объясняет, — несмело подало голос юное рыжеволосое создание. Я и не заметил, что обе дамы с интересом прислушиваются к нашей перепалке. — Создатель всех своих детей любит одинаково, независимо от цвета кожи. И нам завещал…

— О–о–о! — скорбно взвыл горе–проповедник. — Всяк ныне горазд толковать замыслы Создателя! И даже женщина, вместилище пороков, осмеливается говорить, словно не велел Творец ей молчаливо внимать беседам мужей!

Кто-то явно переусердствовал с чтением древних писаний — таких высокопарных речей и от священнослужителей не услышишь.

— Женщинам непозволительно говорить лишь в храмах, — обиделась девушка. — Плохо вы читали святые книги.

— И правда, милейший, где вы изучали богословие? — поинтересовался я. — В столичном Университете вам в голову вряд ли вбили бы столько дури.

— Можно подумать, сами вы там учились, — оставив церковный слог, буркнул человечишка.

— Целых три года, — похвастал я, радуясь, что образование в кои-то веки пригодилось. — И богословие у нас по вторникам читал отец–предстоятель Вестольского Собора.

— Так вы теолог? — оживился крысеныш.

— Я изучал право, но богословие…

— Право? — скривился он. — Теперь понятно.

— И что же вам понятно? — сурово спросил я, услышав в его голосе злобное пренебрежение.

— Юристы все — приспешники Тьмы! — ляпнул он и тут же испуганно сжался.

Но я лишь рассмеялся: глупо спорить с умалишённым.

Не дождавшись затрещины или грозной отповеди, человечек осмелел, расправил плечики и выпятил тощую грудь:

— Адвокаты, нотариусы, судии земные — все сплошь Тьмы служители, для глумления над честными людьми Мун посланные.

В отдельных случаях с ним можно было согласиться.

— Души у них чёрные, как и у островитян черномордых. Хуже только оборотни, твари богомерзкие, блудницами человеческими от семени волчьего рождённые!

Всему есть предел, и крысеныш завизжал, когда мои пальцы сомкнулись на его шее.

— Заканчивали бы вы проповеди, милейший, — прорычал я ему в лицо, не скрывая удлинившихся клыков.

— Что вы себе позволяете, юноша? — заверещала жирная старуха.

Рыженькая молчала. Как мне показалось, она не возражала бы, если бы я придушил и её соседку. Но убивать кого-либо не входило в мои планы, и я выпустил вяло трепыхавшуюся тушку мгновенно вжавшегося в угол человека, дав себе зарок сойти на первой же стоянке.

Воцарившееся вслед за этой сценой молчание нарушал только скрип рессор, редкие окрики кучера и храп моего соседа слева, не проснувшегося даже от визга толстой дуры. Крысеныш забился в угол, отгородившись портфельчиком, старушенция открыла коробку с рукоделием и копалась теперь в спутавшейся пряже, время от времени бросая на меня сердитые взгляды, а её молоденькая соседка отвернулась к окошку, старательно изображая, что любуется тянувшимися вдоль дороги полями. Мне вдруг подумалось, что этот дилижанс — уменьшенная копия Вестолии. Аристократы и простолюдины, недовольные и равнодушные, люди и метаморфы. На козлах восседает её величество Элма и правит лошадками–парламентом: порой отпускает поводья, но если тем вдруг взбредёт повернуть не туда, берётся за кнут. Так и едем. Фанатики–человеколюбцы жмутся по углам, как наш крысеныш, но час от часу выбираются, показывают зубки: расклеивают по городам листовки с призывами изничтожить «волчье семя», пишут в бульварные газетёнки мерзкие клеветнические статьи о кровавых обычаях оборотней, о каких-то загрызенных девственницах и сожранных младенцах. Когда крысы сбиваются в стаи, их деятельность уже не ограничивается бумагомарательством. Тогда они устраивают погромы, сжигают дома, убивают. Волк сильнее крысы, но если волк один, а крыс много…

Нет, меня всё это не затронуло. Там где я жил, в обществе, в котором вращался, моё происхождение не вызывало суеверного ужаса. Со времён объединения Вестрана и Олии прошло уже более пятисот лет. И все эти годы люди и метаморфы живут в мире. А больше выгод от этого мира получили именно люди. Дети Снежного Волка открыли им путь в предгорья, богатые рудами и драгоценными камнями. Наши шаманы поделились с человеческими магами тайными знаниями. Не всеми, конечно. Да и людей невозможно обучить всем нашим секретам — кое-что подвластно лишь истинным волкам. Как Волчьи Тропы,

например.

…Стучит бубён, звенят струны, тихо и нежно вступает свирель. Голоса людей сплетаются с зазывным воем стаи…

Улыбка мимо воли коснулась губ. Возможно, мне уже никогда не повторить этот путь, но однажды я смог. Я прошёл!

По легенде великий предок даровал своим детям способность прокладывать путь сквозь пространство, чтобы в минуту опасности волк мог возвратиться домой, под сень древних андирских сосен. В детстве я, свято веря в это, множество раз пытался отыскать Тропу, чтобы избежать справедливой расплаты за шалости. И один раз мне это удалось. Кажется, это была разбитая ваза. Так глупо, но я действительно испугался. Отец был строг со мной всю седмицу: я не слушал учителей, пролил чернила на какую-то ценную книгу, поджёг траву за конюшней. Мне угрожали монастырской школой, если что-то подобное повторится. И тут эта ваза. Помню, как вжался в угол, понимая, что из столовой мне не сбежать, а за дверью уже слышалась тяжёлая поступь отца… А потом Ула отыскала меня в лесу на склоне Паруни, зарёванного, перепачканного грязью, но невероятно счастливого от того, что мне всё-таки удалось пройти по Тропе под древнюю песнь шаманов. Когда нэна вернула меня домой, о злополучной вазе и монастырской школе даже не вспомнили…

После нэна сделала для меня путеводитель: отполированный кусочек андирской сосны висел у меня на груди на кожаном шнурке уже лет двадцать, но я так и не решился им воспользоваться. Тропы священны для волков — это не аллея для прогулок…

Но наши шаманы открывают их некоторым из людей. За деньги — для состоятельных путешественников, желающих сэкономить время. Или выполняя долг перед нашей общей родиной: Тропы не раз выручали вестольскую армию во время прошедших войн, обеспечивая внезапное нападение или безопасное отступление.

А помимо Троп была уникальная рецептура целительских и косметических снадобий, неизвестные до того людям свойства некоторых камней и минералов… Да много ещё чего!

В таких обстоятельствах люди должны были осознавать преимущества от союза с метаморфами, и большинство, разумное большинство, ничего не имело против мирного сосуществования. Но, увы, и неразумных хватало.

Для меня это были странные мысли: я редко задумывался о политике, а в последние годы меня вообще мало что интересовало, кроме алмаза. Но эти рассуждения незаметно

увлекли, я вспоминал историю и право, отчёты с заседаний Собрания и прочитанные от нечего делать газетные статьи. Думал, кому лучше живётся, метаморфам, осевшим в человеческих городах и посёлках, или тем моим собратьям, что остались в лесах на склонах Ро–Андира. Впервые, наверное, задумался о нашей природе. Кто мы, люди, оборачивающиеся волками, или волки, иногда принимающие людское обличье?

Погрузившись в размышления, я не заметил, как посерело небо за окошками дилижанса и потемнело внутри. Видимо, я даже задремал, не прерывая дум, но бдительности не утратил, и когда справа зашевелилась, а после кинулась на меня тёмная тень, успел отбить руку с блеснувшим в слабом свете клинком. Но сделал это не совсем удачно, и метивший в грудь нож, описав короткую дугу, вонзился мне в бедро. От боли я вскрикнул, а в следующий миг уши заложило от визга толстухи. Орала она так, словно это её режут. Хвала Создателю, воздуха ей хватило ненадолго, и в дилижансе вдруг сделалось до жути тихо.

Произошло всё так быстро и неожиданно, что в эти мгновенья я ничего больше не предпринял, лишь смотрел ошарашено на торчавший из ноги нож, а потом поднял взгляд на застывшего рядом крысеныша. Едва не убивший меня человек счастливо улыбался, а маленькие глазки горели фанатичным огнём.

— Смотри! — ликовал он, указывая пальцем на нож. — Это — серебро! Орудие против тварей тебе подобных!

На вытянутом лице застыло выражение томительного предвкушения: очевидно, от освящённого металла моя плоть вот–вот должна была истлеть, и я рассыпался бы прахом.

— Смотри, — в тон безумцу произнёс я, демонстрируя кулак. — Вот орудие против подобных тебе.

Прямой удар в челюсть отправил агрессивного идиота в обжитый им угол.

Старуха снова завизжала, и в этот раз её крики были услышаны снаружи — дилижанс остановился и обе дверцы практически одновременно распахнулись. С одной стороны внутрь заглянул недовольный незапланированной остановкой кучер, с другой — обеспокоенный шумом Унго. Крысеныш, которого мой кулак должен был надолго утихомирить, вдруг вскочил и бросился в сторону возницы. Сбив человека с ног, он побежал в сторону тянувшегося вдоль дороги высокого забора, с прытью, свойственной больше кошкам, чем крысам, вскарабкался на ограду и исчез.

— Держите его! — запоздало выкрикнула моя юная попутчица.

— Нет нужды, дэйни, — ответил ей мужской голос.

Я обернулся и с удивлением понял, что принадлежит он всю дорогу проспавшему дэю. Для человека, регулярно прикладывавшегося к фляге с бренди, тот выглядел невероятно трезвым и спокойным.

— За забором усадьба Мэвертон, — пояснил он. — Самые вкусные яблоки в Вестолии. И самые злые собаки. Далеко не уйдёт.

— Собаки? Какой ужас! — схватилась за сердце старая корова и заработала пару уничижительных взглядов, от меня и от рыжеволосой соседки.

Нож всё ещё торчал из моей ноги. Пока его не выдернули, крови было немного, но долго так продолжаться не могло. Свыкнувшись с болью, я лихорадочно вспоминал, брал ли в дорогу бинты и какие-нибудь снадобья.

— Кто бы мог подумать, что он так не любит юристов, — задумчиво пробормотала сидящая напротив девушка.

— Молчали бы вы, вместилище пороков, — огрызнулся я. — И радовались, что не на вас обрушился праведный гнев.

Конечно, она была ни в чем не виновата, и мне тут же стало неловко за эту вызванную болью вспышку раздражения. А девушку мои слова, кажется, не на шутку испугали — верно, представила себя с ножом в… где-нибудь. Но быстро взяла себя в руки.

— Позвольте взглянуть на вашу рану.

— Что за странные желания для столь юной особы? — отмахнулся я и повернулся к ждавшему то ли объяснений, то ли указаний Унго: — У нас есть…

— Я вам не юная особа! — вспыхнула рыженькая. — Я — целительница!

— Замечательно. У вас есть бинты?

— Есть. Но прежде рану нужно обработать.

— Спиртом? — оживился мой сосед.

— Нет, чистого спирта у меня нет, но есть настойки…

— Подойдёт.

Так ничего и не понявший кучер топтался у открытой дверцы, и я попросил его отойти и не загораживать свет: в вечерних сумерках его было немного.

— Сана, милая, вы же не станете… — округлила глаза старуха.

— Да, Сана, не стоит. Я сам.

Девица обиженно фыркнула, открыла сумку и подала мне несколько салфеток.

— Зажмёте рану.

Приготовила узкую бутылочку с плескавшейся внутри

коричневатой жидкостью.

— Я сам, Унго, — перебил я хотевшего что-то сказать тайлубийца.

Закусил воротник и резко выдернул нож. Ногу прожгло болью до кости, а штанина тут же сделалась влажной от крови. По совету целительницы я прижал к ране салфетки.

Организм метаморфа в несколько раз быстрее человеческого восстанавливается после подобных повреждений, и меньше чем через минуту я перестал ощущать пульсацию текущей крови. Осталось продезинфицировать рану и наложить повязку, пока поверх одежды, а после она уже не понадобится.

Я взял из рук девушки бутылочку и тут же выплеснул жидкость на рану…

О–у! Глаза полезли на лоб, а в дилижансе запахло маринованным мясом.

— Ой! — испуганно прикрыла ладошкой рот рыжая. — Кажется, это не настойка…

— А что? — выдавил я.

— Уксус. Для улучшения аппетита…

Аппетит у меня действительно улучшился: так и вгрызся бы в нежную девичью шейку.

Седовласый протянул мне флягу, и я с благодарностью отхлебнул обжигающего напитка.

— Так что делать-то? — наконец спросил кучер.

— Как что? — вызверился я на него. — Ехать! Остановишь у ближайшего трактира.

— Давайте я вас перевяжу? — тихо предложила лже–лекарка.

— Избавьте, — рявкнул я. — Мне дорога эта нога, она досталась мне от родителей. Хотелось бы сохранить.

Унго сел рядом, и визгливая старушенция в этот раз не осмелилась и рта открыть.

Лисанна

Снова я всё напутала! Нужно было подписать склянки. Нужно было хотя бы понюхать, что в бутылочке, прежде чем давать её раненому. Права дэйна Алаисса, нельзя мне людей лечить. Хорошо хоть дар не применяла — и так смотрит на меня, как на злейшего врага, а если бы у него в довесок к ране рога выросли или борода… А пошла бы ему борода? Нет, вряд ли.

— Очень интересно, — пожилой дэй уже не спал, вертел в руках оттертый от крови нож. — Похоже, наш сбежавший друг принадлежит к Ордену Спасения. Видите клеймо?

Он показал оружие пострадавшему.

— Что за орден? — заинтересовался тот.

— Фанатики. Официально их организация не является незаконной, но проповедовать в столице её адептам запретили.

— А что именно они проповедуют?

— Ну, вы же слышали. Радеют за чистоту крови и помыслов, призывают изживать метаморфов, забивать камнями блудниц, топить ублюдков… Поголовье юристов, очевидно, тоже решили проредить.

— Я не юрист, только изучал право.

— А я в юности изучал куртуазную литературу, — пожал плечами почтённый дэй. — Но вот уже двадцать лет служу в судейской управе. Карл Мэвертон, судья округа.

— Мэвертон? Так значит, то была ваша усадьба?

— Да. Планировал там же сойти. Но теперь доеду с вами до города, оповещу стражу и прихвачу с собой пару молодчиков: убивцу вашего в садах поймают, будьте спокойны, но не с челядью же его в тюрьму отправлять?

— От меня понадобятся какие-то свидетельства? — в голосе молодого человека слышалось недовольство.

— Очень торопитесь? — понял судья. — Не переживайте, задержим дилижанс на время составления протокола, а опознание я уж сам проведу.

— Вы разве его рассмотрели?

— Думаете, нет? — усмехнулся седовласый, на миг надвинув на лицо шляпу.

В таком виде мы наблюдали его почти два дня. А он наблюдал за нами и только притворялся спящим. Зачем? Чтобы дэйна Беатриса не приставала к нему с разговорами? Эх, а я о такой простой уловке и не подумала.

— Нужно будет передать нож магам из отёла дознаний, — продолжал судья. — Возможно, на нём не только ваша кровь.

Дальше мужчины стали переговариваться шёпотом, а дэйна Беатрис, тоже шёпотом, но нарочито громким, стала рассказывать мне, сколько страху она натерпелась в недавнем происшествии и как теперь у неё «колотится в груди».

— Дать вам сердечных капель? — предложила я, подумав, что если один раз напутала, могу сделать это снова и напоить трещетку снотворным. Или слабительным.

Но, к моему сожалению, от лекарств она отказалась.

Ещё не успело стемнеть, как мы въехали в какой-то городок. Остановились у небольшого трактира. Раненый — слуга называл его «дэй Джед» — велел сгрузить багаж и снял тут комнату, сказав, что дальше с нами не поедет. И опять зло на меня

смотрел. Но аппетит мне это не испортило, и пока дожидались представителей от законников, я заняла столик в углу зала, заказала себе суп со спаржей и успела съесть его до того, как рядом уселась дэйна Беатрис. Женщина потребовала свиных рёбрышек с капустой и принялась, обгладывая косточки, рассказывать, что после пережитых потрясений ей и кусок в горло не лезет.

— А такой на первый взгляд приличный дэй, — сетовала она. — С портфелем — сразу видно, учёный. И говорил так ладно.

По мне, так он нёс полную чушь, да и жалеть нужно было не его, а пострадавшего молодого человека. Рана глубокая. А ещё и уксусом прижжённая…

Приняв решение, я вынула из сумки баночку с заживляющей мазью. Открыла крышку, понюхала, убеждаясь, что на этот раз не ошиблась, и… вернула баночку в сумку. Что я ему скажу? Извинюсь? Хорошо, извинюсь. Это же было досадное недоразумение, я была напугана, нервничала.

Я снова достала мазь и поднялась из-за стола.

— Присмотрите за моей сумкой, дэйна Беатрис. Я скоро вернусь.

На счастье в коридоре мне встретился тайлубиец — Унго, кажется — и я узнала, в какой комнате остановился его хозяин. Дошла до нужной двери, постучала. Из комнаты что-то ответили, и я подумала, что можно войти.

Мужчина стоял спиной к входу, и первое, что бросилось мне в глаза — отпечаток волчьей лапы на лопатке. Оборотень. Точнее, метаморф. Дейна Алаиса говорила, что называть их оборотнями — дурной тон. Так вот почему тот фанатик заговорил о серебре! Но это всё — суеверия. Конечно, метаморф умрёт, если пронзить его сердце серебряным клинком или осиновым колом, только кто б от этого не умер?

Дэй Джед обернулся, и я увидела длинный белый рубец на его плече. Всего один. Значит, он единственный ребёнок в семье. Помню, когда мы изучали метаморфов, меня возмутил этот дикий обычай царапать собственных детей. Да–да, это родители их так метят, ведь только от когтей и зубов сородича у оборотня останется шрам, а все другие раны заживают без следа. И сегодняшняя наверняка уже затянулась…

И только тут я поняла, что вижу всё это потому, что он раздет. Не полностью — длинные подштанники, одна штанина которых была порвана и испачкана кровью, он пока снять не успел — но всё же ситуация сложилась неловкая.

— О, моя спасительница! — нимало не смутился мужчина. — Нашли в запасах банку горчицы и пришли закончить с

маринадом?

— Я принесла вам целебную мазь, — промямлила я, опуская глаза.

— Благодарю, — холодно произнёс он. — Но я обойдусь без ваших снадобий.

— Понимаю. У метаморфов ускоренная регенерация, я знаю. Но это смягчит обожжённые участки… после уксуса. Мне так стыдно за свою оплошность…

— Не стоит извиняться, — оттаял он. — Такое бывает. И в свою очередь простите меня за ту вспышку гнева. Давайте вашу мазь.

Я протянула ему баночку. Оборотень открыл её, принюхался и вдруг расхохотался.

— Сана… Вас ведь так зовут?

— Милисента. Сана — это сокращённо. Милисента — Сента — Сена — Сана…

— Странная логика, — передёрнул плечами он. — Но позвольте всё же узнать полное имя.

— Зачем?

— Понимаете ли, дэйни, — ухмыльнулся он так, что стало видно выдающиеся сильнее, чем у обычного человека, клыки, — наша жизнь полна неожиданностей и не всегда приятных. Может статься, однажды я буду серьёзно ранен, намного серьёзнее, чем теперь, и ко мне пригласят целительницу. Так вот, даже находясь на смертном одре, прежде чем впустить лекарку, я поинтересуюсь, как её зовут. И если мне назовут ваше имя, велю сразу послать за исповедником.

— Что? — вспыхнула я.

— Вы — самая бездарная целительница из всех, кого я когда-либо встречал, — отчеканил он.

— А вы… вы… Грубиян! Наглец и… И бескультурный человек… метаморф! У вас в комнате дама, а вы, как ни в чем не бывало, расхаживаете перед ней в грязных подштанниках!

— Ах, да. Простите. Сейчас же переоденусь.

Угол комнаты ограждала старая ширма. Мужчина скрылся за ней, прихватив что-то со стоявшего у окна стула. Пока он там возился, в комнату вернулся тайлубиец и нерешительно остановился на пороге, увидев меня, притопывающую от раздражения.

— Так лучше? — спросил, выходя из-за ширмы оборотень.

Я обернулась на голос, не веря, что можно было переодеться за такое короткое время. Но волку это удалось. Теперь на нём были… чистые подштанники.

— Вы невыносимы!

— А я и не заставляю терпеть моё общество, дэйни.

Залившись краской, я кинулась к двери.

— Мазь не забудьте, — крикнул он вслед.

— Оставьте себе, — бросила я и хлопнула дверью.

Джед

Унго смотрел на меня с осуждением.

— Да, я грубый, неотёсанный волк, — согласился я. — Девушка пришла извиниться, а я чуть до слез её не довёл. Но ты только посмотри, чем она собиралась меня намазать!

Тайлубиец, помня об уксусе, осторожно приоткрыл крышку протянутой мной баночки и принюхался.

— Ореховое масло? — удивился он.

— Вот именно! Похоже, у дэйни таланты отнюдь не целителя, а кулинара. И оборотень в пикантном маринаде — её главное блюдо.

Масло было свежее и вкусное: я сковырнул немного пальцем и с наслаждением рассосал.

— А закажи-ка чай. И узнай, пекут ли тут вафли.

Не пропадать же добру?

Глава 4

Лисанна

«Милая моя Милисента!

Спешу обрадовать, что предчувствия твои оправдались, и в Лазоревую Бухту я добралась без осложнений. Если, конечно, не считать таковыми небольшое происшествие в дороге, о котором я как-нибудь тебе расскажу.

На месте встретили меня хорошо. Баронесса Агата Солсети оказалась вовсе не такой, как мы представляли. Да, она далеко не молода (кажется, ей около семидесяти), но ещё полна жизни и в услугах целителя не нуждается. Пригласили меня, а точнее — тебя, её многочисленные родственники. Мы с тобой и в этом ошиблись: живёт она не одиноко, и на вилле постоянно гостит кто-нибудь из семьи. Сейчас же, летом, собрались все: два племянника, внук и невестка — вдова покойного сына хозяйки. Я прожила с ними под одной крышей уже седмицу и не сказала бы, что они очень близки, как между собой, так и с хозяйкой виллы. Но баронесса устроила так, что они теперь вынуждены всячески заботится о ней. Дэйна Агата весьма состоятельна и, по сути, содержит родню, а после её смерти всё состояние достанется лишь одному из них, и никто не знает, кому именно. Вот они и предпочитают не рисковать благополучием, опекая старушку. Наверное, ты удивляешься, откуда мне это известно? Так в доме это не секрет даже для слуг, а дэйна Агата сама рассказала мне обо всем в первый же вечер. Как она выразилась, для того, чтобы у меня не сложилось ложного представления о её домочадцах.

Но если бы ложное мнение всё же сложилось, оно быстро развеялось бы. Признаюсь честно, никто в этом доме, кроме самой дэйны Агаты, симпатии у меня не вызывает. Её племянник, дэй Рудольф — завзятый дуэлянт. Долго жил при дворе и из-за вспыльчивости и пристрастия к пистолетам снискал там недобрую славу. Сейчас пережидает у тётушки шумиху после очередного скандала. Каждое утро он тренируется в стрельбе в саду, как раз под моими окнами. Это неприятно, но зато я ни разу не проспала завтрак (Ты же помнишь, как тяжело я просыпаюсь по утрам?). Его брат, дэй Герберт, имеет другие пристрастия: ни разу за всё время я не видела его трезвым. Они с дэйм Рудольфом близнецы, обоим за сорок, высокие, худые, смуглолицые, у обоих редкие чёрные волосы и усы щёточкой. Но дэя Герберта всегда можно опознать по мутным, припухшим глазам и нездоровому

румянцу. Впрочем, для человека пьющего, ведёт он себя довольно смирно и особого беспокойства никому не причиняет.

Раз уж взялась, расскажу тебе и о других обитателях виллы. Дэй Стефан, отпрыск покойного сына баронессы, с первого взгляда тебе бы, наверное, понравился, как понравился и мне. Приятный молодой человек двадцати двух лет, немного полноватый, с густыми русыми кудрями и большими задумчивыми глазами. Сразу он показался мне поэтом, пребывающим во власти накатившего вдохновения. Но, увы — все его мысли заняты исключительно лошадьми. О них, о породах, мастях и статях, все его разговоры, а людей он не замечает вовсе…»

Правда, однажды мне удалось привлечь его внимание. На третий день поутру, проходя мимо дэя Стефана по коридору, я вместо обычного приветствия громко и выразительно сказала: «Иго–го!». Тогда он взглянул на меня, выражение небесно–голубых глаз сделалось осмысленным и несколько удивлённым, и я в первый и в последний раз услышала: «Доброе утро, дэйни».

Но я не стала писать о своей детской выходке Милисенте.

«*…Его мачеха, дэйна Виктория, сейчас тоже здесь. Она овдовела четыре года назад, но по–прежнему поддерживает отношения с семьёй усопшего мужа. Слуги на вилле (не удивляйся, но за неимением достойной компании среди домочадцев баронессы, я коротко сошлась кое с кем из слуг), так вот, слуги считают Викторию единственным бескорыстным человеком в окружении дэйны Агаты. На состояние свекрови она не претендует, а навещает её, как все думают, лишь по доброте душевной. От мужа, как говорят, она тоже почти ничего не получила, и мне странно, на какие средства она живёт — нарядов и драгоценностей у неё вдоволь, и на бедную родственницу Виктория никак не похожа. Со мною она мила и приветлива. Я побаивалась, что, будучи женщиной привлекательной и следящей за собой, она попросит меня приготовить какие-нибудь кремы или духи, но она с первых минут заявила, что никакими снадобьями не пользуется. Наверняка врёт… (зачёркнуто) …это не так: ей уже за тридцать, как я подсчитала, а выглядит она нашей с тобой ровесницей — вряд ли это возможно без целительских уловок. Но общения со мной, не имея надобности в зельях и снадобьях, она, тем не менее, не избегает, напротив — создаётся впечатление, что она желает со мной подружиться. А меня подобное желание отчего-то настораживает. Не знаю, как и сказать, но Виктория не кажется мне искренней. Возможно, я всё себе придумала, и она просто ищет женского общества, ведь помимо дэйны баронессы на вилле одни лишь мужчины, но порой её компания меня тяготит. Но, как я уже писала, дэйна Агата в моих услугах не нуждается, и у меня нет*

никаких уважительных причин, чтобы отказаться от прогулок с Викторией по пляжу или поездки в город.

Кстати, о городе. Лазоревая Бухта — это и не город вовсе, каким мы его себе представляем, а скопление выстроенных вдоль морского побережья вилл, отделённых друг от друга обширными садами и парками. К примеру, ближайшие соседи дэйны Агаты живут в получасе ходьбы. Но есть тут и привычный городской центр: ратуша, Собор, театр, лавки и магазины, и несколько жилых кварталов, населённых в основном торговцами, ремесленниками и служащими. Там же, в центе, расположена и почта. И хотя почтальон бывает на вилле дэйны Агаты каждый день, привозит и забирает корреспонденцию, Виктория ездит за своими письмами лично, на двуколке, которой правит сама. Это немного странно, но поскольку она теперь берет с собой и меня, я только рада такому капризу — могу втайне ото всех отправлять тебе послания.

Вот и сейчас она ждёт, пока я соберусь. А потому буду заканчивать. Писать, как ты поняла, мне особо не о чем, жизнь моя тут неинтересна, но и беззаботна. Надеюсь, что таковой она и останется.

На этом прощаюсь.

Неизменно любящая тебя Лисанна».

Уже запечатав конверт, я поняла, как много ещё не написала. Например, про дом. В моей новой жизни окружённая зелёным садом вилла стала лучшим из всего случившегося. Жить тут — это мечта! Два этажа, просторные светлые комнаты, богатая библиотека, терраса, откуда можно любоваться дивными закатами. От заднего крыльца через сад вела мощённая гладким булыжником дорожка, упиравшаяся в небольшую калитку, открыв которую, попадаешь на длинную каменную лестницу, спускающуюся на пустынный пляж. Там, внизу, несколько удобных скамеек под высокими навесами, а чуть дальше — спрятанные от чужих глаз за деревянной оградой домики–купальни. Конечно, мало радости в панталонах и лифе влезть в тёплую мутную воду и поплескаться, опустившись на колени. Будь Милисента здесь, мы наверняка выбрались бы ночью из дома, как несколько раз сбегали из пансиона в Райнэ, и раздевшись догола, плавали бы прямо в море, словно мифические русалки, загребая руками серебро лунной дорожки. Об этом я тоже не написала, о том, как сильно скучаю по ней и по нашим дерзким вылазкам — сама я никогда не отважусь на что-либо подобное…

Виктория ожидала меня у конюшен. Грум уже приготовил повозку, и впряжённая в лёгкую двуколку лошадка, серая в

яблоках, нетерпеливо била копытом. Точно так же притопывала стоявшая рядом женщина, разве что не фыркала возмущённо.

— Заставить ждать мужчину на любовном свидании ещё позволительно для девушки, — бросила она при виде меня. — Но я-то чем заслужила эти полчаса на солнцепёке?

Возможно тем, что слишком поздно предупредила меня о поездке?

Но я промолчала, подобрала подол и взобралась на сиденье. Виктория устроилась рядом и взяла поводья. Первые минуты пути, пока двуколка катила через прилегавший к вилле Солсети парк, женщина молчала, демонстрируя обиду, но поняв, что ни извиняться, ни оправдываться я не намерена, завела обычный, ничего не значащий разговор. Что-то о модных нарядах, скандалах при дворе и возмутительном поведении Герберта вчера за ужином. Дэй пьяница так размахивал руками, что выбил поднос у разносившего жаркое слуги. Этот маленький инцидент, как по мне, не стоил внимания, но молоденькой вдовушке было безразлично, о чем говорить.

Впрочем, как я и писала подруге, не такая уж она молоденькая. Но из внешности этого никак не скажешь: чёрные волосы, алебастровая кожа, синие глаза в обрамлении пушистых ресниц и пухлые алые губы — яркая, даже броская красота без малейшего налёта прожитых лет. Стоило Виктории появиться в обществе, как к ней тут же устремлялись все взгляды, восторженные мужские и завистливые женские. Может, я потому и невзлюбила её и навязываемые ею прогулки, что смотрелась рядом с ней нелепым рыжим пугалом, снятым с крестьянского поля?

Вот и почтмейстер, когда мы приехали, встречал Викторию лучезарной улыбкой, даже не взглянув в мою сторону.

Никем не замечаемая, я опустила конверт в ящичек для писем.

После меня ожидал поход по лавкам, чашечка чая и бисквит в маленькой уютной чайной и визит к модистке, у которой пришлось скучать без малого час, пока с Виктории снимали мерки.

Зато по возвращении я наконец-то была предоставлена сама себе. У обитателей виллы была странная для меня, но, похоже, обычная здесь, на юге, привычка: после обеда они расходились по комнатам отдохнуть, а то и поспать. Польза дневного сна в кругу целителей — вопрос спорный, и, как я знала, пока сошлись лишь в том, что он необходим детям до определённого возраста, но я за счёт этой традиции выигрывала несколько свободных часов. Обычно гуляла по саду или сидела на террасе с книгой.

Сегодня захотелось пройтись.

По пустынным, прекрасным в своей запущенности аллеям старого парка я дошла сначала до решётки, отделявшей владения Солсети от соседнего имения, а затем неспешно вернулась и, обогнув дом, направилась в сторону моря. На лестницу выходить не стала, пошла вдоль ограды, но сделав десяток шагов, остановилась, заметив какое-то шевеление в кустах.

— Николас?

Ох, нет. Садовника я только что видела мельком в другой части парка, и дойти сюда, обогнав меня, старичок Ник попросту не успел бы. А прочим слугам баронесса не позволяет гулять посреди дня, когда в доме хватает работы.

— Кто здесь?

Вспомнилось, как Лита, горничная дэйны Агаты, рассказывала, что на днях ограбили кого-то из соседей: украли белье с верёвок — очевидно, бродяги. Наверное, стоило тут же убежать, но близость дома придавала мне уверенности.

— Выходите немедленно, иначе я закричу! — пригрозила я.

— Нет, не нужно! Во имя Создателя…

На дорожку выбрался из кустов мужчина, и я отпрянула от неожиданности: передо мной стоял недавний знакомец — дэй Джед собственной персоной — метаморф, юрист и грубиян.

— Вы?! Что вы здесь…

— Сана… — Он шагнул мне навстречу и вдруг рухнул на колени. — Я… Меня привела сюда любовь…

Джед

Если честно, я просто споткнулся о какой-то камень, упал и ляпнул первое, что пришло на ум. Но вышло крайне удачно.

— Нехорошо это, дэй Джед. — Впервые с начала моего рассказа заговорил Унго. — Обманываете бедную девушку, чтобы попасть в дом. Клянётесь ей в любви…

— В любви? Ей? Ты неверно понял: такого у меня и в мыслях не было. Во–первых, подобная скромница может тут же отвергнуть любые ухаживания, и дальнейшее общение станет невозможным. А во–вторых, и этот вариант пугает меня больше: вдруг дэйни Тысяча Напастей решит ответить мне взаимностью? Нет уж, храни Создатель от подобных перспектив.

— Что же тогда? — непонимающе нахмурился тайлубиец.

— Я влюблён, — признался я. — Но я влюблён в Викторию. В прекрасную, расчётливую шантажистку Викторию.

В Лазоревую Бухту мы с Унго прибыли вчера днём. В

Алвердо, где, пользуясь планами и инструкциями Лён–Леррона, я рассчитывал уладить все дела в несколько дней, нас встретил покинутый дом с наглухо заколоченными ставнями и большим замком на въездных воротах. Потратив два вечера и некоторое количество мелких монет, мой друг–тайлубиец сумел выяснить, что разыскиваемая нами особа проводит лето у матери покойного мужа, на побережье. И передо мной встал выбор: вернуться в Велсинг и сдаться на милость дэя Роджера или последовать за дэйной шантажисткой. И я выбрал второй вариант. Отправил Лён–Леррону короткое письмо, в котором объяснил сложившиеся обстоятельства и попросил отсрочки на неопределённый срок, обещая, что исполню его поручение любой ценой, и, проведя ещё день в Алвердо, нанял экипаж, который доставил нас в этот городок — обиталище престарелых толстосумов и уставших от светской жизни кутил.

В небольшой гостинице я снял номер с полным пансионом, а Унго, который всегда удивительно быстро сходился с людьми, вновь задействовал своё обаяние и мой кошелёк, чтобы разузнать всё о баронессе Солсети и гостивших у неё на вилле родственниках. Уже к вечеру мне было известно, что помимо старой баронессы и дэйны Виктории на вилле в данный момент живут два племянника и внук хозяйки, а так же выписанная недавно целительница. Но то, что этой целительницей окажется моя случайная знакомая, стало для меня неожиданностью: Сана–Милисента, лекарка–кулинар. Маринует, значит, старушку…

— Я решил, что дэйни Милисенте в делах любовных больше подойдёт роль наперсницы и тайной помощницы. Это увлекательно, романтично. И это, несомненно, доброе дело, которое, к тому же, не требует поступков, способных бросить тень на её репутацию.

— Но что станет с бедной девушкой, когда всё откроется? — Унго уже понял, в чем заключается моя идея.

— Ничего не станет. Если она не настолько глупа, как может показаться на первый взгляд, будет держать язык за зубами. Да и что откроется? Считаешь, красотка Виктория сразу же отправится к капитану городской стражи, заявлять, что у неё пропали письма, которыми она шантажировала бывшего любовника?

Чувствовал ли я угрызения совести, обманывая это наивное создание? Скорее, нет. Это ведь был взаимовыгодный союз: я получал информацию, а Сана — маленькую роль в романтической истории, которая несказанно разнообразит её скучную жизнь. Я признался ей в своей любви к Виктории, с которой якобы познакомился на одном из столичных приёмов, и уже через пять минут получил столько информации об объекте своей «страсти»,

сколько не вытянул бы из юной лекарки и агент королевского сыска. К сожалению, в большинстве своём это были совершенно бесполезные сведения, но главное, что девушка с участием отнеслась к моим безответным чувствам, и я был уверен, что за несколько дней узнаю от неё всё, что нужно.

Конечно, я думал и о том, что расставшись со мной, она тут же помчится к Виктории и расскажет о тайном воздыхателе. Тогда всё усложнится и придётся изображать влюблённого уже перед самой дэйной шантажисткой. Но волчье чутьё подсказывало, что этого не произойдёт.

Хотя какое-то смутное и не очень хорошее предчувствие всё же было…

Лисанна

Прежде я лишь в книгах встречала подобное и предположить не могла, насколько чувства меняют людей… или оборотней… метаморфов… Неважно! Джед, точнее, дэй Джед Селан (хоть он и разрешил обращаться к нему по имени) предстал передо мной совершенно в ином свете.

Примчаться за тысячи лиг, чтобы хоть издали увидеть женщину своей мечты! Лишь увидеть, так как у него не было и малейших надежд на взаимность. Пробраться в сад, рискуя быть замеченным, и ждать, зная, что она, быть может, вообще не выйдет сегодня из дома… До чего же это прекрасно!

Поначалу я и слушать его не хотела, но после уже не могла отказать в разговоре. Мужчине нужно было поделиться переживаниями, поговорить с кем-то, кто был более или менее близко знаком с предметом его грёз. Ему любопытно было, как Виктория проводит день, чем интересуется. Он хотел знать о ней каждую мелочь: какую комнату на вилле она занимает, что, сад или море, видит, просыпаясь, из окна. Словно невзначай, скрывая ревность, пытался выведать у меня, с кем она встречается, не получает ли писем, а если и получает, то от кого, и хранит ли эти послания. Я рассказала ему всё, что знала, но этого, конечно же, было недостаточно, и мы условились встретиться снова.

Виктории он просил ничего не говорить: их знакомство, оставившее неизгладимый след в его душе, было недолгим, и теперь он боялся, что она его не вспомнит. Увы, наверное, только в книгах любовь с первого взгляда бывает взаимной, а в жизни один страдает, а другой… Другой ничего не подозревая, ковыряет вилкой салат.

Дело было за ужином, разговор с Джедом не шёл у меня из

головы, и я раз за разом прокручивала его в мыслях, рассеянно наблюдая за Викторией.

— Теперь в этом доме два задумчивых молчуна, — сказала дэйна Агата. — И сидят друг напротив друга — словно в зеркале отражаются. Милисента, милая, вы тоже гадаете, где бы раздобыть денег на покупку очередного племенного жеребца?

Я спешно согнала с лица отрешённую задумчивость, а сидевший напротив дэй Стефан никак на это замечание не отреагировал.

— Так-то лучше, — кивнула баронесса, поймав мою вымученную улыбку. — А то я, взглянув на вас обоих, ненароком подумала, что вы были бы неплохой парой.

Я поперхнулась и закашлялась, а хозяйка рассмеялась:

— Не волнуйтесь, дорогуша. Пока вы ничем передо мной не провинились, чтобы я всерьёз желала вам такого счастья.

— Ну зачем же вы так, матушка? — вступилась за пасынка Виктория. — Наш Стефан — завидный жених…

— У тебя всегда был дурной вкус, — сухо оборвала её свекровь. — Иначе ты вряд ли вышла бы за его папашу.

— Зато у Генри, упокой Создатель его душу, вкус был хороший, — развязно заметил не трезвеющий дэй Герберт, с ухмылкой рассматривая вдову покойного кузена через бокал с розовым вином.

Как я отметила в письме Милисенте, отношения в этой семье нельзя было назвать тёплыми и родственными. Но меня поразило, что дэйна Агата, невысокая хрупкая старушка самого благостного вида, в день прибытия встречавшая меня ласковой улыбкой, так пренебрежительно отзывается о собственном внуке, а что ещё хуже — о покойном сыне.

Виктория на слова баронессы не обиделась, а реплику дэя Герберта вообще пропустила мимо ушей. Она посмотрела на меня, на Стефана, жующего теперь спаржу, и улыбнулась каким-то своим мыслям.

— Вы всё-таки подумайте, Милисента, — сказала она мне. — В наше время нелегко найти достойную партию.

Прозвучало это как шутка, но никто не смеялся.

После ужина дэйна Агата попросила меня проводить её в комнату, чего раньше не было.

— И принесите мне каких-нибудь капель.

— Сердечных? — забеспокоилась я.

— От тяжести в желудке, — усмехнулась старушка. — Это вы, дорогуша, за столом жевали траву, а я люблю, чтобы в тарелке лежал кусок сочного мяса. Но сегодня этот кусок был великоват.

Здоровье у неё было отменное, и я решила, что в данном

случае можно ограничиться фенхелевым чаем.

— Вот вы и пригодились как целительница, — хмыкнула баронесса, когда я принесла отвар. — Нет–нет, это не упрёк. Напротив — мне неудобно, что я не даю вам возможности себя проявить. Небось ехали сюда и мечтали, как поднимите со смертного одра больную старушенцию, а та в награду… А чего вы, собственно, хотите?

— У меня не было подобных мыслей, дэйна Агата.

— Да? — прищурилась она. — А знаете, я вам верю. Вы ведь не из бедной семьи, Милисента. И вам, верно, не было нужды соглашаться работать на меня?

Я кивнула, пытаясь понять, к чему она ведёт.

— Тогда зачем вам это?

— Я… я желала бы самостоятельно обеспечивать свою жизнь и не зависеть от родных, — не найдя, что ответить, я сказала правду.

— Ни от кого не зависеть, — задумчиво повторила баронесса. — Мне нравится. Я даже завидую вам немного. Когда-то мне тоже хотелось быть свободной в выборе. Но в нашем мире для этого нужно родиться либо мужчиной, либо магом. Мне не повезло так, как вам. Но независимости я всё-таки добилась. Всего-то надо было пережить мужа, бывшего пьяницей, как Герберт, и бабником, как Рудольф, похоронить сына, который при подобном отце вырос слюнтяем и сам воспитал такого же слюнтяя, и стать полноправной хозяйкой всего того, что долгие годы и так держалось на мне. Думаете, мой муж интересовался делами в поместье? Или мой сын следил за банковскими счетами? А все эти стервятники, каждое лето слетающиеся на виллу, знают, откуда берутся деньги, которые я ежемесячно им перечисляю?

Наверное, у меня располагающая внешность — уже второй человек сегодня хочет мне выговориться.

Дэйна Агата залпом допила чай и отставила чашку.

— Идите, дорогуша. Идите. И не слушайте советов Виктории, ни к чему вам это.

В последних словах мне послышалось предупреждение, но баронесса ничего больше не объяснила, и скоро я забыла об этом странном разговоре, мыслями вернувшись к безответно влюблённому оборотню.

На следующее утро я решила навестить Викторию, чтобы было о чем говорить с её воздыхателем.

Повод заглянуть к ней после завтрака я нашла не слишком удачный: спросила, нет ли у неё голубых ниток для вышивания.

— Нет, — брезгливо поморщилась вдовушка. — Не занимаюсь подобными глупостями.

— Жаль, — вздохнула я. — У меня остались только синие, а нужны именно голубые…

Моё счастье, что Виктория и в самом деле «глупостями» не интересовалась и не попросила показать вышивку. В последний раз я бралась за иглу лет пять назад, и бросила это занятие раз и навсегда после того, как Милисента похвалила мою работу, назвав существо в центре «милым паучком». А то была кошка.

— Да, голубые, как платье, в котором вы вчера ездили в город. Такой интересный фасон.

Я ненавязчиво (как мне показалось) перевела разговор на наряды, а об этом Виктории было что рассказать. И уже через минуту мы с ней сидели на софе у окна в её комнате и болтали, как добрые подружки. Точнее, болтала она, а я слушала и запоминала.

Но за полчаса не услышала ничего стоящего. Вряд ли Джеду будет интересно, что его возлюбленная предпочитает корсеты со вставками из китового уса, а не из дерева, и терпеть не может украшения в виде искусственных цветов, которые в этом сезоне, как назло, вошли в моду. Я постаралась перевести разговор на другие темы, и когда Виктория от нарядов перешла к привычкам в светском обществе, немного не к месту спросила, что она думает о метаморфах.

— Волки? — женщина нахмурилась.

— Вы их не любите?

Бедный Джед!

— Люблю — не люблю… Мы же говорим не о комнатных собачках? Я не питаю к ним неприязни, если вы об этом. Но общаться с ними несколько… м–м–м… сложно. Особенно с мужчинами.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что с их женщинами я сталкивалась редко.

— Нет, почему сложно?

— У вас, видимо, нет знакомых оборотней, — не угадала она. — А сложность в общении заключается в том, что волки очень тонко чувствуют людскую натуру. Уже с первых минут они составляют о вас мнение, и, как правило — верное. И их крайне тяжело бывает обмануть.

— А зачем обманывать?

— Как вы однако молоды, — Виктория покачала головой. — Обман — это не всегда плохо. Должны же у женщины быть секреты? Может она, к примеру, сказать, что не любит оперу, и отказаться от похода в театр, чтоб не сидеть в одной ложе с ненавистной кузиной? Или наоборот — приврать, что обожает бега и ненавязчиво напроситься в приятное ей общество? Или

пожаловаться в нужный момент, что у неё болит голова?

— Голова? Это, чтобы к ней не приставали с разговорами?

— И с разговорами тоже, — усмехнулась красавица.

Нет, это однозначно не то, что я могла бы рассказать Джеду. Близилось время встречи, а я так и не нашла, чем можно было бы порадовать влюблённого мужчину…

Джед

Что меня порадовало бы, так это если бы Сана–Милисента сообщила, что завтра вечером всё семейство Солсети приглашено на ужин к соседям, слугам дали выходной, а шкатулка Виктории, в которой хранятся опрометчивые послания дэя Роджера, будет стоять на подоконнике распахнутого окна её спальни. О шкатулке я знал от Лён–Леррона, о месторасположении спальни — от Милисенты, и, увы, это была единственная полезная информация, которую мне удалось от неё получить.

— Боюсь, что ничем не смогу вам помочь, дэй Джед, — вздохнула моя юная поверенная.

— Не говорите так, Сана, вы уже помогаете мне, — с жаром уверил её я. — Для меня счастье общаться с кем-то, кто видит её каждый день, говорит с нею. А большего мне пока и не нужно…

— Правда? Вы готовы удовлетвориться малым?

— А что мне ещё остаётся? — вопросил я уныло.

— Если бы вы хотели, я могла бы представить вас дэйне баронессе как старого знакомого, и вы стали бы бывать на вилле.

Этот вариант я держал на крайний случай.

— Не стоит. Дэйна Агата — мать покойного мужа Виктории и при ней мне будет несколько неудобно. Понимаете? Я бы предпочёл встречу в другом месте…

— Хотите, чтобы я помогла организовать вам свидание? — смущение Милисенты мешалось с восторгом от возможной авантюры.

Пришлось её разочаровать:

— Нет–нет, я не об этом. Возможно, какой-нибудь приём, куда я смог бы попасть. Или театр. Здесь же есть театр?

— Да, есть. Но местная труппа не пользуется успехом, а о гастролях пока не слышно.

— Жаль.

Разговор исчерпал себя, но мне не хотелось отпускать девушку: нужно было укрепить её расположение ко мне, а потому я осторожно перевёл тему с Виктории на саму Милисенту. Обычно подобные девицы общительны и с удовольствием

рассказывают о себе, но Сана меня удивила.

— Мне нечего рассказать. Жила, училась. Теперь работаю здесь.

— А ваша семья?

— Мои родители умерли, когда я была совсем маленькой…

Лисанна

— Мои родители умерли, когда я была совсем маленькой…

Я говорила о родителях Милисенты, а не о своих, и как в детстве скрестила пальцы за спиной, чтобы моя ложь не обернулась правдой.

Мама, действительно, умерла, ещё при родах. А отец жив и, надеюсь, здоров. Бедный папочка! Как он, наверное, расстроен из-за моего побега. Я оставила ему письмо, написала, что теперь сама стану устраивать свою жизнь и чтобы он не искал меня. А теперь жалела о той резкости. Нужно было бы написать ему ещё, сообщить, что у меня всё хорошо, что я живу в приличном доме и ни в чем не нуждаюсь. Но я боялась, что по этому письму он сможет меня отыскать.

— Простите, Сана, — смутился Джед, когда я умолкла, отвлекшись на эти размышления. — Должно быть, я затронул не слишком приятную для вас тему.

Какой же он всё-таки милый. Тактичный, вежливый. Понятно же, что я ему совсем не интересна, но ему неудобно уйти, проговорив всего десять минут, вот и расспрашивает.

— Это вы меня простите, но мне в самом деле нечего о себе рассказать. Поговорим лучше о вас. Откуда вы? Чем занимаетесь?

Это было нескромно с моей стороны, всё лучше, чем продолжать врать о себе — я ещё не забыла слов Виктории о том, что метаморфы чувствуют ложь.

Джед

Что ж, я сам начал этот разговор. Пришлось подыграть и рассказать Милисенте о себе. Рос в провинции, после служил в королевской гвардии. Думаю, она не настолько глупа, чтобы не понять, что это значит: служба при дворе — привилегия дворян. Вспомнили моё образование правоведа — рассказал ещё и об учёбе в университете.

— А как вы познакомились с Викторией?

Странно было, что она не выспросила подробностей моей

встречи с «возлюбленной» раньше. Ответ на этот вопрос был заготовлен, но я решил приберечь тему для будущей встречи.

— Я расскажу вам об этом завтра, — пообещал я. — Мы ведь увидимся завтра?

На следующий день я поведал ей о том, как увидел Викторию на одном из столичных приёмов. Милисента заглатывала мои слова, как рыбёшка наживку, но не спешила радовать в ответ: всё семейство Солсети, как и прежде, безвылазно сидело на вилле и моя встреча с предметом грёз (это я о шкатулке, естественно) откладывалась на неопределённый срок.

Ещё через день я принёс Сане подарок — баночку орехового масла. Девушка удивилась такому презенту, а после смутилась, узнав, куда исчезла та баночка, что она брала в дорогу. Мне удалось свести дело к шутке, благо, и рана от ножа, и ожог от уксуса зажили, и у меня не оставалось причин сердиться на незадачливую лекарку.

В следующую встречу подарка удостоился уже я: принимавшая дамские романы за образец истинных чувств девица притащила мне платок с инициалами моей «пассии». Я даже прослезился (клочок батиста невыносимо пропах мускусными духами) и поклялся носить его у сердца. Правда, уже на пути в гостиницу вступил в лужу, и дар любви пригодился, чтобы оттереть туфли.

Наши с Саной недолгие встречи не приносили желанных для меня результатов, но немного скрашивали скуку, на которую я был обречён в Лазоревой Бухте, да и отношения стоило поддерживать, ведь прошло уже больше седмицы, и я отчаялся застать дом пустым. Значит, придётся воспользоваться предложением девушки и навестить семейство баронессы под видом её давнего знакомого.

Но в день, когда я хотел просить Милисенту представить меня дэйне Солсети, случилось то, на что я уже не надеялся.

Глава 5

Лисанна

Завтрак я проспала. То ли дэй Рудольф изменил привычкам и не стрелял сегодня в саду, то ли мне не хотелось прерывать такой чудесный сон… Сон! И привидится же такое? Ни с того, ни с сего, когда у меня и в мыслях не было…

Наскоро умывшись, одевшись и собрав в тугой узел слегка потускневшие с момента окраски волосы, к которым я мало по малу уже привыкала, вышла в гостиную. Дэйна Агата просматривала почту, сидя в кресле у открытого окна. Остальных членов семейства видно и слышно не было.

— Вы не приболели, дорогуша? — баронесса на миг отвлеклась от писем.

— Нет, лишь не выспалась немного.

— Бывает, бывает…

Она снова погрузилась в чтение, дав понять, что как обычно, во мне не нуждается, и я могу быть свободна.

Полученную свободу я использовала, чтобы зайти на кухню, где Грасинья, толстая кухарка с грубым голосом, но мягким сердцем, приготовила мне чай со свежими сдобными булочками.

— Слышали новость, дэйни? Ар–дэй герцог приезжает в нашу глушь. Говорят, будет большой бал в ратуше, а после — фейерверк.

— Герцог? Какой?

— А что, их много, герцогов-то? — искренне удивилась добрая женщина.

— Да уж больше одного, — озадачила её я. — И в честь которого планируют торжество?

— Так В*е*странский герцог обещался, брат её величества. А о других я отродясь не слыхала.

Кухарку можно было понять, её ведь не мучили шесть лет изучением геральдики и родословных высшего дворянства. Для простых людей есть король (точнее — был), есть королева–регент, правящая от лица своего шестнадцатилетнего сына, есть этот самый сын, юный король Дарен, которого в народе по–прежнему именуют принцем, и герцог Вестранский — брат её величества Элмы. Об остальных и знать ни к чему.

Когда-то, когда не было ещё королевства Вестолия, а были просто *О*лия и просто В*е*стран. В *О*лии жили люди, а в В*е*стране — и люди, и метаморфы. Сначала два соседних королевства долго

воевали между собой, а потом объединились: король Олии взял в жены единственную дочь правителя Вестрана. Было это, если я ничего не путаю, лет пятьсот назад. С войнами с тех пор покончено, к метаморфам уже привыкли, а короли Вестолии завели себе моду время от времени жениться на девушках из Вестранского дома (когда заграничные принцессы вдруг заканчиваются). Вот и королева Элма, ныне вдовствующая, происходит из Вестранов. А её брат — самый известный в народе герцог.

Интересно, зачем столь высокопоставленная особа приезжает в Лазоревую Бухту?

— А почему бы ему и не приехать? — пожала плечами Виктория, с которую я застала в библиотеке. — Хоть какое-то разнообразие для нас. Жаль, поздно сообщили о предстоящем визите, заказать новые наряды уже не успеем. Вряд ли найдётся портной, способный сшить платье всего за сутки.

— За сутки? Хотите сказать, что приём уже завтра?

— Да, — равнодушно зевнула вдовушка. — Приглашены все и вся. И не думаю, что кто-то откажется. Градоправитель рискует разориться.

Она отложила книгу, которую листала перед моим приходом, и я прочла выбитое на переплёте название.

— «Легенды Вестрана»?

— Да вот, вспомнилось, — улыбнулась Виктория. — Вдруг удастся поближе познакомиться с герцогом? Будет о чем поговорить.

Сказав это, она встала и, негромко что-то напевая, пошла к двери.

Странная. Нашла, что обсуждать с герцогом. Я присела в освободившееся кресло и взяла книгу. Говоря со мной, женщина рассеянно мусолила пальцами уголок листа, и я легко нашла в середине толстого тома страницу, на которой она прервала чтение.

Эту легенду я знала. Некогда, ещё до объединения Вестолии, король Вестрана Карл полюбил юную Джанелл, но девушка любила другого и вскоре вышла замуж за своего избранника. Король не смирился с поражением и отослал мужа Джанелл подальше от двора, кажется, на какую-то войну, а сам стал добиваться прекрасной дамы. Но Джанелл и в отсутствие супруга была ему верна и не принимала ухаживаний Карла. Тогда король прибег к хитрости: с помощью придворного мага он изменил облик и пришёл к возлюбленной под личиной её мужа. Джанелл не заметила подмены и несколько ночей провела с Карлом. После этого она понесла, и узнавший об этом король устроил скорую

гибель её супругу. Красавица долго горевала, но всё же, в конце концов, согласилась стать королевой Вестранской, а Карл признал родившегося вскоре ребёнка.

Мне эта история никогда не нравилась. И король подлец, и Джанелл дура — сначала подмены не заметила, а потом ещё и простила убийцу любимого мужа.

Я пролистала книгу и нашла другую легенду. Тоже о короле, но в этот раз — добром и честном. Его звали Алвар. Однажды он повстречался с бедной девушкой, которая пасла гусей у стен его замка. Алвар влюбился в неё с первого взгляда, и хоть его и отговаривали всем двором, женился на прекрасной гусятнице.

Древние сказания Вестрана увлекли, и я просидела в библиотеке до обеда. Я бы и после обеда туда вернулась, но у меня была назначена встреча с Джедом. Наконец-то у меня была хорошая новость для него: наверняка он сумеет попасть на приём в ратушу, а там встретится с Викторией и, может быть, объяснится. И ещё одна любовная история получит счастливый финал.

Как это… грустно…

Перед встречей с оборотнем я решила ещё раз наверняка убедиться в том, что его возлюбленная будет на балу в ратуше, и заглянула к Виктории. Задумавшись, забыла постучать и ввалилась в её комнату без предупреждения.

Женщина стояла у стола. Услышав меня, она испуганно обернулась и со стуком захлопнула лежавшую перед ней шкатулку, которую я тут прежде не видела.

— Вы что-то хотели? — спросила она резко.

— Только узнать, пойдёте ли вы на приём у градоправителя…

— Я же сказала, что да. И вы — тоже. Разве дэйна Агата вас не предупредила? Подумайте, что наденете.

Я вышла за дверь, размышляя, хочу ли я вообще быть на том балу.

Джед

О приезде герцога Вестранского я знал ещё до встречи с Саной: город сошёл с ума из-за этой новости. Мелись улицы, подстригались кусты, впервые с момента моего приезда заработал фонтан на центральной площади. Гостиница, где мы с Унго остановились, гудела, как пчелиный улей: работники мыли и натирали полы, до блеска начищали канделябры и люстры, а кухня поражала немыслимыми ароматами. Все свободные на сегодня номера привели в такой роскошный вид, что любой из

них достоин был принять саму королеву. Хоть ар–дэй герцог и должен был остановиться в особняке градоправителя, где ему и свите готовили целое крыло, хозяин гостиницы всё же рассчитывал, что все придворные там не разместятся и окажут ему честь, расплатившись за ночлег в столь респектабельном заведении.

Знал я и о намечающемся бале в ратуше, но должен был увидеться с Саной и из её уст получить подтверждение того, что баронесса Солсети с домочадцами его не проигнорируют.

— Да, дэйна Агата получила приглашение, — рассеянно произнесла девушка. Она вообще была сегодня рассеяна и говорила нехотя, приходилось тянуть из неё каждое слово.

— Она его примет?

— Конечно. Здесь не так много развлечений, чтобы упускать такую возможность.

— Все пойдут?

— Вы хотите знать, пойдёт ли Виктория?

Я хотел знать, уйдут ли все обитатели виллы, но, не забывая о выбранной роли влюблённого, кивнул.

— Да, она собирается. Приготовила роскошное платье, оно ей очень к лицу.

— Не сомневаюсь.

Кое-как удалось вытянуть из девушки, что на бал в ратушу семейство Солсети отправится в полном составе, баронесса собиралась взять с собой и юную лекарку, а значит, дом опустеет, как мне и было нужно. Я не старался скрывать радости от предвкушения успеха в затеянном мероприятии — подобные эмоции вполне вписывались в образ. Но Сана отчего-то моей радости не разделяла.

— А вы не боитесь? — спросила она, уже собираясь уйти.

— Предстоящего разговора? Да, немного, но…

— Не разговора. Разочарования. Вы ведь почти ничего о ней не знаете. Она очень красива, но достаточно ли этого? Могут ли серьёзные чувства возникнуть так просто, с первого взгляда?

Разумные слова, которые я никак не ожидал услышать от этой чрезмерно романтичной особы.

— Я уверен в своих чувствах, — произнёс я твёрдо.

— Тогда желаю вам удачи.

— Спасибо, она мне понадобится.

Но на одну лишь удачу полагаться было нельзя, и оставшийся день я потратил на то, чтоб как следует всё спланировать.

Въезд в город герцога со свитой я пропустил. Когда на площади гремел оркестр и раздавались восторженные крики толпы, я был уже на пляже, подходил к ведущей к вилле Солсети

лестнице. Я знал, что калитка, которой пользовалась, приходя на встречи, моя невольная шпионка, не запирается — специально пару раз наведывался сюда ночью. Дождался, пока сядет солнце, и в сгустившейся тьме поднялся по лестнице. Войдя в сад, свернул с тропинки и пошёл к дому напрямик. О том, что собак на вилле не держат, мне тоже было известно.

Баронесса с семейством уже уехали, и в доме остались только слуги. Те, у кого не было работы, наверняка сбежали на площадь, чтобы хоть издали полюбоваться праздником, а оставшиеся, думаю, выйдут наружу, когда начнётся фейерверк. Унго с утра бродил по городу и разузнал примерный план готовившихся торжеств: сначала официальная часть, потом салют, а уже после — танцы и угощение для приглашённых.

Я достал из кармана часы и сверил время, вот–вот должны раздаться первые залпы.

Интуиция меня не обманула: как только грянули выстрелы и в небе расцвели букеты разноцветных искр, и дома вывалила кучка людей. С радостным шумом они пошли вглубь сада, туда, откуда должно было быть лучше видно, а я, проводив их взглядом, выбрался из кустов и прошмыгнул в дверь заднего хода. Внутри было темно, но мне это не мешало: ночное зрение — один из врождённых талантов метаморфа — позволяло рассмотреть коридор с расположенными по обе стороны дверьми. По разговорам с Саной, задавая бессмысленные на первый взгляд вопросы, я сумел составить примерный план дома. Второй этаж меня не интересовал, достаточно того, что сейчас он пуст. А на первом, сразу от входа для слуг, начинались рабочие помещения: кладовые, кухня, комнаты горничных. Чтобы попасть на хозяйскую половину, нужно было пройти в широкие двустворчатые двери. Комната Виктории — первая, сразу у лестницы. В следующей, как я знал, жила моя рыжеволосая помощница, но туда мне было не нужно.

Апартаменты прекрасной вдовы удивили сдержанностью: никаких излишеств, милых женскому сердцу кружевных скатёрок, лаковых картинок и фарфоровых статуэток. И никаких шкатулок. Впрочем, я и не ожидал, что Виктория выставит свою маленькую сокровищницу на видное место, и, припомнив привычки знакомых дам, принялся за поиски. Но странное дело: в платяном шкафу были платья, в шляпных коробках — шляпы, а в ящике для белья — белье. Под кроватью стояли мягкие комнатные туфли и ночной горшок. Под подушкой лежал мешочек душистых трав.

Я уже испугался, с запозданием подумав о том, что, отправляясь погостить к свекрови, дэйна шантажистка могла оставить шкатулку с письмами в каком-нибудь тайнике в

Алвердо. Но тут же заставил себя успокоиться: для женщин подобных Виктории такие документы сродни чековой книжке, с ними не расстаются надолго. Нет, в шкатулке или в холщевой суме, но письма Лён–Леррона должны быть здесь! Ещё раз оглядев комнату, я стукнул себя ладонью по лбу: ну, не дурак ли! Дэйна Виктория — не романтичная девица. Она не станет хранить бумаги в ворохе белья или под подушкой. Для документов есть более подходящее место.

Крышка стоявшего у стены бюро была заперта, но это не стало для меня проблемой. Замок был самый обычный, без секретов и не заговорённый магией. Отколов от ворота булавку я с полминуты ковырялся в замке, пока не услышал тихий щелчок. Готово! Приподняв крышку, заглянул внутрь. Шкатулку, которую в подробностях описал мне дэй Роджер, невозможно было не заметить. Коробочка из светлого дерева, размерами с толстую книгу, украшенная резьбой, тоже была заперта, и в этот раз преграда была куда серьёзнее: по форме отверстия для ключа было понятно, что булавкой тут не обойтись, но что ещё хуже — я чувствовал магическую защиту. На всякий случай просмотрел лежавшие тут же, в бюро, бумаги. Писем Лён–Леррона среди них не было. Значит, они всё же внутри.

Минуту или две я буровил ларчик взглядом, но, увы, взгляд мой никакой волшебной силой не обладал. Оставался только один выход. Закрыв бюро и приведя в порядок замок, чтоб хозяйка не сразу догадалась, что у неё побывали гости, я упрятал шкатулку под куртку. Отвезу её Эвану, он откроет. А письма там — хвост готов заложить.

Покидать дом тем же путём, что я попал в него, было небезопасно. Фейерверк, судя по тишине в саду, уже закончился, и слуги должны были вернуться. Проще всего было выбраться через окно. Но окна спальни Виктории для этого не подходили: прямо под ними была разбита клумба с фиалками, хорошо просматривающаяся с крыльца чёрного хода даже ночью. К тому же вдовушка наверняка вспомнила бы, что оставляла окна запертыми, а мне не хотелось бы, чтоб она обнаружила пропажу сразу же по возвращении. Поэтому я решил пройти в одну из соседних комнат, возможно, в жилище целительницы: вечно витающая в облаках Сана точно не всполошится, даже если я оставлю окно за собой распахнутым настежь.

Прислушавшись и убедившись, что за дверью никого, я вышел в коридор. Прошёл несколько шагов и остановился у покоев юной лекарки. Пожалуй, выйду отсюда. Заодно посмотрю, как живёт девушка. Мне всё же было стыдно перед ней за обман, и какие бы оправдания я себе не находил, не мог отделаться от ощущения,

что поступаю подло. Но чем, кроме баночки орехового масла, можно было бы искупить эту подлость, так и не придумал.

Уже взявшись за дверную ручку, я смутно ощутил, что что-то не так, но что именно понял, уже войдя в комнату: Сана–Милисента на торжество в ратушу не поехала. Она сидела на разобранной кровати и в тусклом свете одинокой тоненькой свечки листала книгу. Я был так удивлён, что упустил шанс на спасительное бегство. Девушка увидела меня, и мало того — узнала.

— Джед? — сначала на пол упала книга, а потом и она соскочила с постели, испуганно запахивая на груди халат. — Что вы… тут… Почему вы не на балу?

Моё оцепенение продлилось не более секунды. В конце концов, до этого момента всё было слишком легко, и нечто подобное обязано было произойти.

Я тихо прикрыл за собой дверь.

— Простите, что испугал. Но я хотел ещё раз увидеться с вами перед отъездом.

— Перед отъездом? Но…

— Я не встретил вас в ратуше и решил прийти сюда, — продолжал воодушевлённо врать я, не давая девушке забросать меня вопросами. — Завтра я уезжаю, но прежде хотел поблагодарить вас за помощь и доброе отношение. А более всего — за те слова, что вы сказали мне вчера. Вы правы, Сана: для серьёзных чувств недостаточно минутных встреч. Я был увлечён Викторией, но вряд ли, чтоб это была любовь. Поэтому и решил уехать, в Лазоревой Бухте меня уже ничто не задерживает.

Лисанна

Всё случилось неожиданно и совсем не так, как я себе представляла. Но я была благодарна Джеду за то, что он решил предупредить об отъезде и проститься.

— Я уезжаю рано утром, иначе не пришёл бы так поздно. Но теперь вижу, что это была не лучшая идея. Боюсь, если меня увидят у вас, моё пребывание здесь может быть неверно истолковано.

Лишь после его слов я осознала, насколько двусмысленная сложилась ситуация: я, в халате, босая и растрёпанная, и мужчина в моей спальне.

— А как вы вошли?

— Через заднюю дверь. Мне повезло никого не встретить. А теперь не знаю, как быть.

— Возможно… — я обернулась на окно. — Не знаю, насколько это будет удобно.

— Для меня главное, не создавать неудобств для вас, — тепло улыбнулся он.

От его улыбки стало ещё грустнее. Вот сейчас я отворю окно, и он навсегда исчезнет из моей жизни…

Старые, давно не открывавшиеся рамы, словно чувствовали моё настроение, и не спешили поддаваться. Я дёрнула ещё раз, но без толку. И ещё раз.

— Давайте я вам помо…

С третьей попытки окно распахнулось внутрь, и так некстати подошедший, чтобы помочь мне, Джед получил рамой по лбу. Удар вышел сильный: стекла задребезжали, а мужчина пошатнулся и с грохотом выронил на пол что-то тяжёлое.

— О, простите меня, я такая неловкая.

Слова раскаянья застряли в горле, когда я разглядела упавший на пол предмет. Это была резная шкатулка светлого дерева, точь–в–точь такая же, как я видела накануне у Виктории. Точнее — та же самая шкатулка.

В один миг всё разъяснилось: и для чего он в подробностях выспрашивал про дом, и зачем ему было знать, когда все уедут куда-нибудь… И какой я всё это время была дурой.

Джед

— О, простите меня, я такая неловкая.

— Однажды вы точно меня убьёте, — попытался пошутить я, потирая стремительно разрастающуюся на лбу шишку, и наклонился, чтобы поднять с пола шкатулку.

Но девушка оказалась быстрей. Она подхватила ларчик и тут же отскочила назад, а по её взгляду я понял, что она обо всем догадалась.

— Сана, это… Это — не то, что вы думаете.

— Да неужели? — она отступила ещё на шаг. — И что же это, если не шкатулка из комнаты вашей возлюбленной?

Не ожидал от этой простушки столь едкой иронии.

— Да, я забрал это у Виктории, но…

Но — что? Сказать, что это мой подарок, который я хотел бы вернуть? А если Сана спросит, что внутри? Письма, которые могут меня скомпрометировать? Почти правда, но я не смогу этого доказать.

Размышляя над ответом, я потерял драгоценное время, и теперь, какой бы удачной ни вышла ложь, Милисента вряд ли в

неё поверит. Ну и пусть. Терять мне всё равно уже нечего.

— Отдайте мне шкатулку, — я протянул руку, угрожающе ощерив клыки.

Девушка, вопреки ожиданиям, не испугалась.

— Подойдите и возьмите, — одной рукой она прижимала к груди свою добычу, а вторую подняла над головой, и я впервые за всё время общения вспомнил, что имею дело с магом.

Между пальцами целительницы едва заметно сверкнула маленькая искорка, а по комнате пронёсся ветерок. Дрогнуло пламя свечи, и в этом зыбком свете распущенные по плечам рыжие локоны девушки показались мне огненными змеями. Но я отогнал это наваждение и заставил себя улыбнуться:

— Не глупите, Сана. Сомневаюсь, что вашей силы хватит, чтобы серьёзно мне навредить. Вы же лекарка. Что это? — я кивнул на поднятую вверх руку. — Заклинание от головной боли? Вылечите мне насморк? Избавите от колик?

— Это — заморозка, — с угрозой разъяснила девушка. — Применяется при операциях, чтобы усыпить и обездвижить больного. Но вы же помните, какая я целительница? Кажется, самая бездарная из всех, кого вы встречали. Могу что-нибудь напутать, и разбудить вас после моего заклинания уже не получится…

Я вспомнил уксус и ореховое масло и решил не рисковать. Возможно, удастся с ней договориться.

— Сана, послушайте меня, пожалуйста, — попросил я, не спуская глаз с её руки. — В этой шкатулке находится то, от чего зависит моя жизнь. Если вы вернёте её Виктории, обречёте меня на верную гибель. Быструю, если сейчас же выдадите меня, и медленную, но всё же неизбежную, если дадите мне уйти. Без этой шкатулки я в любом случае мертвец.

— Хорошо, — улыбнулась целительница. — Я буду добра и не стану затягивать ваши мучения.

Рука, за которой я следил неотрывно, потянулась к шнурку у кровати и несколько раз дёрнула за него.

— Сейчас за вами придут, — с нескрываемой злостью пообещало мне это доброе и невинное создание. — И не вздумайте бежать, иначе…

Свечение на кончиках её пальцев в совокупности с мстительной улыбкой наводило на очень неприятные мысли.

Лисанна

Видимо, по случаю отсутствия хозяев слуги и себе устроили

праздник: я ещё несколько раз потянула за шнурок звонка, но являться на мой зов никто не спешил.

— Не ожидал от вас такой жестокости, Сана.

Да? А чего он ожидал после того, как подло обманул меня и практически сделал соучастницей преступления?

Сейчас только страх попасть под смертельные чары удерживал оборотня на расстоянии: я видела, как он по–звериному подобрался, готовый в любой момент кинуться на меня, отобрать шкатулку и выпрыгнуть в окно. И что делать? Закричать? Пожалуй.

Я набрала полные лёгкие воздуха… Но в этот момент со стороны сада раздался громкий хлопок. Потом ещё один. От неожиданности я громко выдохнула, так и не издав ни звука.

— Стреляют? — насторожённо зыркнул в окно Джед.

— Да, — подтвердила я с вызовом. — Это дэй Рудольф вернулся, он палит и днём и ночью. Иногда даже по людям… или по оборотням.

Я сама не верила в это: если Рудольф и вернулся, то где бы он, не заходя в дом, взял пистолеты? На приём он точно уезжал без оружия…

Мои размышления прервал истошный женский крик.

— Что-то случилось, — сообщил очевидное метаморф. Я всё ещё удерживала на ладони иллюзию, и он опасался двинуться с места.

В считанные секунды дом ожил, захлопали двери, зажглись фонари на садовой аллее, забегали люди.

Я снова вцепилась в шнурок и дёрнула, рискуя его оторвать. Но в этот раз меня услышали: в коридоре послышались торопливые шаги и в комнату постучали.

— Не вздумайте шевельнуться, — предупредила я волка и подошла к двери.

— Вы звали, дэйни? — обеспокоенно спросил подошедший с зажжённой свечой слуга.

— Да, — я бросила быстрый взгляд на притаившегося за дверью Джеда. — Что за шум в саду?

Метаморф с облегчением выдохнул. Рано радуется, придёт и его черёд.

— Там… В дэйну Солсети стреляли, — пробормотал парень.

— Как?! Я…

— Целитель ей уже без надобности, дэйни, — предупредил моё желание броситься на помощь слуга. — За стражей послали. А ежели на тело желаете взглянуть…

— Нет–нет, — придерживаясь за дверь, чтобы не упасть, отказалась я, — не желаю. Спасибо.

Странно, но оборотень отчего-то не воспользовался моим потрясением, чтобы бежать.

— Это тоже ваших рук дело? — опомнившись, накинулась я на него, с новой силой разжигая в руке иллюзорное пламя.

— Вы же знаете, что нет, — ответил он серьёзно. — Я был тут, когда стреляли.

— Значит, это ваш сообщник.

— Не говорите глупостей, Сана. Я пришёл один, и только за шкатулкой.

— Я вам не верю… больше. Сейчас придёт стража и…

— И вы расскажете им, что в то время как совершалось преступление, вы были у себя, наедине с мужчиной. А чем именно вы занимались, они догадаются по одному вашему виду.

— Что?! — я опешила от такой дерзости. — А шкатулка?

— Понятия не имею, зачем вы взяли её из комнаты Виктории, — равнодушно пожал плечами оборотень. — Это вы сами ей объясните.

Если бы заклинание, наводившее на него страх, имело хоть какую-то силу, я использовала бы его, не раздумывая.

— Вы же понимаете, Сана, что именно это я буду вынужден сказать, — с неприятной улыбкой заключил Джед. — В доме не было активных защитных заклинаний, а выявить спустя время присутствие метаморфа не сможет даже опытный маг: доказать, что я был в комнате Виктории, не получится. А ваших следов там предостаточно. Я сразу почувствовал знакомый запах духов…

Мерзавец!

— Так что, будем дожидаться стражников?

— Уходите, — я опустила руку и погасила бесполезное свечение.

Но Джед не спешил.

— Виктория в этой истории не жертва, Сана. В шкатулке лежат документы, которые могут погубить жизнь одного хорошего человека. И мою заодно. Не спешите возвращать их владелице. Попробуйте открыть замок, и вы убедитесь, что я не лгу.

— Убирайтесь!

— Если всё же решите мне поверить, вы знаете, где я остановился. Я пробуду в гостинице ещё день–два.

После его ухода я обессилено опустилась на постель, прижимая к груди украденную — теперь получается, что мной — шкатулку. События последнего часа смешались в голове, тело разбила усталость, а из глаз сами собой лились слезы.

Когда в дверь постучали, я только и успела, что спрятать резной ларчик под одеяло и наскоро вытереть глаза.

— Эка вы разнюнились, дорогуша.

То, что в мою дверь, подбирая юбки, вплыла дэйна Агата, меня не удивило, словно призраки посещают меня ежедневно.

— Мне так жаль, — всхлипнула я, не зная, что принято говорить покойникам.

— Жаль? — поморщилось приведение. — Кого? Викторию?

— Викторию?! — вскочила я.

— А что, сегодня ещё кто-то умер? — удивилась баронесса.

Только тогда я поняла свою ошибку: на вилле две дэйны Солсети. Было.

Джед

Вышел в окно и вошёл тем же способом, но теперь уже в свой гостиничный номер.

— Всё в порядке? — спросил я Унго, прежде чем тайлубиец успел открыть рот.

— Да, дэй Джед. Прислуга уверена, что вы приболели и никуда не выходили, дважды заказывали чай, а после — тёплое вино с корицей. А как всё прошло у вас?

— Никак, — махнул я рукой, падая на постель. — Прошёлся по пляжу, поглядел на звезды… И от вина с корицей сейчас не отказался бы.

Унго виновато покосился на пустой бокал на столе.

— С утра расскажу тебе всё, — обещал я. — Только не буди меня рано. Всё равно никуда не едем, задержимся ещё на пару дней. И прогуляйся по городу завтра, разузнай, что случилось на вилле Солсети.

Ситуация вышла из-под контроля, и всё, что мне оставалось, — ждать.

Глава 6

Лисанна

Поспала я от силы часа два за всю ночь. Мешали голоса в саду, заполнившие дом незнакомые люди и собственные мысли.

С утра дэй Рудольф не стрелял как обычно, дэй Стефан не ходил на конюшню, а дэй Герберт был непривычно трезв и оттого казался больным. Неизменной оставалась только дэйна Агата: с аппетитом позавтракала, а после занялась обычным разбором почты, вскользь предупредив:

— Не расходитесь. Обещался прийти дознаватель, хочет со всеми поговорить.

Со следователем, полным пожилым мужчиной с блестящей от испарины лысиной и сосудистой сеткой на дряблых щеках, я говорила ещё ночью: он спрашивал, не видела ли я чего-нибудь, а я плакала и мотала головой.

Но ближе к полудню в доме появился совсем другой человек, и начались совсем другие расспросы.

Новый дознаватель расположился в кабинете баронессы и по одному вызывал к себе обитателей дома. Делал он это в только ему понятном порядке: сначала поговорил с хозяйкой, потом взялся за прислугу. Я не знала, когда придёт моя очередь, и ожидание стало настоящей пыткой. Шкатулка Виктории лежала в шкафу, завёрнутая в рубашку, и мне казалось, что вот–вот ко мне вломятся дюжие стражники, перероют тут всё, как накануне в комнате убитой, найдут украденное, скрутят мне руки и на глазах у всех погрузят в чёрную карету с решётками на окнах.

Неудивительно, что при таких мыслях я вздрагивала от каждого шороха, а стук в дверь пугал чуть ли не до потери сознания. Но в первый раз стучала баронесса, велела зайти к ней после разговора со следователем, а во второй — зарёванная Лита, горничная, которая обнаружила труп, спросила каких-нибудь капель от нервов.

— Мы фейерверк глядели, — рассказывала она, держась за сердце. — Потом все в дом вернулись, а я с Питом в саду задержалась… погулять…

Лита была миловидной молодой девушкой, и «погулять», как я слыхала, любила.

— Вдруг слышим — разговор. Дэйна Виктория с мужчиной каким-то. Он ей: «Они у вас здесь?», а она: «Да, все у меня в комнате». Непонятно так. И дальше пошли. Потом: бах! бах! Мне

бы, дуре, бежать оттуда, а я возьми и вперёд кинься. Не разглядела её сразу, впотьмах-то… Чуть не перецепилась через горемычную…

Я накапала ей пустырника, и девушка ушла.

А следующий постучавший в мою дверь известил о желании дэя дознавателя побеседовать.

В отличие от того, ночного, новый следователь производил впечатление. Это был высокий, уже не молодой, но ещё довольно привлекательный мужчина, с густыми тёмными волосами, едва тронутыми сединой. Одет он был в гражданское: чёрный, расшитый серебром камзол, шёл к статной фигуре и к пытливым антрацитовым глазам. Изящные пальцы, не обременённые перстнями, отстукивали по столешнице простенький ритм…

Постойте-ка! Откуда это — «привлекательный», «изящные»? И отчего вдруг захотелось взглянуть в зеркало и убедиться, что причёска и платье в порядке? Так–так…

Поняв, что его раскрыли, маг рассмеялся.

— Просите, дэйни, привычка. Лёгкое воздействие облегчает работу. Симпатия, доверие — вы же понимаете? Не учёл, что имею дело с коллегой.

Волна обаяния схлынула.

— Присаживайтесь, — он указал на стоявшее у стола кресло. — Итак, вы — Милисента Элмони, выпускница заведения дэйны Алаиссы Муэ из Райнэ? Достойная школа. Как давно вы служите у баронессы Солсети?

— Не очень давно. Сегодня… девятнадцатый день как я приехала.

— В чем состоят ваши обязанности?

— Я должна следить за здоровьем дэйны баронессы и её домочадцев. Но пока в моих услугах не нуждались. Пару раз я заваривала дэйне Агате чай и давала готовые настои, несколько раз ко мне обращались слуги.

— А покойная когда-либо к вам обращалась?

— Нет. Дэйна Виктория говорила, что не пользуется целительскими снадобьями.

— Вам не показалось это странным?

— Честно? Поначалу показалось, а потом…

— Ну–ну, — подбодрил меня мужчина, — договаривайте.

— Женщины не выдают своих секретов. Наверное, Виктории хотелось, чтобы все считали, что красота и молодость кожи у неё от природы, а сама пользовалась услугами какого-либо аптекаря или мага.

— Вы так считаете? — следователь резко поднялся из-за стола. — Идёмте со мной.

— К–куда? — перед глазами вновь встала карета с решётками на окнах.

— В подвал. Тело ещё не увезли, хочу, чтобы вы взглянули. Интересно будет услышать ваше мнение, как целительницы.

Он подхватил со стола большую кожаную папку и распахнул передо мной дверь.

— Идёмте.

Дверь в подвал располагалась рядом с кухней. У входа дежурил молодой гвардеец, видимо, уже успевший познакомиться с нашей радушной Грасиньей, так как рот его был чем-то набит, а одна рука, явно не пустая, пряталась за спиной. Следователь укоризненно покачал головой, но делать юноше замечания не стал. Снял со стены масляный фонарь, зажёг фитиль и первым начал спускаться в прохладный мрак подпола. Я шла следом.

Было жутковато. Не то чтобы я боялась мертвецов — мне достаточно приходилось видеть их за время учёбы — но то всё были чужие, незнакомые люди. Сейчас же мне предстояло увидеть труп женщины, с которой ещё вчера мы пили чай на террасе и говорили о модных новинках.

— Зрелище будет не из приятных, — предупредил, читая мои мысли, дознаватель.

Тело, накрытое простынёю, лежало на длинной лавке у стены. Мужчина поднял над ним горящий фонарь и с помощью магии усилил свет. Потом сдёрнул с трупа ткань.

— Кто это? — вырвалось у меня.

— Смотрите внимательнее.

Чёрные волосы, острые скулы, кожа, похожая на ссохшийся пергамент, заострившийся нос, приоткрытый рот с лиловыми губами. Если это Виктория, то смерть изуродовала её и состарила её лет на двадцать, а то и больше.

— Как это возможно? — поразилась я. — Некоторые яды дают подобный эффект, но её же застрелили. Или нет?

— Застрелили, — маг указал пальцем на тёмное пятно на груди убитой. — Две пули, одна в прямо сердце, другая — рядом. Их ещё не извлекли, но я и так вижу, что они совершенно обычные.

— Тогда как?..

— Думайте, дэйни Милисента, думайте. Вас должны были обучать этому. По документам Виктории Солсети тридцать четыре года. Выглядела она на двадцать с небольшим. А сколько ей было на самом деле, мы установим, лишь проведя ряд трудоёмких исследований. Если бы она пользовалась целительскими снадобьями, результат их воздействия не исчез бы со смертью. И что это значит?

— Есть несколько магических уловок, — начала я неуверенно. — Иллюзия. Она не держится на мёртвой материи, и спала бы после смерти.

— Вы бы почувствовали иллюзию, — покачал головой следователь. — Разве нет?

— Нектар Королевской Лилии?

— Нектар действует лишь несколько дней, это разовое средство, и принимать его постоянно опасно для жизни.

— Тогда…

— Тогда остаётся последнее, — решительно закончил мужчина. — Обряд, запрещённый сводом правил Сообщества Магов и законами королевства Вестолия. Человеческое жертвоприношение с целью изъятия жизненной энергии жертвы. Карается смертью. Проведение данного ритуала крайне тяжело доказать, и он не требует от организатора наличия дара — только соблюдение условий и подходящую жертву. Обычно в качестве жертвы используют молодую невинную девушку… Простите за бестактность, дэйни Милисента, но вы ещё девица?

— Что? — зарделась я. — Какое это имеет отношение?

— Дэйна Виктория ведь интересовалась подобными вопросами? — не слушая меня, продолжал дознаватель. — Хотя могла и не спрашивать. Есть много способов проверить это: верный камень, амулеты, горошина у вас под матрасом… Четыре года назад у дэйны Агаты уже служила молоденькая лекарка. Ходят слухи, что девушка сбежала с возлюбленным. Даже не получив расчёта и оставив на вилле большую часть гардероба. А лет десять тому при невыясненных обстоятельствах пропала помощница кухарки. Баронесса вспомнила эти случаи, когда я рассказал ей о… И дэйна Виктория оба раза гостила у свекрови.

Мне сделалось нехорошо. Голова закружилась, и стоило больших усилий сдержать подкатившую к горлу тошноту.

— Вы не можете знать наверняка, — прошептала я.

— Насчёт ожидавшей вас участи, дэйни, — да, — согласился маг. — Это только мои предположения. И, к счастью, их уже не проверить. А насчёт того, каким образом покойная… хм, следила за своей внешностью, у меня сомнений нет.

Хотелось присесть, но единственную лавку здесь занимал уродливый труп.

— Зачем вы всё мне это рассказываете? — спросила я, с трудом собравшись с мыслями.

— Затем, чтобы у вас было правильное представление о случившемся. Чтобы вы не жалели несчастную женщину и не вздумали покрывать её, если вам что-то известно.

«Виктория в этой истории не жертва, Сана», — прозвучал в

моей голове другой голос.

— Сейчас мы вернёмся в кабинет, и вы обстоятельно мне всё расскажете, дэйни Милисента. Вспомните каждый день знакомства с убитой, каждую поездку в город, каждый разговор. Я помогу вам вспомнить все имена, что она называла, адресатов её писем.

— Но зачем? — переспросила я. — Хотите найти того, кто её убил? А если она заслуживала смерти? Если это сделал отец или брат одной из её жертв? Если справедливость уже восторжествовала?

— Справедливость и закон — не всегда одно и то же, дэйни Милисента, — сурово вымолвил мужчина. — Пойдёмте наверх, нам предстоит долгий разговор.

После беседы со следователем я чувствовала себя опустошённой.

Он был талантливым магом, и я практически не ощущала чар, заставивших вспомнить десятки когда-то услышанных имён, мельком увиденных адресов на конвертах и ещё сотни мельчайших подробностей моего общения с Викторией. Дознаватель записывал услышанное, задавая всё новые и новые вопросы. Несколько раз, словно забывая, что уже спрашивал, интересовался, не передавала ли покойная мне на хранение каких-либо вещей. Это был удобный случай избавиться от шкатулки. Но, во–первых, сложно было бы объяснить, зачем ведьма отдала нечто важное в руки будущей жертвы. А во–вторых (и это главное), мне не хотелось бы, чтобы с моей помощью убийца был найден. Да, справедливость и закон — не одно и то же, но в данном случае я была всецело на стороне справедливости, и не испытывала ничего кроме благодарности к тому, кто, пусть и невольно, спас меня от страшной участи.

Подстёгнутая магией память выдала всё, что я когда-то читала или слышала о запретном ритуале переливания жизненной силы. Жертву связывали и оставляли в центре графического рисунка — магического круга, исчерченного символами, которые законы не позволяли воспроизводить даже для примера. Убийца делал на теле несчастной несколько надрезов–выходов: на запястьях, на голенях, на шее. Затем занимал нужное место в обрядовом круге, читал заклинание. И всё. Дальше он лишь стоял, не выходя из круга, впитывая чужую высвобожденную энергию, в то время как жертва умирала в муках: кровь и сила покидали тело медленно, ещё заживо иссушая несчастную в прах…

Только от мыслей об этом меня пробил озноб.

По возвращении в комнату хотелось забраться под одеяло с

головой и свернуться в клубок, спрятавшись от всего мира. И возможно уснуть. Но спать я боялась, опасаясь кошмаров. Однако прилегла, не раздеваясь и не разбирая постели. Думала, перебирая в памяти события сегодняшнего утра, минувшей ночи и предшествующих ей дней. Теперь многое виделось иначе.

От размышлений оторвал стук в дверь. В комнату заглянула дэйна Агата:

— Забыли о моей просьбе, дорогуша?

Да, она же просила зайти.

— Простите, я неважно себя чувствую.

— Понимаю, — баронесса присела на краешек постели. — Видели её?

Я кивнула.

— Он рассказал, да?

Кивнула снова.

— Не принимайте близко к сердцу. Это всего лишь домыслы мэтра Людвига.

— Кого?

— Наш следователь вам не представился? — усмехнулась женщина. — На него похоже: полагает, каждый встречный должен узнавать его в лицо. Людвиг Менно — старший маг–дознаватель королевского сыска. А во времена короля Эдуарда был одним из его придворных магов. Я помню его ещё с тех пор, как жила в столице.

— Его вызвали из-за Виктории?

— Вызвали? Нет. Если бы так, он прибыл бы только через день или два. А дэй Людвиг был в свите герцога. Узнал о нашем происшествии случайно, но обстоятельства, сами понимаете, не могли его не заинтересовать.

Похоже, баронессу внимание столичного следователя не радовало.

— А вы… вы знали? — спросила я, поборов страх.

— О Виктории? Нет, *этого* не знала. А то, что знала… То, что знала, уже никому не поможет и не навредит. А вы заметили, — оживилась она вдруг, — что сегодня он ещё не ходил на конюшню? И вообще, выглядит расстроенным, но как будто более живым? Может, потрясение его отрезвило, а может, это она что-то такое сделала, что мальчик совершенно перестал интересоваться жизнью. Но теперь всё будет хорошо. Стефан ещё молод, ему многому нужно учиться, многое наверстать, но он не совсем пропащий. И мне кажется, вы ему действительно нравитесь, Лисанна.

— Какие глупости, — отмахнулась я. И лишь потом, поняв, что именно меня смутило в последней фразе, ошалело уставилась

на баронессу.

Дэйна Агата смотрела на меня с улыбкой.

— Я ведь угадала, вас так зовут, дорогуша?

Отпираться я не решилась, только потупилась, предоставив баронессе право продолжить самой.

— Мне всегда было интересно, как к нам так быстро доходит почта, — произнесла она задумчиво. — Вроде бы везут её так же, на лошадях, на кораблях, а письма прибывают на место намного раньше людей. Вы, должно быть, были на полпути сюда, когда я получила послание от старой знакомой — вашей наставницы, дэйны Алаиссы. Она извинялась, что не сможет, как обещала, прислать ко мне одну из выпускниц. Писала, что девушка взяла рекомендации, а потом вдруг отправилась в морское путешествие в качестве судового лекаря. Алаисса случайно об этом узнала. Сокрушалась, насколько безответственна сейчас молодёжь. А ещё жаловалась в письме, что её заведению грозил крупный скандал: вторая выпускница, как раз подруга той, что отправилась в моря, исчезла накануне бала. Вроде бы с экзаменами у неё не сложилось, степень получить не удалось, да ещё и отец, по слухам, решил выдать девицу замуж за человека, которого она в глаза не видела. Вот и сбежала. Хорошо, что её родитель согласился не давать делу огласки. Репутации пансиона это могло бы навредить.

Я нервно ёрзала на кровати, но и слова не вставила.

— Я отписала Алаиссе, чтобы она не переживала по поводу того, что я осталась без домашнего лекаря. На здоровье-то, хвала Создателю, не жалуюсь. А через день приехали вы. Много ли ума нужно, чтобы догадаться, что к чему?

— Вы сообщили дэйне Алаиссе? — спросила я, не поднимая глаз.

— Зачем? Вы мне совсем не мешали, дорогуша. К тому же… Помните, я как-то спросила, для чего вам эта работа? Мне понравился ваш ответ. Чтобы ни от кого не зависеть, сказали вы. Похвальное и понятное для меня решение. Но сейчас… Я, собственно, для того и просила вас зайти. Письма идут очень быстро, Лисанна. Особенно — письма, отправленные магами. Мэтр Людвиг отправил запрос в пансион, где вы учились. Хочет побольше разузнать о Милисенте Элмони. Это обычная процедура при проведении следствия — проверяют всех и вся, не только вас. Но когда он получит ответ, могут возникнуть дополнительные вопросы.

— Но… Всё законно, вы не подумайте, — пролепетала я. — Мы с Милисентой всё учли, оформили доверенность…

— Всё учли? — хмыкнула дэйна Агата. — А то, что отец

объявил вас в розыск? Мэтр Людвиг, как лицо официальное, обязан будет сообщить о вашем местонахождении. А может быть, задержать до прибытия кого-нибудь из вашей семьи.

Баронесса встала и пошла к двери.

— Вот и всё, что я хотела вам сказать, дорогуша. Решайте, что теперь делать.

— А что делать? — вздохнула я. — Я попробовала — не получилось. Думала, здесь будет спокойно. Мне ведь всего полгода нужно было переждать. А тут… Убийства, тёмные обряды…

— Считали, будет легко? — резко обернулась женщина.

— Да, — призналась я.

— Запомните, милая моя: в жизни ничего просто так не даётся. Всегда находятся проблемы и препятствия. Сдадитесь, наткнувшись на первое же?

— А что мне ещё остаётся? — я была близка к тому, чтобы разрыдаться. — Я одна. Мне больше некуда ехать, негде спрятаться. И я совершенно ничего не умею сама. Даже приехать сюда было не моей идеей. А я… Мне страшно, понимаете? Страшно после всего этого! И лучше уж домой — там меня, по крайней мере, защитят…

Дэйна Агата смерила меня ледяным взглядом.

— Жаль. Я была о вас лучшего мнения.

Она ушла, а я… Нет, не думала больше ни о чем. Я уснула.

Меня не тревожили, а потому проснулась я уже поздно ночью. Встала, зажгла свечу. Отдых пошёл на пользу: я смогла всё обдумать и принять решение. Возможно, неверное, но самостоятельное.

Как быстро идёт почта магов? Вряд ли меньше суток. Но даже если в Райнэ запрос получили уже к вечеру, то ответ на него отправят не раньше утра. А утром…

Ранним утром, когда прочие обитатели виллы ещё спали, я уже стояла перед баронессой.

— Вы чего-то хотели? — поинтересовалась она сухо.

— Попрощаться. И если это возможно, попросить о небольшом одолжении.

— Да? — заинтересовалась дэйна Агата.

— Не знаю, собирались ли вы отправлять Питера в город. Может быть, за продуктами или ещё за чем-нибудь…

— Собиралась–собиралась, — заулыбалась женщина. — Скажу ему, чтобы готовил лошадей. Но в доме ещё дежурят гвардейцы, их могут заинтересовать сборы.

— У меня только саквояж и сумка — там самое необходимое.

— Замечательно. Значит, я не зря приготовила это. —

Хозяйка вынула из ящика стола пухлый конверт и протянула мне.

— Что это? — внутри лежала пачка хрустящих банкнот.

— Как — что? Ваше жалованье за отработанное время и компенсация за то, что я вынуждена отказаться от ваших услуг.

Компенсация была незаслуженно велика, но я не стала отказываться.

— Скажите, дэйна Агата, почему вы помогаете мне?

— Есть множество поступков, о которых я сожалею, — с улыбкой ответила женщина. — Но ни о чем я не жалею так горько, как о том, чего не сделала. Мне бы не хотелось, чтобы вы однажды почувствовали то же.

— Спасибо.

— Не за что. И, Лисанна, знаете лавку парфюмера недалеко от почты? Загляните туда. Ваши волосы, они ведь от природы светлые? Это уже немного заметно.

Снова рыжая краска? Впрочем, сейчас это меньшая из моих проблем.

Пит высадил меня на площади. Сначала я, не откладывая, зашла к парфюмеру, а потом спустилась по извилистой улочке к небольшой гостинице на побережье.

— Дэйни изволит комнату? — широко улыбнулся дежуривший за стойкой мужчина, увидев меня с тяжёлым саквояжем в руке.

— Дэйни изволит видеть одного из ваших постояльцев. Дэй Джед Селан ещё живёт у вас?

— Да. Как ему о вас доложить?

Называть имени, под которым оборотень меня знал, не хотелось. Это имя было известно и дэю Людвигу — вдруг после будут выяснять, где я бывала и с кем встречалась? Назвать другое?

И тут меня словно нечистая сила дёрнула:

— Скажите ему, что приехала его невеста.

Джед

Мало того, что всю ночь снился какой-то бред, так ещё с утра в номер ввалился гостиничный служка и заявил, что меня желает видеть невеста.

— Чья? — не понял я.

— Ваша, — радостно отрапортовал парень.

У меня возникли сомнения в том, что я уже проснулся, но после болезненного щипка они улетучились.

— Унго! — позвал я, не желая вставать с постели. — Пойди

глянь, кому там неймётся затащить меня под венец.

Тайлубиеца в комнате не оказалось. Пришлось подниматься, одеваться и идти в холл. Но стоило мне увидеть «невесту», и остатки сна испарились в один момент.

— Сана? Вы?

— Доброго утра, Джед, — девушка была непривычно серьёзна и, что странно, кажется, совсем на меня не злилась. — Вы уже слышали, что случилось с Викторией?

— Да.

— А та её вещь, которую вы оставили у меня, вас ещё интересует?

— Конечно! — я не верил своей удаче.

— Только не думайте, что я отдам вам её просто так. Мне нужны деньги, нужна новая работа, а самое главное — уехать отсюда как можно скорее.

— Однако у вас и запросы, — поразился я.

— Так вам нужна шкатулка? — Только сейчас я заметил, как она бледна и взволнована.

— Да.

— А мне нужно оказаться подальше отсюда.

— Хорошо. Я планировал вернуться в Велсинг — это достаточно далеко для вас?

Девушка кивнула.

— Экипаж уже заказан, можем выехать завтра… сегодня, — поправил я, увидев, как она разочарованно поморщилась.

— Замечательно. Собирайтесь, а я подожду вас тут.

— Сегодня, но не сейчас же, — сказал я мягко. — Я ещё не завтракал. Составите мне компанию? Здесь прекрасная кухня.

Я велел отнести её саквояж в свою комнату. Сумку, в которой, очевидно, была шкатулка, девушка держала мёртвой хваткой.

— Скажите, Сана, что за блажь взбрела вам в голову, назваться моей невестой? — спросил я с улыбкой, желая снять напряжение этого разговора.

Но задумка не удалась: Милисента сердито сверкнула глазами:

— Вы же были у меня той ночью? И, как собирались заявить страже, между нами даже что-то происходило. Разве теперь, как порядочный человек, вы не обязаны на мне жениться?

Похоже, общение со мной пагубно сказывается на характере и манерах некоторых девиц.

Глава 7

Джед

Срезая путь, экипаж съехал с укатанного тракта на одну из просёлочных дорог и тут же подпрыгнул, наскочив колесом на бугорок. Милисента испуганно ойкнула. За все три часа пути, это был единственный раз, когда девушка подала голос. Напряжённое молчание и показательно отведённый в сторону взгляд раздражали. Унго не выдержал первым и заявил, что в такую прекрасную погоду ему будет приятно проехаться на козлах. Если и дальше так пойдёт, я тоже сбегу и остаток пути проведу на запятках.

— У вас мало вещей, — в очередной раз предпринял я попытку разговорить спутницу.

— Когда устроюсь на новом месте, дэйна Агата пришлёт мне остальные. — Я удостоился ответа, но не взгляда.

Итак, «дэйна Агата пришлёт». Значит, Сана не сбежала от баронессы, хоть и было очень на то похоже, а уехала с её ведома. Но почему в такой спешке? Почему пришла ко мне, словно больше ей не к кому обратиться?

В следующий раз, ещё через час молчания, разговор начала сама девушка:

— Что в шкатулке?

— Письма, — ответил я коротко. Не поручился бы в том, что так оно и есть, но очень на это надеялся.

— Ваши?

— Одного моего знакомого.

— Он заплатит за то, что вы их привезёте?

— Нет. Это дружеская услуга. Но не переживайте, я сам оплачу вашу помощь.

Милисента вспыхнула — видно было, что ситуация ей претит, но она сразу сказала, что нуждается в деньгах, а я был мог позволить себе компенсировать ей неудобства. Всё же именно я втянул её в эту историю.

На ночь мы остановились в небольшом деревенском трактире. Еда тут была отвратительная, зато комнаты вполне сносные. Я оплатил две: одну для себя и Унго, вторую — для нашей спутницы. Долго не мог уснуть, слыша, как за стенкой ворочается на скрипучей кровати Сана, но усталость взяла своё, и я задремал, во сне продолжая думать о том, что скоро всё закончится: Лён–Леррон получит письма, скажет мне имя

покупателя, и я, не затевая более новых авантюр, выкуплю алмаз, сколько бы не запросил новый владелец.

Разбудил меня истошный женский крик.

Я вскочил и как был, в одном исподнем, выбежал в коридор. С силой рванул на себя дверь соседней комнаты. Затрещала хлипкая деревянная задвижка, визгливо скрипнули петли.

На столе скудно обставленной комнатушки догорала забытая с вечера свечка, но и без этого блеклого огонька я видел, что никто посторонний, как я решил спросонья, к моей соседке не вламывался. Тут была только сама девушка, сжавшаяся на кровати в непрерывно вздрагивающий комочек.

— Сана, — позвал я негромко. — Что с вами?

Всхлипывания перешли в плач.

Похоже, дурной сон.

— Ну же, успокойтесь.

Я нашёл и зажёг ещё одну свечу. Увидел на столе кувшин с водою и налил немного в стоявший тут же стакан, протянул девушке.

— Успокойтесь, пожалуйста.

В коридоре затопали, хлопнуло сразу несколько дверей: не только меня разбудил её вопль.

— Да–да, сейчас… — Милисента размазала по щекам слезы и потянулась к лежащей у кровати сумке. — Сейчас…

Она достала какой-то пузырёк и вылила в предложенную мной воду половину его содержимого. Запахло травами. Помня рассеянность лекарки, я отобрал у неё стакан — а ну как отравится.

В проходе уже стоял Унго, успевший надеть штаны и накинуть сюртук, а рядом с ним переминался с ноги на ногу пухлый коротышка в женской сорочке и ночном колпаке — если не ошибаюсь, хозяин этого малопочтенного заведения.

— Принесите-ка кружку тёплого молока, любезный, — без объяснений обратился я к нему.

— Кухня уже закрыта, — буркнул он недовольно.

— Так откройте. Или принимайтесь искать крысу, которая напугала мою кузину.

Нейтральное определение «кузина» нравилось мне многим больше чем «невеста».

— Какие крысы? — испуганно озираясь, не слышит ли кто из постояльцев, зашептал толстяк. — Нет у нас никаких крыс. В весну ещё повывели. И крыс, и клопов. А молочка подогрею, не извольте беспокоиться…

Дав Унго знак, что он может идти, я вернулся к Сане. Девушка продолжала рыться в своих запасах в поисках

чудодейственного средства, которое заставило бы её прекратить лить слезы. От греха подальше я забрал у неё сумку, вызвав новый всплеск горестных рыданий. Придвинул к кровати стул и сел.

— Это всего лишь сон. Если хотите, расскажите, что вас так напугало.

Если честно, мне хотелось спать, а не выслушивать девичьи страхи, но прежде стоило удостовериться, что ни жутких снов, ни таких же жутких криков больше не повторится.

— Расскажите, — повторил я, осторожно поглаживая девушку по вздрагивающему плечу. — Выговоритесь и сами поймёте, какие всё это глупости.

Как оказалось, глупостями кошмары Милисенты не были, а имели под собой достаточно веские основания. Ну, веские для пугливой и впечатлительной девицы. Переждав поток путаных причитаний, я услышал более–менее связный рассказ. Оказывается, среди грехов покойной дэйны Виктории числилось кое-что пострашнее шантажа. Для поддержания красоты и молодости она использовала достаточно нетрадиционный способ — вытягивала силы из юных девственниц. Не знаю, сколько жизней было на её счёту, и уж тем более не знаю, зачем дознавателю понадобилось делиться с Саной догадками по поводу того, кто должен был стать следующей жертвой, но всё услышанное прочно засело у девушки в голове. Почти два дня она не думала ни о чем другом, представляя себя истекающей кровью на жертвеннике, и апофеозом этих размышлений стал нынешний сон. Воображением Создатель Сану не обделил, и я не сомневался, что привиделось ей такое, от чего и у меня бы шерсть дыбом встала.

Вопреки ожиданиям, выговорившись, девушка ничуть не успокоилась, и я уже жалел, что не позволил ей упиться какой-нибудь травяной гадостью или не попросил вместо молока жжёного вина. Кажется, она возомнила, что теперь, рано или поздно, страшная участь её настигнет, и даже то, что Виктория мертва, не гарантировало безопасности.

Мои попытки уверить страдалицу в том, что всё будет хорошо, тонули в потоке слез.

— Так, — я раздражённо хрустнул пальцами, — кажется, я знаю, что вам делать. Для обряда подходят только девственницы?

— Д–да…

— Ну, так… избавьтесь от этого маленького недостатка.

— Что–о? — Рыдания враз прекратились.

— По–моему, хороший способ. За помощниками при вашей внешности дело не станет…

Жизнь постоянно учит нас чему-то. Например, сегодня я узнал, что реакция у разозлённой женщины намного лучше, чем у невыспавшегося метаморфа — увернуться я не успел.

— Вот и замечательно, — потёр горящую щеку. — Такой вы нравитесь мне больше. Но молоко не помешает.

Толстяк в колпаке, судя по запаху, давно переминался под дверью. Я выглянул в коридор и забрал у него тёплую кружку.

— Вы сломали запор, — он сердито ткнул пальцем в раскуроченный косяк.

— А вы так и не поймали крысу, — отрезал я, захлопывая перед его носом дверь.

Протянул кружку притихшей девушке.

— Выпейте.

— Зачем?

Я и сам не знал, зачем. Тёплое молоко перед сном приносила мне мама. Вспомнилось.

— Так надо.

Она послушно допила всё до дна.

— А теперь ложитесь. Обещаю, кошмаров больше не будет.

— Вы такой добрый, — послышалось из вороха простыней. — Простите, я не поняла, что это вы специально так сказали, чтобы я успокоилась. У вас же ничего подобного и в мыслях не было…

— Ну, — я потянулся на стуле, — мысли у меня разные.

— Что? — приподнялась над подушкой рыжая голова.

— Спите, говорю. Спите.

Мои мысли ей точно не понравились бы. Дождавшись, пока прерывистое дыхание девушки сменится тихим ровным сопением, я открыл её сумку и достал шкатулку.

Лисанна

Остаток ночи я спокойно и не без удовольствия проспала. А с утра от моих страхов не осталось ничего, кроме стыда за устроенную истерику. Но всё же Джеду стоило ограничиться парой пощёчин — этот способ всегда срабатывает. Хотя и его метод оказался достаточно действенным, только щеки вспыхивали всякий раз, когда я вспоминала шокировавшую меня фразу.

Но когда, умывшись и одевшись, я заглянула в лежавшую у кровати сумку, кровь вновь прилила к лицу, в этот раз от злости и отчаянья.

С бешено колотившимся сердцем я кинулась в соседнюю комнату, но застала там только перестилавшую постель

горничную. Сердце оборвалось. Едва переставляя ноги я возвратилась к себе, рухнула на кровать и даже не пыталась думать о том, как теперь быть дальше…

— Вы уже встали? Я заказал завтрак.

— Вы?! — рывком поднявшись, я бросилась на стоящего в дверях оборотня. — Вы… не уехали?

— А должен был? — Джед одарил меня снисходительной улыбкой.

— Но вы же… Вы забрали шкатулку!

— Да, — не раздумывая, признался он. — Но я не отказывался от своих обязательств. Спускайтесь, завтрак ждёт.

Виктория — я несколько раз повторила про себя это имя, чтобы убедиться, что теперь меня от него не бросает в дрожь — так вот, Виктория как-то сказала, что волки хорошо чувствуют людей. Я же никак не могла раскусить одного волка. Впрочем, кусать — это тоже не моя прерогатива. Но хотелось бы знать, чего ещё от него ожидать.

А пока меня успокоило и то, что дэй Селан не собирался бросить меня в трактире.

После того, как шкатулка, открыть которую я даже не пыталась, перекочевала к метаморфу, я, как ни странно, успокоилась, и напряжение между мной и моим странным попутчиком немного схлынуло. В дороге даже отыскалось несколько нейтральных тем для разговоров. Оборотень тактично не интересовался причинами, заставившими меня покинуть Лазоревую Бухту, а я смирила любопытство и не спрашивала, какими судьбами он подался в грабители: мысль о том, что это привычное для него занятие, отогнала сразу же. Говорили о книгах, об опере, Джед вспоминал курьёзные истории из жизни столичного общества, я делилась ходившими среди магов «профессиональными» байками.

За такими разговорами время в пути летело быстрее, а сама дорога становилась намного приятнее. К третьему дню мне казалось, что я путешествую со старым, хоть и не слишком близким знакомым.

А на пятый всё закончилось. Мы приехали в Велсинг.

Экипаж остановился у калитки небольшого, стоящего особняком дома. За кованой оградой виднелась короткая, упирающаяся в крыльцо в три ступени дорожка, по обе стороны от которой красовались ухоженные цветочные клумбы. Два окна слева от входа оплетал разросшийся шиповник, а окна справа прятались за рядом стройных кипарисов.

Унго полез за багажом, но сгрузил только мой саквояж.

— Знакомьтесь, Сана, — улыбнулся Джед. — Ваш новый дом.

Вы же сказали, что вам нужно жильё. Тут остались кое–какие мои вещи, но сегодня–завтра все вывезут.

Я ошеломлённо хлопала глазами, не зная, что сказать.

— Дом оплачен до конца лета. То есть ещё месяц можете ни о чем не волноваться. Хозяйство ведёт Марта, она живёт тут поблизости. Её услуги тоже оплачены. Когда Унго приедет за вещами, привезёт вам обещанные деньги. Если опасаетесь подвоха, то могу немедля выписать чек, но не хотелось бы утруждать вас походами в банк…

— Погодите, — в волнении я забыла о сдержанности и схватила его за рукав. — Не нужно денег. И дом… Это слишком щедро.

— Позвольте мне самому решать, сколько стоит ваша помощь, — невозмутимо ответил мужчина.

Так мы и распрощались.

Тайлубиец внёс в дом мой багаж, передал ключ от входной двери и пообещал вскоре прислать ту самую Марту, что ведёт тут дела. Сказал, что приедет за вещами хозяина после обеда, а пока забрал какие-то бумаги и небольшую сумку.

— Не волнуйтесь из-за дома, дэйни, — успокаивающе улыбнулся он напоследок. — Дэй Джед всё равно не задержится в Велсинге.

Не задержится? Значит, я всё же осталась одна.

Джед

Унго велел вознице ехать к гостинице, а сам занял место в экипаже.

— Аренда дома истекает через четыре дня, — напомнил он мне.

— Знаю.

— А с Мартой мы не успели расплатиться до отъезда.

— Да, я помню. Займись этим, пожалуйста. И нужно будет сходить в банк, обналичить несколько векселей.

Тайлубиец кивнул, о чем-то задумавшись, а спустя минуту решился спросить:

— Вам понравилась девушка, дэй Джед?

— Нет. То есть, да, но дело не в этом. Просто хорошая девушка, а я впутал её не в очень хорошую историю. Теперь пытаюсь загладить вину. Думаю, оплаченного на месяц вперёд жилья и пары сотен грассов хватит для того, чтобы и дэйни Милисента, и моя совесть спали спокойно.

По лицу Унго было видно, что его не удовлетворил мой

ответ, но меня подобное решение устраивало полностью.

— Постарайся уладить всё до вечера. А я навещу Эвана и, если всё пройдёт гладко, отправлю посыльного к Лён–Леррону. С этим тоже тянуть не стоит.

— Чудесно! — воскликнул Эван, увидев шкатулку. — Неподражаемо!

— Ещё одно заклинание, которое ты не сможешь снять? — спросил я с опаской, памятуя о «браслете» на своей руке.

— Заклинание? — поморщился старик. — Пфе! Но резьба великолепна! Мастерская работа!

— Можешь оставить ларчик себе, когда достанешь его содержимое, — снисходительно объявил я.

— Как же я достану его без ключа? — озадачился маг. — Заклинаньице-то простенькое — считай, что и нет. А вот замочек…

— Тебя интересует замок или резьба? Сломай его, и дело с концом.

— Проще вывернуть петли.

— Значит, вывернем петли.

— Но тогда мы испортим ларец.

— Если нет другого выхода, мы испортим ларец, — подтвердил я, чувствуя, что терпение уже на исходе.

— И зачем мне сломанная шкатулка?

— Эван, — прорычал я с угрозой. — Открывай!

— Как скажешь, но сломанную шкатулку я не возьму, так и знай! Завёл моду расплачиваться со мной всякой рухлядью!

Спустя ещё десять минут таких же пререканий, защитные чары всё-таки были сняты, а ларец взломан.

Я высыпал на стол его содержимое, отбросил в сторону потрёпанную записную книжку, скрученный в трубочку листок гербовой бумаги, ещё какие-то документы и к своему облегчению увидел два небольших конверта. Дэй Роджер был так неосмотрителен, что гордо подписался полным именем, даже о титуле не забыл. Но чтобы убедиться в том, что подлинные не только конверты, но и письма, пришлось заглянуть внутрь, и пробежать взглядом первые строки посланий. Лишь первые — слово чести! Но и их содержания с лихвой хватило бы дэйне Авроре, ищи она повод для расторжения брака: Лён–Леррон, оказывается, был весьма красноречив в общении с дамами.

Письма я аккуратно убрал в нагрудный карман, а остальные бумаги сгрёб в сумку, в которой принёс Эвану шкатулку. Сломанный ларчик бросил туда же.

— Сколько я тебе должен за работу? — узнал я у мага.

— Какая там работа, мальчик мой! — отмахнулся он. —

Пустое!

— Как скажешь, — не стал настаивать я. Эван, несмотря на то, что жил в лачуге и наряжался в тряпьё, как мне было известно, в деньгах не нуждался, а в благодарность можно после прислать ему с Унго бутылку вина и пару жареных кур — от подобного вознаграждения старик никогда не отказывался.

— Погоди-ка, Джед, — остановил он меня уже в дверях. — Шкатулка… Она ведь тебе не нужна? Продай её мне за… За два грасса!

— Во имя Создателя, бери так! — я поставил на стол ларец.

— Нет–нет, у меня есть чем заплатить, — запротестовал чудак, выкладывая из карманов блестящие монетки. — Хотя… Она же сломана? Пусть будет не два, а полтора, а? Нет — один! Один грасс, ты согласен? Или…

Я успел сбежать до того, как стал бы ещё и должен за возможность избавиться от ненужного хлама.

Лён–Леррон назначил встречу в мужском клубе: людное, но в то же время спокойное место.

Унго, которому всё равно пришлось бы ожидать меня у входа, я решил оставить в гостинице. Пока я был у Эвана тайлубиец успел многое: побывал в банке; встретился с домовладельцем и продлил аренду; истратил запас обаяния, чтобы убедить недовольную просроченной оплатой Марту немедля приступить к обязанностям при новой хозяйке; ещё раз навестил эту самую хозяйку: собрал наши остававшиеся в съёмном жильё вещи и завёз Сане корзинку с фруктами и свежей сдобой, чтобы девушка не умерла с голоду до прихода кухарки. Иными словами, заслужил, чтобы его не беспокоили целую седмицу.

Из привезённых им вещей я отобрал белоснежную рубаху с кружевным воротником, чёрный бархатный камзол, узкие панталоны и туфли с серебряными пряжками. Не беспокоя Унго, отдал всё это гостиничной прислуге и через час получил назад, вычищенное и отутюженное. Офицерскую саблю, подумав, отложил, удовлетворившись пристёгнутым к поясу коротким кинжалом, а ещё приготовил трость, тяжёлый набалдашник которой тоже мог послужить как оружие. Нет, я не ожидал подвоха со стороны Лён–Леррона и не рассчитывал в случае чего отбиваться от десятка пришедших по мою воровскую душу гвардейцев, но вооружившись, чувствовал себя увереннее.

Велсингский мужской клуб располагался в отдельно стоявшем двухэтажном здании в центре города. Мне довелось побывать тут, ещё когда я планировал «визит» в особняк дэя Роджера. Клуб включал в себя два фехтовальных зала, защищённое магией помещение для тренировок в стрельбе,

картёжный зал, новомодную курительную для любителей вдыхать пропущенный через вино дым и ресторан, в котором помимо просторного зала было несколько отдельных кабинетов, где можно было уединиться и поговорить о делах.

Один из таких кабинетов и занял на вечер Лён–Леррон.

— Рад вас видеть, дэй Джед, — когда раздвижные двери сомкнулись за моей спиной, мужчина поднялся навстречу.

— Взаимно, — я поклонился в ответ и кивком приветствовал находившегося тут же мага.

Приятель дэя Роджера, дэй Алессандро, если не ошибаюсь, без форменной мантии превратился в добродушного толстячка средних лет: старомодный мешковатый камзол, клочок рыжей бороды, блестящая в ярком свете лысина. Его выдавал только цепкий взгляд старого сыскаря. Но, хвала Создателю, враждебности в этом взгляде я не ощущал.

Когда с приветствиями было покончено, Лён–Леррон принял у меня конверты, заглянул в каждый, и тут же, на пустой тарелке, устроил любовным посланиям маленький, но яркий погребальный костёр.

— Пусть теперь эта дрянь мне только встретится.

— Не встретится, — огорчил я горящего жаждой отмщения мужчину. — Она мертва.

Я решил, что эта новость станет хорошим довеском к возвращённым письмам, и поведал всё, что знал о смерти Виктории и о жизни — тоже. Приверженность покойной к запретным обрядам заинтересовала дэя Алессандро, а дэя Роджера, кажется, напугала. Наверное, представил себя участником тёмного ритуала. Хотя кто знает, может, он им и побывал: говорят же, что некоторые дамы тянут каким-то образом силы из своих любовников.

— Получила по заслугам, — жёстко заключил в конце моего рассказа он.

— Я тоже не прочь, — вставил я, намекая на заслуги собственные.

— Да, конечно же, — спохватился дэй Роджер. — Алессандро!

Толстячок ленго сдёрнул с моего запястья тонкую искристую нить и протянул мне какую-то бумагу.

— Это копия протокола следствия. Личность похитителя установлена нашими доблестными стражами. К сожалению, он утонул в реке через несколько дней после ограбления. Тело нашли и опознали, а вот ожерелье, вероятно, осталось где-то на дне.

А у дэя Роджера осталось два десятка мелких камней, которые теперь можно пустить в оборот, не посягая на счета

супруги. Его предприимчивость была достойна уважения — так ловко уладил и свои, и мои проблемы.

— Мы ещё о чем-то договаривались, — напомнил я.

— Я не забыл, — баронет подал мне маленькую записку. — Тут имя и адрес ювелира, которому я продал алмаз.

Имя показалось мне знакомым, а адрес удивил.

— Что за ювелир живёт в собственном загородном поместье?

— Очень хороший ювелир, — улыбнулся Лён–Леррон. — Мастер Гоше известен при дворе и не раз выполнял заказы королевской семьи. Советовал бы вам поторопиться с визитом к нему. Вдруг он предложит камень для нового украшения её величества? Ограбить королевский дворец будет непросто.

Он шутил, а меня бросило в жар: с моей удачей и не такое может случиться.

— Благодарю за совет, но с грабежами в моей жизни покончено.

Вернувшись в гостиницу, я разбудил рано лёгшего Унго и распорядился с утра взять экипаж: предстояло отправиться за несколько миль от города, в поместье Густава Гоше, королевского ювелира.

— Если повезёт, в этом городе мы не задержимся, — делился я планами с товарищем. — На годовщину свадьбы Берни я уже опоздал, но у нас есть шанс успеть к дяде Грегори.

— Я обещал дэйни Милисенте, что завтра вы её навестите, — смущённо признался он.

— Обещал? От моего имени? Раньше только отец позволял себе подобное. А потом долго возмущался, что я его подвёл.

Унго ответил укоризненным взглядом.

— Хорошо, — махнул я рукой. — Заедем с утра.

И мне не придётся оставлять в гостинице бумаги из шкатулки. Не хотелось бы, чтобы какая-нибудь любопытная горничная сунула в них свой нос раньше меня.

Сану–Милисенту наш визит не обрадовал, а скорее напугал. То ли девушка ещё не отошла от страхов, то ли приехали мы слишком рано. Марта, дебелая мужеподобная женщина, горничная, кухарка и прачка в одном лице, ещё не пришла, и дверь юная целительница открыла сама, долго пред этим вглядываясь в маленькое окошко в прихожей.

— Как устроились? — поинтересовался я.

— Спасибо, хорошо.

— Как прошла первая ночь на новом месте? Никто не беспокоил?

— Нет, но… Нет, всё хорошо.

Не знаю, что она хотела сказать этим сорвавшимся «но», но

ведь ничего не сказала, и я не стал заострять на этом внимания.

Пока Унго заваривал нам чай, я перебросился с девушкой парой фраз, узнал, что она хочет подыскать работу по специальности, мысленно ужаснулся, но посоветовал обратиться в местное благотворительное сообщество. Возможно, кому-то нужен домашний лекарь.

— Или в лечебницу, — добавил, подумав. — От услуг дипломированной магессы здешние целители не откажутся.

— Конечно–конечно, — закивала Сана и отчего-то поспешила перевести разговор на другие темы.

Таковых отыскалось не много, а значит, не было смысла затягивать визит вежливости. Я лишь дождался, пока девушка отлучится из гостиной, отодвинул из угла кадку с лимонным деревцем, подцепил отходящую от паркета дощечку и сунул свёрток с бумагами в когда-то случайно обнаруженный тайник. Бывший арендатор дома прятал там спиртное от строгой супруги: по запаху из плохо заткнутой, забытой бутылки я и отыскал схрон, который довелось использовать только теперь.

Думаю, дэйни Милисента не будет возражать, если на днях я навещу её ещё раз, чтобы проститься, навсегда покидая город.

Отъезд из Велсинга я считал делом решённым, независимо от того, чем закончится поездка к ювелиру. Тут меня ничто не задерживало, разве что мастер Гоше скажет, что уже успел перепродать камень какому-нибудь местному аристократу. Но я надеялся, что алмаз ещё не сменил хозяина.

Поместье Гоше раскинулось на живописнейших зелёных холмах милях в двадцати от города. О том, что холмы живописнейшие и так и просятся на холст, я узнал от долговязого веснушчатого парня с мольбертом, которого мы подобрали на подъезде к усадьбе. Он оказался племянником хозяина и пообещал показать дорогу, но кажется, специально объяснил кучеру окольный путь, чтобы как можно дольше разглагольствовать о местных красотах. Настроения мне это не испортило. Я от души похвалил и художества природы, и работы конопатого рисовальщика (жуткая мазня, но наляпано было с душой) и даже согласился взглянуть на другие картины, как только улажу дела с его почтённым дядюшкой. Когда подъехали к усадьбе, вдохновлённый моим обещанием юноша на радостях самолично извлёк родственника из недр дома и выволок на крыльцо.

Ювелир, пожилой сухопарый мужчина, скользнул по мне равнодушным взглядом, нацепил на длинный и веснушчатый, как у племянника, нос очки и поднёс к глазам визитку.

— Чем могу служить, дэй Селан?

— У меня к вам деликатное дело, мастер Гоше. Мне стало известно, что недавно вы приобрели алмаз, огранённый в форме сердца. Возможно, история этого камня вам не известна, но…

— Бриллиант в форме сердца, — скрипучим голосом отчеканил ювелир. — Чистый камень, без дефектов. Продан!

— Как? — я был готов к этому, но так надеялся на лучшее.

— Продан. Колье. Оправа из белого золота, три ряда камней, бриллианты и сапфиры.

— Кто покупатель? — я схватил человека за руку, но тут же отпустил, наткнувшись на недовольный взгляд.

— Маркиз Ликон.

— Где я могу его найти?

— В дворянских списках, — отрезал мастер, развернулся на каблуках и, не прощаясь, пошёл к ведущей в дом двери.

В город мы вернулись уже затемно. После очередной неудачи мне хотелось одного — скорее добраться до постели. Унго пошёл, чтобы заказать поздний ужин, а я поднялся в номер, взял у сопровождавшего меня лакея канделябр с зажжёнными свечами, отворил дверь и ужаснулся открывшейся с порога картине.

— Хозяина сюда! Немедля!

В комнате всё было перевёрнуто вверх дном. Явившийся управляющий ничего не смог объяснить по этому поводу и послал за стражей, а мне предложил составить опись украденного. Очевидно, подобное в этом приличном на первый взгляд заведении случалось не раз, и как себя вести служащие знали.

Может, я и забыл о чем-то, но вроде бы ничего из вещей не пропало. А вот непоправимо испорчено было многое. У всех камзолов, плаща и куртки вспороли подкладку. Изрезали две пары сапог. Кожаный саквояж чуть ли не на ленты покромсали. Поймал бы вредителя, тоже на лоскутки порвал бы! Но, как ни странно, я не чувствовал в комнате посторонних запахов. Только свой, Унго и свежий — пришедших на мой зов людей. Даже горничная в наше отсутствие, похоже, не заходила. Ничего не оставалось, как дожидаться прихода блюстителей порядка и надеяться, что они внесут в это дело ясность.

Но вместо городских стражников явились гвардейцы и укутанный в коричневую мантию маг–дознаватель. Приглядевшись, я узнал дэя Алессандро.

— Здравствуйте, дэй Селан, — приветствовал он меня сухо. — Вам придётся пройти с нами.

— Это арест? — заподозрил я по его тону и на всякий случай убрал за спину руки. — На каком основании? Обвините меня в порче моего же имущества?

— На дэя Роджера напали минувшей ночью. И мне кажется,

вы к этому причастны.

— Минувшей ночью, дражайший, я был здесь, и тому есть свидетели.

— Я имею в виду причастность иного рода, — произнёс маг вкрадчиво. — Дэй Лён–Леррон очень плох, рядом с ним неотлучно находится целитель, но мой добрый друг несколько раз приходил в сознание, чтобы сказать несколько слов. Знаете, что это были за слова? «Виктория», «бумаги», «оборотень».

Да пусть теперь что угодно говорит!

— Может, он хотел рассказать, — начал я тихо, чтобы гвардейцы не услышали, — как нанял некоего оборотня, чтобы забрать кое–какие бумаги у женщины по имени Виктория? Я могу повторить эту историю перед судьёй, если хотите.

— Будете заявлять об ограблении? — спросил толстяк, поразмыслив над моим предложением.

— Нет.

Всё равно ничего не пропало.

Но налёт на номер в свете известия о нападении на Лён–Леррона уже не выглядел выходкой умалишённого. Кто-то что-то искал. И я догадывался, что.

Меня отследили от Лазоревой Бухты, узнали о моей встрече с баронетом. Почему наведались сначала к нему, а не ко мне? Верно, сочли меня лишь наёмником на службе у знатного дэя, а к нему, как к заказчику, пришли за украденными документами. Но каким образом меня связали с бумагами Виктории?

— Сана! — Хоть я и был сейчас в человеческом облике, явственно ощутил, как шерсть вдоль хребта встала дыбом от нехорошего предчувствия.

— Что вы сказали? — переспросил дэй дознаватель.

— Чтобы вы проваливали из моего номера, если не можете предъявить вразумительных обвинений! — рявкнул я.

Посох Создателя, как же это всё не вовремя! Мне нужно искать камень, а я отвлекаюсь не пойми на что!

Но, похоже, я втянул бедную лекарку в историю куда более неприятную, чем казалось на первый взгляд.

Глава 8

Лисанна

Экипаж неспешно катит по пыльной просёлочной дороге, за окнами колыхаются золотые волны пшеничного моря, солнце пробивается внутрь сквозь плохо задёрнутые занавески и отражается десятками мелких искорок в бриллиантовой серёжке сидящего напротив мужчины. Кажется, я потеряла нить разговора, засмотревшись на эту блестящую капельку. О чем он меня спрашивал?

— Лисанна, вы меня слышите?

Голос чужой, незнакомый. С трудом разлепляю отяжелевшие веки, чтобы увидеть склонившуюся ко мне тень.

— Лисанна!

Экипаж и поля за окнами исчезли, осталось только плавное покачивание и солнечные блики в глазах, мешающие рассмотреть стоящего рядом человека.

— Отличная сопротивляемость, — в голосе слышится удовлетворение старого наставника, — но вы всё равно сломаетесь, дэйни. У вас — только дар, у меня — и дар, и опыт.

Опускаю взгляд и вижу ногу в полосатом чулке, выглядывающую из-под задравшейся юбки. Стоптанная туфля с квадратным каблуком лежит рядом. Память постепенно возвращается…

Марта пришла в тот же день, что я поселилась в этом доме. Высокая, ширококостная, некрасивая, с громким грубым голосом. Но внешность обманчива, а в душе она была очень доброй — я это сразу поняла. Женщина с ходу взялась что-то готовить, собрала в стирку мои дорожные вещи, перестелила постель. Она посоветовала мне приличную лавку готового платья, где я купила одежду на первое время, и дала адрес хорошей портнихи, недорого бравшей за свои услуги.

Жаль только на ночь Марта не осталась в доме, мне было бы спокойнее знать, что я не одна. А так долго не получалось уснуть в чужой, незнакомой комнате. Поэтому когда на следующее утро заехал Джед, чтобы узнать, как у меня дела, тяжело было сказать однозначно, что всё хорошо: вроде бы и не плохо, но… Жаловаться я не стала. Сама же решила не возвращаться домой, значит, теперь нужно учиться жить самостоятельно. Привыкать к новому городу, к новому дому, искать новую работу, чтобы достойно продержаться до двадцатилетия.

Я собиралась воспользоваться советом метаморфа и наведаться в местное собрание дам–попечительниц, надеясь, что их удовлетворят рекомендации, выписанные на имя Милисенты Элмони, и не придётся предъявлять собственных документов. Ведь никакого диплома у меня и в помине не было, и даже выписку об обучении, о которой отец договорился с дэйной Алаиссой, я из пансиона не забрала.

Марта объяснила мне, где собирается Велсингское благотворительное общество, учредительницы которого ведали приютами и лечебницами, а также могли подсказать, кто из горожан нуждается в домашнем целителе, но сразу туда не отпустила, настояла, чтобы я дождалась, пока будет готов обед.

— Кушать вам нужно, дэйни, — сокрушалась она хриплым басом. — А то вон какая худенькая, бледненькая. Не ровен час, ветром сдует.

Спорить с доброй женщиной я не стала.

А стоило бы. Может быть, тогда Марта сейчас была бы жива, а не лежала бы в проходе у двери в гостиную…

Всё случилось так быстро, что я мало что поняла. Кто-то позвонил в дверь. Помню, я ещё подумала, что, возможно, это Джед, хоть он и обещал зайти только завтра, а то и послезавтра. Марта пошла открывать, а я бросилась к зеркалу: накануне удалось наконец-то воспользоваться купленным ещё в Лазоревой Бухте средством и подкрасить отросшие волосы, отчего они вдруг стали ещё и кудрявиться, точнее — лохматиться, никак не желая лежать ровно. Спешно зачёсывая и подкалывая непослушные пряди, я услыхала незнакомый мужской голос, потом — возмущённый басок Марты, а через миг по коже прошёл неприятный холодок: кто-то использовал дар, незнакомые и опасные чары. Что-то тяжело ударилось о пол, и, отбросив щётку, я выбежала из комнаты и чуть было не споткнулась о распростёртое в коридоре тело.

Дальше — холодный туман. Боль и чужая сила, пытающаяся подавить моё сознание, выжать из памяти что-то, чего там никогда и не было…

Я потеряла счёт времени. Когда этот странный и страшный человек пришёл, был ещё день, теперь сквозь оконные шторы я видела лишь темноту.

— Всё, что мне нужно от вас, Лисанна, это честные ответы на мои вопросы.

Меня не удивило, что он знает моё имя. Наша встреча началась с парализующего заклятия, и я не знаю, сколько времени пробыла без сознания, но этого наверняка хватило, чтобы обыскать здесь всё и найти документы. Сейчас мои бумаги лежат

перед ним на маленьком чайном столике рядом с исходящей паром чашкой и блюдцем с печеньями, которые с утра принесла Марта.

— Ну же, дэйни. Давайте, я помогу вам вспомнить.

Сознание всё ещё затянуто дымкой дурманящих чар, и я давно его не контролирую, и уж тем более не пытаюсь что-либо скрыть. Но он не верит.

— Вспоминайте, Лисанна, вспоминайте. Вы приехали в Лазоревую Бухту по фальшивым документам, познакомились с Викторией Солсэти, втёрлись к ней в доверие…

— Нет, всё было не так.

В сотый или уже в тысячный раз я повторяю свою историю. В сотый или тысячный раз маг смеётся в ответ.

— Рано или поздно вы сломаетесь. Моё терпение не бесконечно, и не все мои методы настолько приятны.

В подтверждение своих слов он взмахивает рукой. Сквозь застлавший глаза туман, я вижу тонкие пальцы музыканта, сплетающиеся в какой-то знак, и в спину впиваются раскалённые иглы, заставляя выгнуться дугой от боли. Хочется кричать, но из горла вырывается лишь слабый стон.

— Я приберегу это на потом, дэйни. Время пока есть — ваш приятель уехал из города, я не успел его перехватить. Но он вернётся. А мы пока поговорим, и о нём — тоже.

Гул в ушах заглушает его слова, но через время до меня начинает доходить их смысл:

- …Джед Селан, так он представляется. Ваш сообщник, друг, любовник… Мне не интересны ваши отношения. Я только знаю, что после того, как он убил Викторию Солсети, вы, Лисанна, пошли в её комнату и выкрали шкатулку с документами. А затем вместе с дэем Селаном покинули Лазоревую Бухту…

Как гладко он всё рассказывает. Всё так правильно, так логично… Только было совсем не так. Но мне не подобрать слов, чтобы убедить его в этом.

— Хватит игр, Лисанна. У меня мало времени, ещё приятеля вашего искать… Разве только вы скажете, что бумаги не у него.

Но сказать я ничего не могу: маг не рассчитал сил, и за короткой вспышкой боли следует приятное забытьё…

…Экипаж, просёлочная дорога, негромкий скрип рессор и блестящая капелька–серёжка.

Солнце слепит глаза. Закрываю их и засыпаю, убаюканная мерным покачиванием. Вот бы проспать так всю дорогу, долго–долго… Но что-то мешает. Сначала толкает в плечо, потом тычется в щеку… Что-то тёплое и влажное…

Открываю глаза и вижу бриллиантовую капельку на серой шерсти треугольного волчьего уха…

По мере приближения к дому, где теперь жила Милисента, ощущение тревоги усиливалось. Велев кучеру остановить экипаж за полквартала и оставив Унго дожидаться внутри, я неспешно прошёл по улице, по которой ещё прогуливались, невзирая на поздний час, обитатели близлежащих домов, вошёл в калитку и поднялся на крыльцо. Потянулся к звонку, но так и застыл с поднятой рукой: из дома пахло магией. И смертью.

Быстрым шагом я вернулся в экипаж и сделал кучеру знак отъехать. Неважно, куда, лишь бы подальше.

— Не нравится мне это, дэй Джед, — нахмурился, выслушав меня, Унго. — Может, стоит заявить властям?

— И что мы им скажем? Если внутри те же люди, что обыскивали наш номер и напали на Лён–Леррона, к приходу стражи в доме не останется никаких следов. Возможно, вообще ничего и никого не останется. Нет, поступим иначе.

Кто бы ни скрывался там, внутри, ему нужны были документы из шкатулки Виктории. А всё, что он мог узнать от Саны, это то, что бумаги у меня. Значит, есть шанс выманить неизвестных (или хотя бы часть их) из дома. Записка, в которой я назначаю Милисенте встречу на главной площади, как нельзя лучше подойдёт для этих целей.

Подманив из окошка одного из мальчишек, денно и нощно околачивающихся у почты, я вручил ему сложенный вчетверо листок и пару мелких монет и назвал адрес. А сам велел вознице объехать вокруг квартала и остановиться у живой изгороди, окружавшей небольшой заброшенный домик. Дальнейший путь был мне известен: пока мы жили в съёмном доме, готовясь навестить особняк Лён–Леррона, я несколько раз выходил по ночам на прогулку. В Вестолии действовал закон «Об облике», согласно которому метаморфам запрещалось появляться на городских улицах в звериной ипостаси. Но штраф в несколько грассов — мелочи в сравнении с другими ожидаемыми сложностями.

— Позвольте мне тоже пойти, дэй Джед, — попросил мой темнокожий друг.

— Нет. Оставайся тут. Если я не появлюсь в течение часа, обращайся в городскую стражу. Но я вернусь, обещаю.

Раскачивающийся, подпрыгивающий на рессорах экипаж, наверное, странно смотрелся со стороны, но сменить облик в столь ограниченном пространстве — дело нелёгкое. Наконец Унго приоткрыл дверцу, и я нырнул в знакомый просвет в кустах.

Перебежками, прячась в тени деревьев и оград, перепрыгивая

сливные канавы и пугая дворовых собак, я добрался до заднего хода нужного дома. Я знал, что эта дверь давно заколочена, но другая, расположенная внутри, рядом с кухней, и ведущая в подвал, даже не запирается. А снаружи в подвал можно было попасть через заранее выбитое окошко. Именно так я и гулял когда-то, чтобы не тревожить отлучками Унго. Втиснувшись в узкий проем, я оказался в пыльном подполье. Осторожно, чтобы не задеть что-нибудь из валяющегося тут хлама, дошёл до лестницы и, положив морду на лапы, стал ждать.

Уличный сорванец бегал быстро, и вскоре после того как я пробрался в дом, зазвенел звонок. Над головой раздались неторопливые шаги — кто-то вышел в прихожую. Скрипнула входная дверь. Разговора я не разобрал, но догадывался о его содержании: кто передал записку, когда, как он выглядел. Сейчас, получивший послание человек, обсудит это с сообщниками… Но нет — дверь закрылась, я слышал, как мальчишка сбежал с крыльца, а неизвестный вернулся в комнату, не проронив ни слова. Неужели мне повезло, и он всего один? Определить, так ли это, по запаху не получалось. Вокруг пахло смертью и опасностью, а ещё — магией, и эти ароматы перекрывали для меня все остальные. Оставалось только рискнуть.

Я терпеливо выжидал, пока мужчина наверху, меряя шагами гостиную, примет решение. В конце концов он определился, пробормотал что-то и направился к выходу. Хлопнула дверь, провернулся в замке ключ, зашуршал под ногами чужака гравий дорожки.

Переждав ещё минуту–две, я поднялся по лестнице и толкнул лбом дверь. Выглянул в коридор, и взгляд наткнулся на посеревшее лицо Марты. Глаза женщины покрылись мутной плёнкой, из открытого рта вывалился чёрный язык. Из горла мимо воли вырвался сдавленный рык: её-то за что?

Бесшумно ступая, я заглянул в кухню — никого. Перешагнул труп и зашёл в гостиную.

Сана полулежала в кресле безвольной куклой, и сразу мне показалось, что она тоже мертва. Но, хвала Создателю, я ошибся. Девушка дышала. Она не была связана, и чтобы увести её отсюда, мне нужно было всего лишь привести её в чувства. В людском обличии я бы похлопал её по щекам, сейчас же толкнул мордой в плечо. Лекарка заворочалась, приоткрыла и снова сомкнула веки. Толкнул опять, а потом, опершись лапами о подлокотник, дотянулся носом до её лица и лизнул щеку. Девушка открыла глаза, скользнула по мне рассеянным взглядом и улыбнулась.

— Соба–ачка… — протянула она сонно.

Здоровенного северного волка даже ребёнок не назовёт

собачкой, но спасибо, хоть не «кошечка».

— Сана, это я, Джед, — в звериной ипостаси речь давалась с трудом.

— Джед, — повторила она тем же смоленным голоском. — Разбуди меня, когда приедем.

— Приехали! — громко прорычал я ей в ухо, но рыжая целительница ответила мне глуповатой улыбкой и вновь погрузилась в сон.

Что ж, увести её не получится. Придётся уносить.

Переменив облик, я громко ругнулся: и зачем я поторопил Унго забрать отсюда мои вещи? И почему не подумал сказать, чтобы он подогнал экипаж к входу? Представил себя бегущим огородами, голым со спящей девушкой на руках. Нет, такой радости я горожанам не доставлю. Обёрнутая вокруг бёдер скатерть тоже не бог весть какая одежда, но хотя бы Милисенту смущать не буду. Только прежде чем её смутить, её нужно было разбудить. А пока я оставил девушку в кресле и полез в тайник. Что бы ни было в этих бумагах, убийце и мучителю я их не оставлю. Просто назло не оставлю. Лучше сожгу. Но сначала разберусь, из-за чего столько проблем.

Карманы в моем импровизированном наряде отсутствовали. Оглядевшись, я увидел сумку Саны, в которой лекарка носила снадобья, перекинул ремень через плечо и сунул к баночкам и бутылочкам бумаги Виктории. Ещё какие-то документы лежали на столике рядом с пустой чашкой. Верхним оказалось письмо–характеристика выпускницы негосударственного учебного заведения города Райнэ Милисенты Элмони, и я, не раздумывая, прихватил и их.

— Сана, — опять потормошил я девушку. — Очнитесь, нужно уходить.

Тщетно.

Подхватив даже не открывшую глаз целительницу на руки, я развернулся к выходу, и от неожиданности чуть не уронил девушку на пол: в дверях стоял закутанный в чёрный плащ человек.

— Далеко собрались, дэй Селан? — насмешливо прошелестел он из-под скрывающей лицо маски.

Отвечать я не стал, и дальше действовал скорее инстинктивно, нежели осмысленно: ногой поддел попавшийся на дороге стул и пнул его в загородившего проход мужчину. А когда тот отшатнулся, бросился к двери, захлопнул её, и, удерживая Сану одной рукой, подтянул кресло и подпёр им дубовые створки.

— Решили уединиться с девушкой? — рассмеялся из коридора маг.

Только после этих слов я понял, как глупо было запираться от него в гостиной. Правда, оставались ещё окна. Но стоило мне подумать об этом, как от занавешенных полупрозрачной тканью рам дохнуло лиловым пламенем.

— Хорошая была уловка с запиской, — продолжал глумиться незнакомец. — У вас даже получилось бы. Если бы только я не почувствовал пробравшегося в дом волка. Вернулись за подругой? Или… — голос, напоминающий шуршание книжных страниц, сделался вкрадчивым, — вы забыли тут что-то ещё? Что-то, что меня очень и очень интересует — например, некие бумаги?

Девушка на моих руках пришла в себя и испуганно ойкнула. Я опустил её на пол, но Сана, оглядевшись и узнав меня, тихо всхлипнув, бросилась мне на шею. Я успокаивающе погладил её по спине.

— Так бумаги у вас, дэй Джед? Отдайте их, и я просто уйду и оставлю вас в покое.

— Не оставит, — зашептала мне в ухо Милисента. — Он Марту убил. И нас убьёт.

В моей голове вертелись те же мысли. Зачем ему лишние свидетели? Хотя пощадил же он Лён–Леррона? Или не добил?

Дверь вздрогнула от сильного удара, заставив нас отшатнуться к центру комнаты, а от окон шёл магический огонь. Если маг и не спешил прибегнуть к решительным действиям, то, наверное, лишь потому, что боялся повредить документы.

— Бумаги! — дверь сотряс новый удар. — Выхода у вас всё равно нет.

— Ошибаетесь, милейший, — нарочито дерзко ответил я. — На родине моего друга–тайлубийца ходит поговорка, что даже у человека, которого съел лев, есть два выхода.

— Но будет ли тот человек доволен хоть одним из них? — хохотнули из коридора. — Оставьте ваши шуточки, дэй Джед, поговорим серьёзно. Отдайте бумаги, и я вас выпущу. Другого выхода нет.

— Выход есть всегда, — повторил я упрямо. — Тем более, у волка.

Это в каждом из нас, в нашей крови. Главное — верить. И я верил, не в дар предка, а в дар Улы — нэна меня никогда не обманывала. Обняв одной рукой Милисенту, второй зажал висевший на шее кусочек дерева: когда, как не сейчас?

Дверь разлетелась в мелкие щепки, пропуская кипящего от злобы человека. Он поднял руку, намереваясь атаковать нас каким-то заклинанием, но было поздно. Я уже слышал древнюю песнь шаманов, чувствовал запах сосен…

— Что это? — испуганно прошептала Сана, пытаясь

вырваться из захватившего нас зеленого вихря.

— Закрой глаза, если боишься, — сказал я, прижимая к себе девушку, и отвернулся, чтобы она не видела, что я и сам зажмурился. — Закрой глаза и слушай песню.

Стучит бубён, звенят струны, тихо и нежно вступает свирель. Голоса людей сплетаются с зазывным воем стаи. Услышьте, Горы! Узри, Небо! Узнай, великий Снежный Волк, твой сын идёт по Тропе! Когда нет другого выхода, волк возвращается домой…

Пьянящее чувство абсолютной свободы прошло, стоило свалиться на землю и приложиться головой о как будто специально брошенный тут камень. После этого песня стихла, и в ушах зазвенело. Оказавшаяся сверху девушка не добавила радости, сначала больно ткнув меня локтем под ребра, а затем стукнув лбом в челюсть. К счастью, скромность не позволила Милисенте разлеживаться на полуголом мужчине дольше нескольких секунд, она проворно откатилась в сторону, и я смог набрать полную грудь свежего горного воздуха. Жизнь сразу же показалась несказанно прекрасней.

— Ух–ха! — я рывком вскочил на ноги, и лекарская сумка на моем плече весело звякнула. — Получилось! У меня получилось!

Боль в ушибленном при падении колене не помешала мне исполнить нечто наподобие ритуального танца аборигенов южных островов, и то, как это действо выглядит со стороны, меня не смущало. Тем паче, что единственной свидетельнице этого представления сейчас было не до меня. Сана сидела на земле, в длинных растрепавшихся волосах запуталась прошлогодняя хвоя, а взгляд целительницы выражал полнейшее недоумение.

— Мне… — она растерянно огляделась. — Мне нужна моя сумка!

Очевидно, сумка была для неё единственной связью с реальностью, и я отдал её без споров.

Девушка недолго звенела склянками, достала какую-то бутылку, быстро откупорила и сделала несколько больших глотков.

— Эй, полегче с… этим…

Я отобрал у лекарки бутылку, понюхал и сам отхлебнул горькой спиртовой настойки.

— Это растирка, — отрешённо сообщила Сана. — Для больных суставов.

— Отлично, — я присел рядом с ней и отпил ещё немного. — У меня как раз всё болит.

Девушка посмотрела на меня, на ясное звёздное небо над нашими головами, на виднеющиеся в просвете между высоченных

сосен заснеженные горные пики, и неожиданно ущипнула меня за плечо.

— Ай! Ты чего?! — возмутился я.

— Хотела убедиться, что это не сон.

— Для этого обычно себя щипают.

— Себя — больно, — ответила она, насупившись.

Я отдал ей бутылку, позволил сделать ещё глоточек, опять забрал чудодейственное средство от боли в суставах (колено действительно отпустило) и осторожно начал:

— Это не сон. Это… Слышала про Волчьи Тропы?

Лисанна

О Волчьих Тропах я слышала. Это входило в обязательный курс. Классическая магия и шаманизм, сходство и отличия. Отличий было больше. Маги в своих трудах пренебрежительно отзывались о шаманах метаморфов, ссылаясь на то, что единственный дар, которым те обладали, это способность выпрашивать милости у духов природы, тогда как сами маги могли всё, что им нужно, брать без спроса. И за это уже шаманы недолюбливали людских чародеев, упрекали в том, что они нарушают уклад нашего мира. Но подобные споры не мешали многолетнему сотрудничеству. В частности в сфере пространственных перемещений. У магов были телепортационные заклинания, энергоёмкие, с множеством рисков и побочных явлений, как для применяющего их чародея, так и для окружающих по обе стороны прохода. У шаманов метаморфов — Тропы, явление, которое людям так и не удалось понять до конца. В то время как человеческие волшебники рвали и перекраивали ткань пространства, шаманы по своему обыкновению взывали к духам предков и природным силам, и те открывали для них проходы, стабильные и безопасные, да ещё и не поддающиеся магическому поиску. Именно поэтому правящая семья давно отказалась от услуг магов–телепортеров, обратившись к помощи шаманов…

— Сана!

Голос Джеда заставил меня встряхнуться. Наверное, чары, которые использовал ворвавшийся ко мне маг, чтобы заставить вспомнить и говорить правду, разрушились ещё не до конца, и потому страницы книг и отрывки учебных лекций с такой чёткостью всплыли в памяти.

— Да–да, Тропы, — я попыталась забрать у него бутылку с настойкой. Никогда прежде не использовала спиртное в качестве

успокоительного, но мне понравилось приятное тепло, от одного глотка разливавшееся по желудку, а затем и по всему телу. — Рассказывай.

— А что рассказывать? — оборотень обеими руками вцепился в бутылку и отдавать мне её не желал. — Мы прошли по тропе. Представляешь?

— Представляю, — я уныло смотрела, как остатки жидкости с бульканьем отправились в ненасытную волчью пасть. — Ты шаман, да?

— Кто? Я?

Самой в это не верилось. Да и на языке, уже немного заплетавшемся от выпитого, вертелся другой вопрос: хотелось бы знать, почему на нём из одежды только кусок белой тряпки, расшитой по канту маками и колокольчиками. Где-то я её уже видела…

— Нет, я не шаман. Тропу может отыскать любой волк.

— Ну да, конечно, — я зевнула. — Волки они такие. Ходят этими своими тропами, где захотят. Детей пугают…

— Каких детей? — опешил Джед.

— Мне бабушка в детстве рассказывала. Говорила, что если я буду себя плохо вести, придёт серенький волчок и укусит…

— Укусит?

— Да, — зевнула я снова. — За бочок.

— Сана, — мужчина встряхнул меня за плечи. — Ты как себя чувствуешь?

— Спать хочется, — призналась я, укладываясь прямо на землю.

Земля тут почему-то была мягкая–мягкая, хоть и холодная.

— Нельзя здесь спать, замёрзнешь, — непонятно с кем продолжал беседовать Джед. — Нужно хотя бы костёр разложить…

— Угу, — согласилась я: с костром будет теплее.

— У тебя в сумке есть спички? Или кремень?

— На! — я протянула ему огонёк на ладони — даже ярмарочные фокусники так могут, что уже говорить о почти дипломированной магессе.

А теперь — спать…

Джед

Сана подала мне яркий лепесточек, и пока я оглядывался в поисках какой-нибудь веточки, на которую можно было бы «пересадить» огонёк, девушка уже уснула, а пламя соскочило с её

ладошки на землю. Не тратя времени, я набросал сверху прошлогодней хвои, а там нашлись и ветки.

У костра было теплее, хоть вряд ли мгновенно отключившаяся лекарка почувствовала разницу. Она даже не заворочалась, когда я оттащил её подальше от огня и попытался уложить поудобнее: сказывались усталость и переживания последнего дня. Я и сам был не в себе: события разворачивались слишком быстро и слишком странно. Неудачный визит к ювелиру, разорённый номер, маг в маске и наконец — Тропа. Меня охватило ощущение нереальности, но болезненный щипок и горечь травяного настоя помогли убедиться в том, что это не сон. Сердце бешено колотилось, руки немного подрагивали, голова готова была взорваться от избытка накопившихся в ней вопросов. Во что я влез? Что будет теперь?

За сотни миль от Ро–Андира остался убийца и до сих пор ждёт моего возвращения Унго. Ещё немного, и он обратится в городскую стражу, а когда в доме никого не найдут, ему останется лишь сообщить о моем исчезновении отцу. Что он скажет? Когда-то Унго поклялся хранить в тайне то, что я открыл ему об алмазе, и я верил, что клятву он сдержит. Не станет он рассказывать и о попытке ограбления Лён–Леррона, и о моих приключениях в Лазоревой Бухте: это не сделает мне чести, а тайлубиец всегда заботился и о моей репутации, и о спокойствии моего родителя. Так что, скорее всего, он выложит лишь факты. Вошёл и не вышел. Возможно, среди дознавателей найдётся соплеменник–метаморф и сумеет почувствовать, что мы с Саной ушли по Тропе. Тогда Унго не станет сообщать отцу, а будет дожидаться вестей от меня…

Собравшись с силами, я прогнал сумбурные мысли, заставив себя сконцентрироваться на проблемах насущных. Ночи в горах холодные, и мне удобнее было бы переменить облик — в шерсти всё же теплее, чем в скатёрке на голое тело. Но тогда не получилось бы поддерживать огонь, а это грозило Милисенте простудой, а то и чем похуже, если она после возьмётся сама себя лечить. Потому я насобирал ещё хвороста, присел рядом с целительницей и, не ломая больше голову безрезультатными размышлениями, погрузился в чуткий полусон — умение, свойственное волкам и метаморфам и доведённое мною до совершенства в ночных караулах во время службы в гвардии.

Когда небо на востоке посветлело, я встряхнулся, подбросил в огонь сухих веток и, отойдя от спящей девушки, всё же перекинулся: отдохнуть мы вроде бы отдохнули, а теперь нужно было подумать и о еде. Правда, мысль об охоте отбросил сразу: я не сомневался, что мне удалось бы загнать какую-нибудь мелкую

дичь, но освежевать тушку без ножа и приготовить мясо так, чтобы оно не вызвало отвращения у моей юной спутницы, мне вряд ли удалось бы. Сам я в звериной ипостаси не побрезговал бы и сырым мясом, но из солидарности с лекаркой решил потерпеть и поискать другую пищу. Потому я лишь взбодрился, волком пробежав по росе, окончательно согрелся и проснулся, вновь вернулся к людскому облику, обвязался, уже почти привычно, скатертью и пошёл к запримеченной во время пробежки черничной полянке — не самая сытная пища, но для завтрака сойдёт, а обедать я рассчитывал уже в посёлке.

Набрал пригоршню ягод и медленно с наслаждением разжевал, вспоминая их вкус — вкус детства. Такая черника только тут: вызревшая под северным солнцем, льющим свет сквозь высокие кроны сосен, впитавшая воздух гор и силу земли Снежного Волка. Ещё одна горсточка темно–синих бусин, и ещё одна — я готов был до заката обирать низкорослые кустики, забыв обо всем на свете. А если б ещё и грибов набрать! Белых уже сто лет не ел… Вспомнив о спящей неподалёку девушке, я мысленно отвесил подзатыльник не ко времени проснувшемуся мальчишке, как селянка в подол, набрал ягод в отворот своей юбки–скатерти, донёс их к Сане и аккуратно ссыпал на траву рядом с целительницей. После вернулся на полянку и собрал небольшой букетик из стебельков с мелкими светло–зелёными листиками.

Девушка и не думала просыпаться, а мне жаль было её будить. Чтобы дать ей ещё немного отдохнуть и самому в это время не покуситься на неприкосновенность черничной горки, решил просмотреть злополучные бумаги. Сейчас я был не в том состоянии, чтобы вдумчиво оценивать какую-либо информацию, но полностью игнорировать источник всех бед было бы странно. Да и вдруг ответ лежит на поверхности и хватит прочесть несколько слов, чтобы во всем разобраться и решить, как быть дальше.

Пошарив в сумке, я достал стопку листов, но это оказались бумаги не из шкатулки, а те, что я прихватил со стола — по всему, документы моей спутницы. Оттягивая знакомство с тайнами покойной дэйны Виктории, я проглядел их. Письмо–характеристика расписывало дэйни Милисенту Элмони как прилежную ученицу, показавшую отличные результаты в теории и практике, и я не удержался от смешка, вспомнив уксус и масло. Следующий документ заставил меня недоуменно нахмуриться. Это была нотариально заверенная доверенность: Милисента Элмони перепоручала выполнение работ по договору найма некой Лисанне Дманевской. Это имя было мне откуда-то знакомо,

а сама доверенность была составлена неверно и не имела юридической силы — в прилагаемом тут же договоре найма чётко значилось имя Элмони, и передача обязанностей третьему лицу в условиях не оговаривалась. Прохвост–нотариус должен был знать, что доверенность на выполнение работ по такому договору будет незаконной. Но Милисента, видимо, тоже об этом узнала, раз уж поехала к баронессе Солсети лично. Очередной развёрнутый лист подверг предыдущую мысль сомнениям — паспорт на имя Лисанны Дманевской. Зачем Милисенте чужой паспорт? Тем более, что путешествовать по нему она вряд ли сможет: в документе помимо имени и возраста имелось подробное описание дэйни Лисанны. Рост, сложение, цвет глаз, цвет волос. За исключением последнего всё перечисленное соответствовало и самой Сане…

Сана! Вдруг всё встало на свои места. Сана — Лисанна, но уж никак не Милисента. Я вспомнил, как она, смущаясь и путаясь, пыталась пояснить подобное сокращение имени. И это её бегство из Лазоревой Бухты: поняла, что в ходе следствия станет известно, кто она на самом деле, и решила сохранить свой секрет, обменяв его на чужой. Стало быть, передо мной не Милисента Элмони, а Лисанна Дманевская… Помоги Создатель, где я слышал это имя? Или не Лисанна? В паспорте значились светлые волосы, а у спящей девушки они рыжие. Хотя для женщины сменить масть — сущий пустяк. Знаю по кузине Бернадетт, за неполные тридцать лет успевшей побывать и блондинкой, и брюнеткой, да и рыжей тоже.

Чтобы проверить догадку я присел рядом с лекаркой и осторожно провёл рукой по спутавшимся огненным прядям. Волосы были рыжими от самых корней. Но на коже головы виднелись мелкие коричневатые пятнышки: может, естественные веснушки, а может, следы недавней окраски. Любопытство не отпускало, и я притянул ко рту и легонько погрыз длинный локон, пытаясь определить краситель на вкус.

— Если решил её съесть, начинать лучше с шеи, — раздался за спиной насмешливый голос.

— А я бы предпочёл бедрышко, — подхватил второй.

Они подошли с подветренной стороны, чтобы я не почуял их заранее, но сейчас я уже отчётливо слышал чужой запах и, ещё до того как обернулся, знал, кого увижу. Волки, двое, один старше меня, другой — младше. Родственники. Это определил, уже всмотревшись в похожие широкоскулые лица с раскосыми тёмными глазами и одинаково ухмыляющимися тонкогубыми ртами. Для отца и сына разница в возрасте невелика, значит, братья. Одеты они были в традиционные наряды стайников:

длинные рубахи из домотканого полотна, свободные штаны, на ногах легкоступы из сыромятной кожи. Но подпоясаны мужчина были зелёными кушаками, а это, как я помнил, цвет младших семей, — значит, особо церемониться не стоит.

— Приветствую вас, братья, — сказал я негромко, чтобы не потревожить Сану.

Новоприбывшим было сложней: по расшитой цветочками скатёрке определить моё место в иерархии стаи им не удалось, и парни не знали, какой взять тон.

— И тебе здравствовать, брат, — поклонился младший из волков.

— Как вы обошли кордоны? — строго, но без враждебности спросил старший.

— Мы пришли по Тропе, — ответил я честно.

— Ула так и сказала, — младший смотрел на меня со смесью удивления, недоверия и уважения.

— Она вас послала? — спросил я.

— Да.

— Вы быстро подоспели.

— Да мы особо не торопились, — усмехнулся старший. — До Верхнего Селения рукой подать. Но тебе должно быть, приятнее спать на земле, чем в тёплой постели.

— Я сам решаю, где мне спать.

Голос непроизвольно сорвался на рык, но оно и правильно. Здесь не столичный салон, где можно часами соревноваться в остроумии, а я — не тот волк, над которым стоит подтрунивать.

— Ждал, пока твоя женщина отдохнёт? — примирительно предположил младший. — Но лучше ей будет отоспаться в доме и после сытной трапезы.

С этим глупо было спорить.

Я несильно потряс Сану за плечо. Девушка открыла глаза и испуганно подскочила, очевидно, за время сна забыв всё, что с ней приключилось. Но нескольких секунд хватило, чтобы она всё вспомнила и сориентировалась.

— Это — друзья, — предупредил я её страхи по поводу незнакомцев. — Они проводят нас в посёлок.

Но пошли не сразу: Сана заметила чернику, и следующие минут пять горцы–метаморфа с удивлением наблюдали, как слегка потрёпанная, но всё же достаточно элегантная городская девица жадно запихивает в рот пригоршни ягод и жуёт, громко чавкая и одновременно мурча от удовольствия.

Глава 9

Лисанна

Метаморфы выглядели точь–в–точь как на картинке в книге, которую я когда-то читала. Такая же одежда, украшенная замысловатой вышивкой, такие же лица: резкие, хищные черты, настораживающие, несмотря на радушные улыбки. Но Джед назвал их друзьями, и этого мне было достаточно.

Тревога немного схлынула. Я жива, я в безопасности, далеко от убившего Марту мага, и я не одна. Слабость ещё ощущалась, но я, не жалуясь, шагала, подбодрённая обещанием обеда и нормального отдыха.

Дорога шла вниз по склону, временами достаточно крутому, и часто мне, чтобы не упасть, приходилось придерживаться за деревья и редкий кустарник. Оборотни проявляли такт и не торопили, позволяя периодически останавливаться, чтобы отдышаться и оглядеться. А посмотреть тут было на что! Я впервые попала в Ро–Андир, и, невзирая на обстоятельства, красота этих мест завораживала. Светлый сосновый лес, куда привела нас Волчья Тропа, закончился, открыв взору зеленую долину, со всех сторон окружённую горами. Под ярким солнцем блестело внизу нереально синее озеро, и сверкали белизной ледников вершины. Мы продвигались вдоль неглубокого оврага, по дну которого бежал быстрый прозрачный ручей. Там где берега его стали совсем отлогими, я подошла, чтобы умыть разгорячённое лицо и попить. Вода была холодной и необычайно вкусной, но желудок отозвался на питьё голодным урчанием, заставляя забыть о любовании красотами и ускорить шаг.

Примерно через полчаса обманчиво–ровная тропинка вновь резко нырнула вниз, и я увидела раскинувшееся на склоне селение.

— Что-то не так? — спросил заметивший моё удивление Джед.

— Это не совсем то, что я ожидала увидеть.

В той же книге были рисунки, изображающие традиционные жилища волков: невысокие конусовидные шалаши, покрытые шкурами, хижины из соломы и веток, редко — сложенные из камня и глины домики. Здесь же был вполне современный посёлок, от привычного людского отличавшийся лишь отсутствием узких улочек — дома, высокие, каменные или бревенчатые, тут располагались будто бы произвольно и на

приличном расстоянии друг от друга, никак не огороженные. Между ними без всяких преград ходили по своим делам жители, бегали дети, бродили, пощипывая траву козы и забавные низкорослые коровки. За домами, на лугу у замеченного мной сверху озера, паслись лошади.

Джед рассмеялся, когда я шёпотом, чтоб не услышали другие метаморфы, призналась ему в причине своего недоумения.

— Ваш источник устарел лет на пятьсот, дэйни. Но если очень хочется провести ночь в хлипкой хижине, могу устроить.

Я заверила его, что не очень.

Чтобы попасть в селение, нужно было перейти по шаткому подвесному мосту через шумную пенную речушку. За мостом провожавшие нас оборотни вдруг отстали, предоставляя нам двигаться дальше самим.

— Не волнуйся, — Джед ободряюще пожал мою руку. — Мы среди своих, в стае.

Его голос звучал довольно, и шёл он уверенно. Я же себя здесь своей не чувствовала. Мужчины и женщины смотрели на нас со всех сторон, но подходить не спешили, а в их взглядах помимо любопытства мне чудилась враждебность и насторожённость. Мой спутник не обращал на них внимания, гордо продолжая шествие по посёлку, и практически полное отсутствие на нём одежды никого не смущало. Только одна женщина, уже не молодая, но ещё статная и по–звериному сильная, с тонкими седыми прядями в густых смоляных волосах, преградила метаморфу путь. На волчице было прямое домотканое платье, расшитое по вороту и рукавам цветной шерстью, а сверху — чёрная безрукавка с яркими красными узорами. Смуглую шею несколько раз обвивала низка золотых монет, а на запястьях, когда она встала перед нами, по–хозяйски уперев руки в боки, звякнули массивные золотые браслеты.

— Мне кажется, ты уже достаточно вырос, чтоб сменить эту пелёнку на штаны, — заявила она Джеду, насмешливо сощурив блестящие чёрные глаза.

Насколько я успела узнать оборотня, ответить он должен был какой-нибудь колкостью, но вместо этого мужчина приблизился к старухе, опустился перед ней на колени, взял за руку и прижал морщинистую ладонь к своему лбу.

— Здравствуй, нэна, — услышала я полное смирения.

— Здравствуй, мальчик мой, — уже по–доброму улыбнулась женщина, гладя оборотня по встрёпанным волосам. — Поднимись, дай посмотреть на тебя.

Но он не торопился. Сначала протянул старой волчице букетик из веточек черники.

— Напоишь нас чаем, нэна? — спросил он.

Женщина понюхала привядшие листики и снова улыбнулась:

— Того, кто пришёл домой по Тропе, нужно поить лучшим вином, но я оставлю эту честь вожаку. Сходишь к нему, когда мы попьём чаю и найдём тебе приличную одежду.

— Но, Ула… — несмело подступил к старухе юноша лет пятнадцати.

— Будешь со мной спорить? — сурово глянула она на него. — Я сказала, после. Так и передашь отцу.

Пререкаться парнишка не стал.

— Идёмте, — властно скомандовала волчица.

Во мне она вызывала страх и почтение одновременно.

— Кто это? — тихо спросила я Джеда, идя вслед за женщиной.

— Это — Ула, — шёпотом сказал он. — Шаман стаи. И моя нэна.

— Кто? — слово было мне незнакомо.

— Бабушка, — смущённо пояснил мужчина.

Тут же появилась масса мыслей и домыслов по поводу наследственных способностей. Пусть Джед и говорил, что пройти Тропою может любой метаморф, верилось в это с трудом, а вот наличие бабушки–шамана с моей точки зрения многое объясняло. Но я слишком устала и ещё не совсем отошла от потрясений последних суток, чтобы долго размышлять на эту тему. Так же мало меня сейчас занимал обтрепавшийся, испачкавшийся во время спуска подол платья, но я не сводила глаз с грязного пятна на голубом шёлке, чтобы не видеть любопытных взглядов. С появлением Улы враждебность из этих взглядов исчезла, но появились насмешка и пренебрежение, особенно у женщин, и особенно — когда они смотрели на меня.

Не поднимая глаз, я дошла до дома на окраине посёлка. Жилище шамана меня не разочаровало. Было заметно, что строение много старше прочих в посёлке и не совсем обычное: шестиугольный сруб с маленькими оконцами под самой стрехой, затянутыми какой-то мутной плёнкой, и покатой, зеленой от разросшейся на ней травы крышей с широкой трубой в центре. Дымоход был защищён от дождей и снега деревянной пирамидкой–навесом. Внутри, за гостеприимно распахнувшейся дверью, царил наполненный тайной и ароматами трав полумрак. Когда глаза привыкли к тусклому после яркого солнца освещению, я смогла всё тут разглядеть. Перегородок в доме не было, только несколько брёвен–колон поддерживали крышу. С широких, потемневших от времени потолочных балок свисали пучки трав, связки костяных бус и ещё какие-то непонятные

предметы. К отдельным балкам на манер собранных парусов были подвязаны целые рулоны полотна различных расцветок. Земляной пол устилало душистое сено, а кое–где — небольшие плетённые коврики из соломы или шерсти. В центре, под отверстием в крыше, располагался очаг с подвешенным над тлеющими углями котлом, а у бревенчатых, ничем не отделанных стен примостилось несколько лавок и сундуков. В одном из шести углов прятался низкий круглый столик. Накрытый несколькими вышитыми полотенцами, вздымавшимися разновеликими холмами, он привлёк моё внимание запахами, перебивавшими все прочие ароматы этого жилища. И не только моё — Джед, войдя и бегло оглядевшись, задержал на столе взгляд и громко сглотнул. Но оборотень смог проявить твёрдость характера и повернулся к Уле.

— Познакомься, нэна, это — Сана. Моя… мой добрый друг.

Впервые с момента встречи волчица удостоила меня вниманием. Сначала хмыкнула и хотела сказать что-то, но вдруг нахмурилась.

— Рэйк считает тебя безответственным, но я не думала, что эта безответственность зайдёт так далеко.

Чувствуя себя причиной её возмущения, я покраснела и потупилась.

— О чем ты, нэна?

— О чем? — шаманка всплеснула руками, и браслеты гневно звякнули. — Сперва по твоему виду я решила, что ты связался не с той девицей, и сбежал по Тропе, когда вас застали. Но теперь надеюсь, что ошиблась. Потому что простая интрижка не оправдывает того, что ты привёл на землю предков людского мага. Должна быть очень веская причина тому, что ты нарушил наши законы.

— Она есть, — глухо выговорил Джед.

— Верю, — всмотревшись в глаза внука, сказала волчица и обернулась ко мне. — Значит, ты — Сана? А я — Ула. Просто Ула. Дэйной Урсулой я стану, когда приеду в твой город, а тут придерживайся наших правил и сама не жди, что тебе станут выкать и кланяться при каждой встрече. И не дрожи ты, не бойся — не обижу. Друг моего внука не может быть моим врагом. Ну а то, что ты магесса, так кто из нас без недостатков? — заключила она философски.

— Спасибо, нэна, — с чувством поблагодарил Джед. — Я тебе объясню…

— После объяснишь. Идите-ка оба к столу, пока каша не остыла. Да и оленину вкуснее есть горячей.

— Ты обещала мне одежду, — напомнил мужчина. — Не

хочется за обедом смущать гостью.

— А я думала, она привыкла наблюдать тебя в таком виде, — вернулась к насмешливому тону Ула. — Но раз нет…

Она подошла к одному из сундуков.

— Здесь глянь, что-нибудь да подойдёт.

Женщина потянула за свешивающийся с потолка шнурок, и я поняла, зачем нужны «паруса»: длинные широкие полосы ткани образовывали непроницаемую завесу, ограждая часть помещения вместе с Джедом и сундуками.

— Тебя после приоденем, — решила, осмотрев мой наряд, шаманка. — А сейчас поешь.

Она сдёрнула со стола полотенца, и я забыла обо всех своих страхах. Горка лепёшек, плошки с ароматными кусками тёмного мяса, каша (непонятно, из какой крупы — но кого это сейчас интересует?), сыр, мелкие пятнистые яйца, лук, томаты и свежий перец…

Волчица жестом велела сесть прямо на пол, на коврик из соломы, а сама взялась раскладывать еду по глубоким глиняным тарелкам.

— Куда столовое серебро задевала, сама не помню, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказала она, протягивая мне деревянную ложку.

Простая еда казалась необыкновенно вкусной, и я так увлеклась, что не сразу заметила вернувшегося к нам Джеда. Теперь на нём была такая же, как на встречавших нас метаморфах длинная рубаха с вышивкой и штаны из тёмного сукна. Вокруг талии оборотня был повязан тканый черно–красный пояс, бахромчатые края которого свисали почти до колен, а обут мужчина был в непривычного вида боты из мягкой кожи, невысокие, с кожаной же шнуровкой. Ула критически оглядела его с ног до головы, выдернула из своей косы одну из ярко–красных лент и собрала на затылке растрепавшиеся волосы внука. Ещё раз осмотрела его и вдруг порывисто обняла.

— С возвращением домой, мальчик, — прошептала она, а затем так же резко отстранилась. — Садись, поешь. Поговорить ещё успеем.

— Сделаешь чаю, нэна? Я принёс черники…

— Черники он принёс, — проворчала шаманка. — Явился с травой, собранной в моем же лесу! Когда-нибудь я тоже приду к тебе в гости и нарву в подарок вишен в твоём саду.

— В саду больше нет вишен, — неожиданно погрустнел присевший к столу Джед. — Отец приказал их вырубить.

— Когда? Зачем? — удивилась Ула.

— После того как мамы не стало. Он от всего избавился. От

мебели, от картин, от её книг и драгоценностей. Если бы мог продать поместье, то и это сделал бы.

— Продал все её драгоценности? — со страхом в голосе переспросила старая волчица.

— Да, — оборотень насторожённо поднял на неё глаза. — А ты…

Я вдруг поняла, что оба они, и Джед, и Ула, смотрят на меня, и захотелось под землю провалиться от осознания, насколько я тут лишняя.

— Потом поговорим, — в который раз повторила женщина. — И об этом тоже. Но сначала сходишь к дядьке. Не стоит гневить вожака.

К словам бабушки Джед отнёсся серьёзно, спешно доел, отёр руки о полотенце и вскочил на ноги. Ула что-то тихо проговорила ему на ухо, обеспокоенно хмурясь, но мужчина беззаботно рассмеялся.

— Не волнуйся, — он легонько коснулся губами наморщенного лба шаманки. — Я знаю, что делать.

Потом обернулся ко мне.

— Ешь, отдыхай. Тут ты в безопасности. Когда вернусь, тогда всё и обсудим.

Обсуждать мне ничего не хотелось. Хотелось ароматного травяного чая, который заварила в глиняном чайничке старая волчица, а после по–кошачьи свернуться в клубок в одном из шести углов под покровом занавесок–парусов и проспать несколько дней.

Тут я действительно чувствовала себя в безопасности, словно попала в совсем другой мир. В этом мире не было Виктории, ни живой, ни мёртвой, не было страшного мага в маске, не было убитой им Марты. И в этом мире, как я только сейчас заметила, мы с Джедом, не сговариваясь перешли на «ты», словно так и нужно. И наверное, так и нужно, судя по словам Улы…

— Приготовить тебе ванну? — предложила шаманка.

Я согласно кивнула, даже не задумываясь о том, что никакой ванной в этом доме нет и быть не может. Но, как оказалось, старуха совсем не шутила. Откуда-то она вытащила широкое и высокое деревянное корыто, споро подвесила над очагом огромный котёл, тут же вылила в него воду из двух стоявших у двери вёдер и раздула угли, подбросив ещё несколько поленьев и хворост. Наверное, мне следовало предложить помощь, но, разморённая сытным обедом, я только и могла, что молча наблюдать.

Творимое действо больше напоминало приготовление к какому-то магическому обряду, нежели к простому купанию.

Когда вода нагрелась, Ула большим черпаком перелила её сначала обратно в ведра, а после — в стоявшее поодаль корыто. Затем налила в освободившийся котёл ещё воды. Покуда та закипала, шаманка обходила дом, что-то напевая, при этом она то и дело отщипывала по веточке от свисавших с потолка травяных пучков, нюхала и отправляла в котёл, что-то целиком, что-то растирая между пальцев в труху. Ещё какие-то травы бросила в воду прямо в холщевом мешочке, в котором они хранились. Запахло чем-то знакомым. Розмарин, лаванда. Кажется, ещё мята. Когда женщина достала с полки глиняный горшочек и ложкой зачерпнула из него и смешала с водой в корыте вязкую янтарную массу, в которой я опознала мёд, в странном ритуале почудилось что-то зловеще–кулинарное. Снова на ум пришла моя бабушка с её сказками о злых, кусачих волчках, караулящих в лесу сбежавшую из дома девочку. И котёл, как в тех сказках, большой–пребольшой…

Но усталость не позволила впасть в панику. Вспомнился курс по лекарственным травам и что-то о целебных свойствах мёда, и я подумала, что стоит расспросить Улу, что и в каких пропорциях она заваривала — судя по запаху, расслабляющему и умиротворяющему, подобные ванны должны пользоваться успехом у изнеженных аристократок, к концу дня устающих на бесчисленных светских приёмах.

А как приятно было скинуть пропылённое платье и тесное белье и забраться в тёплую ароматную воду! Зудела кожа на руках — успела засаднить, цепляясь за кустарник в лесу — но я знала, что скоро под воздействием целебных трав это пройдёт. Шаманка, не прекращая тихонько напевать, устроилась позади меня на низком табурете, и я не возражала, когда она принялась разбирать то, что осталось на моей голове от некогда аккуратной причёски, вытаскивая из спутавшихся прядей шпильки и сухие сосновые иглы.

— Такой волос испортила! — проворчала сердито волчица. — И зачем только?

Краска не ввела её в заблуждение, но это была не та тема, на которую мне хотелось бы говорить. Поборов смущение я пролепетала что-то о том, что стоило бы опустить шторы в этой части дома — вдруг кто придёт.

— Постучат, тогда завешу, — успокоила меня Ула. — Без стука разве что Джед войдёт, так он ещё не скоро вернётся. Бер–Рэн не сразу его отпустит.

Вычёсывая и поливая тёплой водой мои волосы, женщина неторопливо посвящала меня в хитросплетения родственных связей среди оборотней. Дэй Джед Селан, очевидно, был не

последним волком в стае, раз уж приходился внуком шаманке и племянником вожаку, о котором Ула отзывалась почему-то не слишком ласково.

Объяснение такому тону нашлось позже. Обмакнув кончики пальцев в душистое масло, шаманка легонько помассировала мне виски и кожу за ушами, от чего хотелось мурлыкать довольной кошкой, и продолжила рассказ о своей семье. Оказалось, Ула приходилась второй женой бывшему, уже лет двадцать как покойному вожаку. И нынешний, Бер–Рэн, как и его младший брат, чьего имени я не запомнила (имена у метаморфов оказались заковыристые), шаманке вовсе не сын, а пасынок. Причём — не слишком любимый и любящий.

— Место отца должен был занять Рэйк…

Я уже знала, что так зовут отца Джеда. Но разве младший сын может быть основным наследником?

Словно прочтя мои мысли Ула громко хмыкнула:

— Это у вас, у людей, наследуют по старшинству да по родству. Вожаком становится не тот, кто прежде родился, а тот, кто более достоин. Даже сын младшей семьи может заслужить такую честь… теоретически, конечно.

Наверное, когда-то дэйна Урсула провела среди людей немало времени. Речь её совсем не напоминала речь невежественной горянки, или напевный говор шаманки из старинной легенды: изъяснялась она просто и понятно, порой вставляя учёные словечки. И не удивлюсь, если в одном из сундуков у неё хранятся древние книги и монографии магов, травников и астрономов заодно.

— Бер–Рэн помнит, что только случай помог ему получить власть в стае. Вот и боится, что Рэйк вернётся и потребует то, что его по праву. Рэйк или его сын. Ведь Снежный Волк ничем не отметил Бер–Рэна, всем это известно, а мой внук уже дважды прошёл по Тропе… Дурак!

— Кто? — не поняла я. Показалось, что дураком она обозвала Джеда.

— Бер–Рэн, кто же ещё, — шаманка без предупреждения плюхнула мне на голову целый ковш чистой воды. — Любой волк может отыскать Тропу, если верит в завещанную великим предком силу. А вожак верит лишь в силу андирского золота.

— А почему ваш сын не захотел стать вожаком? — полюбопытствовала я, отплевавшись.

— Женщина, — вздохнула с тоской Ула. — Человеческая женщина, его жена.

— Вожак не может жениться на человеческой женщине?

— Вожак может всё! — сказала, как отрезала, волчица. — Но

мать моего внука не хотела жить в стае. Она любила свой мир. А Рэйк слишком любил её, чтобы настаивать.

Вода остывала, но вылезать из корыта мне не хотелось. Зачем, когда можно подтянуть к подбородку голые коленки, обхватить их руками и слушать красивую, похожую на сказку, историю любви?

Но Ула не желала баловать меня подробным рассказом — умолкла.

— А ваш муж не возражал против такого решения сына? — не унималась я, проявляя воистину неприличное любопытство.

— Как он мог возражать? — удивилась шаманка. — Кто заставит волка пойти против его сердца? К тому же, сам великий предок отказался когда-то от прежней жизни и облика ради человеческой женщины.

— Сам великий предок, — повторила я зачарованно.

— Да. Хочешь послушать? — казалось, шаманка поддразнивает меня. — Тебе какой вариант: покороче или подлиннее? Если подлиннее, мне нужно разжечь костёр и достать бубён.

Поняв, что она смеётся, я согласилась на короткий вариант легенды. Ула подлила в корыто горячей воды и принесла мне до краёв наполненную травяным чаем кружку.

— Ну, слушай…

Чай был сладкий. Привкус мёда, как по мне, лишь портил напиток. Лучше бы оставалась только приятная терпкость трав. Но мне не хотелось обижать хозяйку недовольством, и, сделав несколько глоточков, я незаметно вылила сладкий отвар прямо в воду в которой сидела — благо трав и мёда в ней уже хватало.

— Давно это было, — рассказывала тем временем шаманка. — Когда люди ещё не пришли в Ро–Андир, хранителем гор был великий Снежный Волк. В лесах на склоне Паруни, высочайшей из здешних вершин, оставлял он свою стаю, а сам поднимался на снежные пики, с высоты оглядывая все окрест. Так однажды и заметил он пришедшую в его лес девушку. Сейчас никто уже не скажет, как её звали. Говорят только, что была она травницей, и приходила к Андирским горам за редкими сборами. Сначала Великий Волк хотел прогнать прочь нарушительницу границ, но подойдя поближе, был очарован её красотой и почтением, с которым она к нему обратилась.

Ула протянула мне широкое полотенце, намекая на то, что пора вылезать из воды.

— И что же она ему сказала? — спросила я, кутаясь в лёгкую мягкую ткань.

— Попросила защиты и покровительства — так говорят, —

пожала плечами шаманка. — И стал с тех пор Великий Волк, словно верный пёс, за нею по лесам ходить. Зверьё отгонял, травы искал. А когда пришла пора ей к людям возвращаться, затосковал. За час, не за день, взбежал он на самую вершину Паруни, туда, где нетающий синий лёд отражает лунный свет, и взмолился перед духами предков, чтоб даровали они ему другой облик, такой, чтобы мог он уйти с избранницей к её народу. Сжалились предки, превратили его в прекрасного юношу. Только Луна, ночная стражница, повелела, чтоб каждый месяц, не реже, являлся он пред её светлый лик в истинном обличии. Так и было, покуда жил Снежный Волк с молодой женой среди людей. Оттого и сказки пошли о том, что в полнолуние всякий оборотень зверем перекидывается и бесчинства творит. Только не было никаких бесчинств. Испугались люди, вот и напридумывали всякого. Не остался с ними Волк, забрал жену и сыновей, что к тому времени родились, в родные горы вернулся. Тут и живём с тех пор. С людьми уж вроде поладили, но своя земля — всё ж своя. Хоть и уходят к вам многие. Но и многие возвращаются… Вот, примерька!

Из большого, окованного железом сундука Ула вынула чистую рубашку тончайшего батиста — такая не у всякой аристократки сыщется. На вопрос в моем взгляде молча усмехнулась.

— А как поспишь, это наденешь, — тоном, не терпящим возражений, заявила она, раскрадывая на лавке платье по местной моде — длинное, прямое, с вышивкой по вороту, рукавам и подолу. Только красно–чёрный пояс, похожий на тот, который повязал себе Джед, шаманка, повертев в руках, кинула обратно в ларь, заменив на какую-то невзрачную, сплетённую косичкой верёвочку.

Из следующего сундука, длинного и широкого, волчица вытащила перину и подушку, водрузила прямо на крышку и застелила чистыми простынями.

— Тут спать будешь.

Была лишь середина дня, очень рано для сна, но шаманка понимала, что отдых мне сейчас необходим. Оставив меня одну, женщина опустила шторы–паруса, и, улёгшись, я слышала, как она возится, сливая из корыта воду.

Под это тихое плюханье я задремала. Но проснулась, едва хлопнула дверь, и вернувшийся Джед с порога вопросил:

— Так где мой чай, нэна?

— Заходи, будет тебе чай, — негромко ответила ему Ула.

— А Сана где?

— Спит.

— Может, выйдем куда-нибудь, ну… чтобы не мешать?

— Боишься, чтоб она наших разговоров не услышала? — уточнила волчица. — Не бойся, не услышит. После моего отвара до утра не проснётся.

Это не того ли отвара, который я вылила?

Если бы она этого не сказала, я бы не стала подслушивать и нашла бы способ дать им знать, что не сплю. Но теперь затаилась, как мышка. Сами виноваты — нечего меня всякой гадостью опаивать!

Джед

Разговора, по своему обыкновению, вожак постарался избежать, хоть и сам звал. Но радушного хозяина отыграл по всем правилам, компенсируя недостаток слов обилием вина. Чарку мне наполняли исправно, но, хвала Создателю, не следили, каким способом я её опустошаю, и надеюсь, яблонька, росшая во дворе дядюшкиного дома рядом с вколоченным в землю столом, не пострадает от столь необычного полива. Зато удалось сохранить ясную голову для более важной беседы.

Нэна заварила чай, разлила по большим глиняным кружкам и протянула одну из них мне. Она не ограничилась принесёнными мною черничными листьями, и я принюхался, прежде чем сделать глоток, чем вызвал улыбку на смуглом морщинистом лице.

— Вдруг и я тоже того… до вечера… — со смущением пояснил я.

Постарался расслышать дыхание спящей за пологом девушки, но его заглушали треск дров в очаге и громкие детские голоса со стороны открытой двери: ребятню во все времена тянет поближе к таинственному жилищу шаманки.

— Рассказывай, — Ула присела рядом, подогнув под себя ноги.

Делиться проблемами с бабушкой? Нет, это нормально… когда тебе пять лет. А когда тридцать? Но и бабушка у меня не простая, да и сама, судя по некоторым случайно обронённым словам, может рассказать многое.

Видя, что я не знаю, с чего начать, нэна взяла инициативу в свои руки:

— Про камень я знаю, ты верно понял. Давно знаю. Открылась она мне. Думала, у меня выйдет привязку разорвать, твою жизнь от алмаза отделить.

— Знала? А мне почему не сказала? Почему вы обе ни о чем мне не рассказывали?

Мамы не стало три года назад. Трагическая случайность: в сад заползла змея. Лекарь после сказал, что смерть была мгновенной, рассчитывал утешить нас этими словами. Но разве подобное может служить утешением?

Я тогда ещё жил при дворе, едва успел прибыть на похороны, и все три дня, что я пробыл в родном поместье, мы с отцом провели у её могилы. Он был настолько подавлен горем, что даже не разговаривал со мной. Только в последний день, очнувшись на миг, сообщил, что мне нужно поехать к маминому поверенному и получить какие-то бумаги. Но вместо этого я возвратился в столицу. Разговоры о наследстве казались неуместными. Я знал, что после смерти матери получаю титул, имение и большую часть её состояния, и всё это не имело для меня никакого смысла. Лишь спустя полгода, снова приехав в родительский дом, я выбрал время, чтобы наведаться к нотариусу и забрать оставленное для меня письмо. Но было уже поздно.

Кто-то, теряя любимых, стремится сохранить каждую мелочь, каждое напоминание об ушедших. А для кого-то эти напоминания невыносимы. К несчастью для меня отец относился к последнему типу. Желая облегчить боль потери, он избавился от всего, что напоминало ему о матери. Что-то попросту выбросил, а то, что выбрасывать было бы неразумно, драгоценности, например, — продал. В том числе и алмаз на золотой цепочке, который мама носила не снимая. Ей нужно было завещать, чтобы её похоронили вместе с этим камнем, но она посчитала, что правильнее будет оставить его мне.

Её письмо стало для меня откровением. Я не помнил описываемых в нём событий. Лишь после прочтения в памяти всплыли какие-то образы: солнечный день, радостный бег по чистому белому снегу, смех… треск ломающегося под ногами льда, обжигающий холод, темнота. Мне было тогда около четырёх. Отец был в отъезде. Мы гуляли с мамой у пруда, и я нечаянно, а может и специально, забежал на присыпанный снегом лёд, слишком тонкий, чтобы выдержать даже вес ребёнка. Когда меня вытащили из воды, я уже не дышал. На счастье недалеко от поместья жила старая колдунья, о ней рассказывали небылицы, и моя мать не нашла иного решения, кроме как поверить в эти сказки. Меня принесли в избушку ведьмы, и старуха сказала, что сможет помочь. Сказала, что дух мой ещё не отдалился от тела, а тело не претерпело необратимых изменений, и их, дух и тело, возможно воссоединить. Она вернула меня к жизни, а для привязки к миру живых ей потребовалась какая-то вещь. Что-то, что я смогу хранить до старости, и то, что в свою очередь будет хранить меня. Мать предложила алмаз: что может быть прочнее?

А случившееся держала в тайне ото всех, щедро оплатив молчание старой ведьмы и того единственного слуги, что сопровождал нас на прогулке и помог достать меня из–подо льда. Она не хотела, чтобы отец узнал, что она едва не потеряла его сына.

Я не сразу поверил в прочитанное. Разумнее было предположить, что тогда я впал в глубокий обморок, а ведьма отогрела и отпоила меня какими-то снадобьями. Но вскоре мне пришлось пожалеть о своём скептицизме: через две седмицы после того, как я получил письмо, меня свалила неизвестная болезнь. Целый месяц я провалялся в постели, мучимый жуткими болями в груди, а лекари не могли даже сбить жар. Потом я узнал, что в то время новый владелец алмаза отдал его в работу гранильщику, чтобы придать камню более чёткие контуры. Его огранили в форме сердца. В этом есть какая-то насмешка судьбы: алмазное сердце, неразрывно связанное с моим собственным. Жизнь, которую я стремлюсь вернуть себе уже несколько лет.

Отцу я так ничего и не рассказал. Во–первых, мне хотелось сохранить тайну матери. А во–вторых, я не решился сообщить ему, что он сам отдал судьбу единственного сына в чужие руки. Может, я слишком сентиментален. Может, самонадеян. Одно могу сказать: удачливым меня в любом случае не назовёшь…

Тихо, время от времени прерываясь, чтобы отпить немного чая, Ула пересказала уже известную мне историю, напоследок обругав старую ведьму.

— Хотя, может, и не со зла она. Может, и не видела другого выхода. А у Лизы и подавно иного пути не было — ради своего ребёнка мать и не на такое пойдёт. Так что я её не виню и не винила никогда. Другое дело, что от мужа утаила. Но и тут её понимаю. Рэйк весь в отца, суров бывает без меры. Кто знает, как бы он это принял? Боялась она.

— Отца боялась, а тебя — нет? — я помнил, как робела мать при свекрови.

— И меня боялась, — согласилась нэна. — Только кого ей было о помощи просить? И слово она с меня взяла, что никто ничего не узнает. Знала, что молчать буду. Я и молчала… А Рэйк, стало быть, камень продал?

— Да.

— Зря она меня не послушала. А я, как чуяла, предлагала ей тут алмаз оставить. Я б его в священной земле схоронила — никто не нашёл бы. А теперь что? Кому продал, хоть знаешь?

— Знаю, — не очень уверено ответил я.

— Что ж до сих пор не забрал?

— Пытался…

Коротко, не вдаваясь в подробности, я поведал бабушке о путешествиях алмаза по Вестолии и моей погоне за ним.

— Как будто нарочно он мне в руки не даётся!

— Отчего «как будто»? — задумалась Ула. — Это тебе не стекляшка бездушная, живой он теперь, с характером. И что в руки не идёт — неспроста. В беду вот тебя втянул…

— Почему ты мне ничего не рассказала, когда мамы не стало?

Нэна неопределённо пожала плечами, и я не стал больше спрашивать.

Она ведь только с виду обычная, а сама живёт меж разных миров, на равных общаясь с живыми и давно умершими, с людьми, волками и духами древних стихий. Вот сейчас сидит рядом, а на самом деле, может быть, слушает не меня, а голос горного ветра, приносящий ей новости со всего Ро–Андира, а то и со всего мира. И если ничего не сказала, у неё были причины. Только я эти причины вряд ли пойму.

— Добавить ничего не хочешь? — спросила она, подливая чай. — Из-за чего на Тропу вышел? Что за девицу с собой привёл?

Я не собирался посвящать нэну в свои проблемы, но неожиданно выложил всё как на духу. Может она или её друзья–духи подскажут, как быть дальше?

Но в ответ на мою откровенность она лишь покачала головой, а от предложения вместе просмотреть злосчастные бумаги отказалась наотрез.

— Не моего это ума дело.

— Так что, ничем не поможешь?

— Отчего не помогу? Отцу твоему весточку пошлю, что сын его жив–здоров. А заодно всем нашим, что среди людей живут, клич кину: найдут твоего Унго. А я уж тебе к нему Тропу открою. Всё ж вдвоём легче будет правду искать. Но сперва реши, что с девочкой делать станешь. Страху она уже натерпелась сверх меры, а дальше и не такое случиться может.

— Знаешь, нэна… Может, Сане у тебя пока остаться? Идти ей, как я понял, некуда…

Я ожидал, что Ула откажет, и уже приготовил длинную и убедительную речь, но нэна неожиданно согласилась.

— Пусть остаётся, если захочет. Мага в ней сразу не углядишь, а я и припрячу чуток: никто не распознает, если колдовать не вздумает. А там, может, и подучится у меня чему — любознательная она у тебя, травами опять же интересуется. Найдём, чем вдвоём заняться.

— Спасибо.

Одной проблемой меньше — уже легче. Помоги Создатель,

чтобы и остальные разрешились так же просто.

День пролетел незаметно: мы пришли в посёлок ещё до полудня, визит к вожаку отнял пару часов, а разговор с Улой затянулся до вечера. Уже начинало темнеть, и нэна достала свечи. Две, высокие и толстые, дававшие яркий и ровный свет, поставила на стол, словно приглашая меня не откладывать и заняться наконец документами из шкатулки.

Я не стал с нею спорить. Разложил перед собой бумаги, поводил над ними рукой, доверяя выбор случаю, и схватил наобум первую попавшуюся. Развернул свёрнутый трубочкой лист и с удивлением перечитал стандартный, по годам учёбы знакомый текст дворянского патента. Законный документ. Даже более чем — бурый оттиск человеческой ладони подтверждал это лучше трёх имевшихся печатей и превращал бумагу в фамильную реликвию. Но Виктории-то какая в ней была выгода? Или не всё хранимое дэйной Солсети следовало относить к её преступным замыслам?

Отложив патент, я пролистал потёртую записную книжку и пришёл в ещё большее недоумение — все страницы в ней были пусты. Принялся за письма, но и тут меня ожидало разочарование. Послания, подписанные инициалами Н. Т., были адресованы некой Анне, и ничего противозаконного я в них не углядел: дружеская переписка, с легчайшим налётом романтики. Если бы дэй Роджер в своё время писал Виктории что-то подобное, я избежал бы свалившихся теперь на мою голову бед.

Но что-то в этих бумагах интересовало мага в маске. Что?

Попросив у нэны чистый лист и письменный набор, я списал с патента имя новоявленного барона и свидетелей дарования титула, выбрал всех упоминавшихся в письмах людей (даже если назывались они там «тётушка Жюли» или «пройдоха Пит») и долго, пока глаза не начали слезиться, смотрел на исписанную моими каракулями бумагу, ожидая прозрения.

Вместо прозрения пришёл сон.

Глава 10

Лисанна

Проснувшись, я не сразу смогла понять, где нахожусь. Но вскоре вспомнились печальные события прошедших дней, проход по Тропе, старая шаманка и подслушанный с вечера разговор. Из-за последнего на душе было нехорошо, и будь моя воля, забыла бы всё до последнего слова.

Надев приготовленное Улой платье и наскоро, не расчёсываясь, собрав волосы в косу, я вышла из-под полога. Возившаяся у очага волчица приветствовала меня рассеянной улыбкой.

— Доброго утра, — поздоровалась я с ней. — А…

Спросить было неудобно.

— За порог выйдешь, налево поверни, — без слов поняла шаманка. — По тропинке шагов десять, а там увидишь. После вернёшься и направо от двери пойдёшь — умоешься.

То, что было «налево», отыскалось в зарослях кошачьей мяты. Предусмотрительно.

А до «направо» я не дошла. Остановилась в нескольких шагах от широкой лавки, на которой стояли ведра с водой — меня уже опередил Джед. Оккупировав для личных целей бадейку и каким-то образом приладив на бревенчатую стену дома крупный осколок зеркала, оборотень брился, тонким лезвием снимая со щёк густую мыльную пену вместе со щетиной. Меня не смутила интимность этой процедуры и то, что из одежды на мужчине были лишь короткие льняные портки (после скатерти с колокольчиками они выглядели верхом приличия), но то, что я ненамеренно… ну хорошо — намеренно подслушала вчера, заставило меня отвести глаза и отступить к двери, где я тут же столкнулась с Улой.

— Жалеешь его? — спросила она, взглядом указав на внука.

— Жалею? — Не уверена, что мне удалось изобразить недоумение. — Почему?

— Почему? — повторила волчица. — Сложный вопрос. Почему ветер дует? Почему дожди идут? Почему тебе не понравился мой чай?

— Слишком сладкий, — сказала я, не задумываясь, и тут же испуганно прикрыла рот ладошкой.

Но шаманка удовлетворённо крякнула, получив ответ на вопрос, и сочла разговор законченным. А затем и вовсе ушла

куда-то, ничего не сказав.

Дом Улы стоял особняком, в небольшом отдалении от жилищ остальных метаморфов на склоне горы, и создавалось ощущение, что он возвышается над всеми ними. С крыльца хорошо просматривался посёлок, который сейчас, несмотря на давно вступивший в свои права день, выглядел безлюдно… безоборотнево? Бродили между домов козы, бегали куры, а самих жителей я не видела.

— Рано ещё, — пояснил закончивший с утренним туалетом Джед. Порой мне казалось, что он читает мои мысли, и от этого делалось не по себе. — Волки ведут частично ночной образ жизни. Ложатся под утро, встают ближе к полудню.

Воображение рисовало мистические ночные ритуалы с участием всех жителей посёлка, пожарище костров, песню шаманского бубна…

— Мы немного иначе устроены, — оборвал полет моей фантазии мужчина, — у нас другой жизненный ритм.

Потом, хоть с моей стороны и не последовало вопросов, он принялся рассказывать о жизни оборотней в горах. Оказалось, что этот посёлок тут не единственный. Сейчас мы находились в так называемом Верхнем Селении, а было ещё и Нижнее и Озёрное. В Верхнем жил вожак стаи с семьёй и Ула — виери кама — это что-то вроде «главный шаман». Унери кама — младшие шаманы — жили в других посёлках и среди людей. Правильно, кто-то же служил при дворе, открывая для венценосного семейства Волчьи Тропы?

— Когда-то волки селились в горах, далеко от людей. Сейчас тут осталась лишь малая их часть. Ты же не думала, что все оборотни Вестолии способны разместиться в трёх посёлках? Да и те, что обитают здесь, часто выбираются в мир людей. Многие живут в городах, а сюда возвращаются, чтобы… Ну, это как бы… Это — дом. Наша земля. Тут мы свободны.

Нужно было быть оборотнем, чтобы понять эти слова. Зато мне было понятно другое: Джед говорил о чем угодно, но не о проблемах, свалившихся на нас в виде мага–убийцы. Самой не хотелось думать об этом. Перекрикивались птицы, светило солнце, терпко пахли травы, острые зубцы гор вгрызались в ярко–синий купол неба… Это была совсем другая жизнь — жизнь, в которой хотелось остаться навсегда. И Ула, как я вчера подслушала, готова была дать мне такой шанс. Но по здравому размышлению я пришла к выводу, что самым правильным для меня будет вернуться домой. Мун и все её демоны с престарелым женишком! Может, теперь, после того, как я себя «скомпрометировала», сбежав и впутавшись в историю с

убийствами, шантажом и ещё чем-то явно очень нехорошим, граф передумает на мне жениться? А если нет? Что ж, если выбирать между смертью и замужеством, последнее не так уж и плохо. Главное, вернись я домой, и отец с его титулом, связями и собственной маленькой армией сумеет защитить меня лучше чем, несомненно, честные и сострадательные, но совершенно чужие мне волки.

— Я хочу домой, — без обиняков заявила я после завтрака. — К отцу.

Оборотень уставился на меня с непониманием. Ну, конечно! Я же, выдавая себя за Милисенту, говорила ему, что мои родители умерли. А тут вдруг — отец.

Задумавшись всего на миг, я пришла к выводу, что теперь можно сказать правду.

— На самом деле я — не Милисента Элмони, — выпалила я, пока не передумала. — Меня зовут Лисанна. А мой отец — князь Вилаш Дманевский.

Я ожидала удивления, расспросов, но Джед вдруг звонко хлопнул себя по лбу.

— Точно! Ар–дэй Вилаш. Смотрины.

Джед

А я-то голову ломал! Вот откуда я знаю её имя — из письма. Из одного из последних писем, полученных в прежней, почти беззаботной жизни. Годовщина свадьбы Берни, на которую я не поехал, день рождения дяди Грегори, на который уже не успею, и смотрины, на которых отсутствовал не только я, но и виновница, хм, торжества. Хотя мне, в отличие от многочисленных приглашённых в Уин–Слитт, можно сказать, повезло: судьба организовала для меня персональные смотрины в дилижансе на Депри. И если бы тогда кто-нибудь осведомлённый спросил меня, что я думаю о предложенном князем Дманевским альянсе, честно сказал бы, что угольного карьера, обещанного ар–дэем Вилашем в комплекте с рукой дочери, маловато, учитывая риск быть замаринованным заживо.

И всё же жизнь — занятная штука…

— Какие смотрины? — отвлёк меня от мыслей о жизни голос девушки.

Откровенность за откровенность?

Не углубляясь в подробности, я рассказал Сане о полученном приглашении, не преминув тактично поинтересоваться, по какой причине она сама пропустила столь важное для себя событие.

— Надо очень! — надулась лекарка. — Замуж я не собираюсь. Особенно за этого старикашку.

Девушку, что называется, прорвало. Печальные события прошедших дней не могли не отразиться на её душевном равновесии, но теперь всё это, со слов Саны, было лишь следствием опрометчивого решения её отца и коварных матримониальных планов некого Эрика Фицджеральда Леймса второго, нынешнего графа Гросерби. Я слушал, приоткрыв от удивления рот, и размышлял о том, что чтение дамских романов до добра не доводит. Злокозненный старик, которого дэйни Лисанна увидала в гадательном блюде, вознамерился жениться на юной и прекрасной девице. Строгий родитель сказал своё веское слово, и юная и прекрасная не придумала ничего иного, как сбежать от незавидной судьбы, воспользовавшись документами подруги и рыжей краской. Почему — рыжей? Зачем нужно было идти к гадалке вместо того, чтобы расспросить отца о вероятном женихе? К чему было сбегать, словно сейчас на дворе тёмные века, когда женщина и в своей семье не имела права слова?

Я представил себе храм Создателя и Сану в подвенечном платье, в цепях и под прицелом десятка мушкетов, готовых выстрелить, если строптивая невеста на вопрос жреца вздумает ответить «нет». Губы сами собой растянулись в глумливую улыбку. Точнее, сначала просто в улыбку, а когда я подумал о первой брачной ночи в присутствии всё тех же мушкетёров — уже в глумливую. Браки по принуждению или по нужде, конечно, ещё случаются, но… Нет, рассказ меня определённо позабавил!

— А ты… вы… — подозрительно взглянула на меня девушка. — Если ты получил приглашение… Вы с этим ста… графом случайно не родственники?

— В жизни нет ничего случайного, — ответил я уклончиво.

Поднялся из-за стола и подал руку Сане. Вывел на крыльцо.

— Что видишь?

— Посёлок.

— Нет, вокруг. Вот это всё?

— Горы? Долина?

— Это — Леймс. Вотчина моей семьи.

— Леймс? — в голубых глазах промелькнул призрак понимания.

— Джед Селан–Леймс к вашим услугам, дэйни, — церемонно раскланялся я.

— Значит, все волки — Леймсы? — сделала вывод Сана.

— Нет. Но все Леймсы — волки.

На хорошенькое личико целительницы легла мрачная тень

раздумий. Оно и понятно: мало того, что отец подсунул в женихи «старика», так ещё и оборотня!

И всё же я рискнул усугубить ситуацию, прямо спросив о причинах, заставивших юную княжну отменить решение дожидаться двадцатилетия вдали от дома.

— Отец сумеет меня защитить, — ответила она. — У него положение, связи… Он-то разберётся с этим негодяем! — девушка сердито топнула ногой, а в глазах заблестели слезы: верно, вспомнила о Марте и проведённых в обществе убийцы часах.

— Сначала нужно ещё выяснить с кем мы имеем дело, — напомнил я. А там я, возможно и сам с ним разберусь.

— Я знаю, — прошептала Сана.

— Знаешь? — опешил я. — Ты видела его без маски?

— Нет. Но всё равно узнала. Мы уже встречались совсем недавно. И тогда он использовал те же чары, чтобы заставить меня вспомнить. Это даже лучше, чем видеть лицо — ни за что не перепутаешь.

— Ну, и? Кто это? Ты знаешь его имя? — поторопил её я. У меня, дэйни Лисанна, тоже, между прочим, связи. Найду ублюдка и по склону Паруни размажу, от вершины до подножия.

— Его зовут Людвиг Менно, — со злостью выговорила целительница.

— Как? — я надеялся, что ослышался.

— Людвиг Менно. Он приезжал на виллу Солсети, когда убили Викторию.

Надо же, а совсем недавно я думал, что хуже уже некуда.

Лисанна

Кто же знал, что они родственники? Хотя можно было предположить, после того, как Джед сказал, что получил приглашение на смотрины. А так — наговорила гадостей: «мерзкий старикашка» и ещё что-то в том же духе. Но папенька хорош! Не мог же он не знать, что «достойный человек», которого он прочил мне в мужья, человек только наполовину? Кстати, этот факт может помочь мне избежать нежеланного замужества. Что, если я волков боюсь? До обмороков прямо. Или у меня аллергия на шерсть?

Я поймала себя на том, что мои мысли заняты совсем не тем, чем нужно, но в свете принятого решения вернуться домой граф Гросерби волновал меня куда больше Людвига Менно.

А вот дэя Селана–Леймса — нет.

— Ты уверена? — переспросил он.

— Сомневаешься, что я способна опознать мага по манере воздействия? — вспыхнула я, заподозрив в его вопросе намёк на мою некомпетентность в подобных делах. Да, самой мне редко что удаётся, но чужую волшбу я распознаю безошибочно!

— Нет, не сомневаюсь, — вздохнул мужчина. — И это плохо.

Плохо, что я узнала мага? Или, что он во мне не сомневается?

— Очень плохо, — повторил Джед. — И боюсь… Боюсь, тебе не стоит пока возвращаться домой.

Тревога, теперь явно читавшаяся на его лице передалась и мне, кольнуло в груди, и я не нашла в себе сил расспрашивать: только ждала, пока волк соберётся с мыслями и сам продолжит рассказ. Не оставит же он меня без объяснений?

— Что ты знаешь о Людвиге Менно? — оборотень начал с вопроса.

— Только то, что рассказывала дэйна Агата. Он главный маг в королевском сыске или что-то вроде того.

— Нет, — покачал головой Джед. — Людвиг Менно не просто главный в королевском сыске. Он и есть королевский сыск. Даже больше: ищейка, судья и палач в одном лице. Он живёт этим, вот уже долгие годы. Ни дома, ни семьи. Ни… даже щегла в клетке. Никто и никогда не слышал о его связях с женщинами. Друзей он не имеет заведомо. И врагов у него тоже нет. Потому что его враги — это враги Короны, а они на этом свете не задерживаются.

— Что ты хочешь сказать? — Я ещё не понимала, но уже боялась до дрожи в коленках.

— Если этим делом занялся Людвиг Менно, то гиблое это дело, — закончил оборотень. — Для нас.

— Но… Как? Мой отец…

— Ваш отец, дэйни Лисанна, в полной безопасности, пока вы не вернулись в родовое гнездо, — жёстко прервал меня Джед. — Менно видел твои бумаги, знает, кто ты. Пока тебя считают беглянкой, твоей семье ничего не грозит… Я так думаю. Но Уин–Слитт наверняка уже под наблюдением. Потому я и сказал, что лучше тебе туда не возвращаться.

— Но как же?.. — На глаза навернулись слезы, и я обессиленно упала на скамейку у стены шаманского жилища.

— Сам пока не знаю, — проговорил, глядя в сторону волк. — Нужно время всё обдумать, разобраться…

— В чем? — Я почти уже плакала от страха перед неизвестностью. — Может… Может, просто отдадим ему эти бумаги?

И тут же вспомнила то, что сама говорила Джеду, когда маг обещал отпустить нас, если мы вернём документы: не отпустит. Марту убил и нас тоже… Создатель всемогущий, во что же я

ввязалась? Во что этот наглый, лживый оборотень меня втянул?!

— Сана…

— Ты! Это всё ты! — не дав ему договорить, я вскочила и накинулась на мужчину с кулаками. — Зачем тебе понадобилась эта шкатулка?! Зачем ты притащил её ко мне?! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Я колотила его по груди, по плечам, захлёбываясь рыданиями и бранью, и волк молча терпел это, как будто признавал свою вину. И лишь когда у меня уже закончились силы, чтобы бить его, и слова, чтобы проклинать, обнял за плечи и притянул к себе, позволив вдоволь выплакаться в украшенную красно–чёрной вышивкой рубаху.

— Всё будет хорошо, — пообещал он мне уверенно. — Я со всем разберусь. А ты… Ты можешь пока пожить здесь, у Улы. И не придётся выходить замуж за мерзкого старикашку.

Всё-таки мне требовалось нечто большее, чем его слова, но на первых порах, чтобы успокоиться, хватило и их. К тому же вернулась Ула, и её приход оборвал разговор, к которому, я знала, ещё придётся вернуться, но, хвала Создателю, позже, когда я смогу держать себя в руках, а Джед, быть может, уже что-то придумает.

— Как всё прошло? — спросил он у шаманки.

— Как надо, — улыбнулась она.

Улыбка у волчицы вышла вымученная, да и сама она выглядела уставшей. Как будто состарилась на несколько лет. Хотя я и не знаю, сколько ей на самом деле. Выглядит на шестьдесят–шестьдесят пять, но наверняка намного старше. Просто оборотни стареют не так заметно, как люди.

Ула о чем-то шепталась с внуком, а я любовалась видом гор, отойдя от них подальше. Не хотелось, чтоб волчица снова уличила меня в подслушивании.

Посёлок тем временем ожил, наполнился жителями. Женщины щедро сыпали корм домашней птице, доили коров, бранили детей и мужей. Мужчины нехотя брались за работу: кто-то колол дрова, кто-то носил в дом воду, вёдрами загребая её прямо из ручья. Обычная жизнь, обычные селяне. Я на таких в родительском поместье насмотрелась. Разве что эти ложатся поздно.

— Нэна, ты позволишь Сане пожить у тебя немного? — Джед повысил голос, видимо, чтобы я услыхала.

— Конечно, — подыграла ему шаманка, незаметно подмигнув мне при этом: мы-то обе знали, что я в курсе их вчерашнего разговора. — Пусть остаётся. Только нахлебников я у себя не потерплю. Хочет тут жить, пускай делом займётся… Да вот прямо

сейчас! И тебе хватит бездельничать. Вон, на том склоне, — махнула она рукой куда-то за посёлок, — можжевельник растёт. Идите, наломайте веток.

Вспомнилось, как отец, побывав при дворе, рассказывал о королеве Элме. «Маленькая, миловидная женщина, — говорил он. — С приятными манерами и спокойным взглядом. И приказы отдаёт негромко, без нажима, но так, что и в голову не приходит ослушаться». Ула была высокая и статная, в глазах — огонь. Но приказывала так же, словно между делом. И ни у меня, ни у Джеда желания препираться не возникло. Сказала, что нужен можжевельник, — значит, нужен, и я на время постаралась выбросить из головы всё, кроме этого нехитрого задания.

На диво, это оказалось совсем не сложно. Тут, в Андирских горах, далеко от Велсинга, где остался злобный королевский маг, далеко от родительского дома, от пансиона и моего несостоявшегося престарелого жениха текла совсем иная жизнь, и жизнь эта манила и затягивала, заставляя забыть о проблемах. Верно, мне и впрямь лучше остаться с Улой…

Идти надо было через селение. По улицам? Мимо дворов? Ни того, ни другого не наблюдалось. Даже намёков не было на межу между домами. Где-то — грядки с овощами, где-то — высаженные вразброд фруктовые деревья. Как они разбирают, где чьё? Или не разбирают, и всё тут общее?

Джед шёл впереди. Попадавшиеся навстречу метаморфы приветствовали его короткими фразами или просто кивками, а мне доставались лишь взгляды: любопытные мужские и исполненные превосходства, насмешки и ещё чего-то, как будто… зависти? — женские. Это заставило задуматься о том, за кого меня принимают. Я даже хотела спросить об этом у сопровождавшего меня оборотня, но не знала, как к нему обратиться после всего, что высказала ему недавно, а когда наконец решилась, меня отвлёк выскочивший на дорогу забавный серебристо–серый щеночек: любопытная мордочка, глазки–бусинки, ушки торчком — прелесть! Я потянулась, чтобы погладить малыша, но обернувшийся в этот момент Джед резко перехватил мою руку и сердито рыкнул на щенка. Тот ощерился в ответ, отскочил и боком, боком, не забывая показывать зубки, скрылся за кустом барбариса, где и притаился.

— Никогда не трогай чужих детей, — строго сказал мне оборотень.

— Так это был ребёнок? — прошептала я ошарашено.

— А ты думала, кто? — сверкнул он клыками и протянул насмешливо: — Соба–ачка?

Если честно, то — да.

— Собак мы не держим.

— Не любите?

— Не мы их, — пожал плечами мужчина. — Они — нас. Боятся. Да и нужды нет.

— А что было бы, если бы я погладила того волчонка? — спросила я шёпотом, семеня за ним. — Этого нельзя, да? Какое-то оскорбление семье, или?..

— Кусаются они, мелкие, — со снисходительной улыбкой обернулся через плечо метаморф.

Я вспомнила зубки малыша, и гладить незнакомых щенков зареклась.

На крыльце большого каменного дома, стоял высокий широкоплечий мужчина в традиционном наряде: свободные штаны, длинная рубаха с вышивкой, такой же, как у моего спутника, черно–красный бахромчатый пояс. Увидев нас, он лениво кивнул и улыбнулся. Но улыбка, скорее хищная, чем вежливая, спряталась в густой чёрной бороде.

Джед ответил таким же мимолётным приветствием.

— Это — вожак, — пояснил он мне, когда дом и его хозяин остались за спиной.

— Твой дядя, да? У него ещё имя такое странное.

— Что странного в имени Бертран? — удивился оборотень.

— Бертран? А Ула говорила: «Бер–р …»… Какой-то Бер–р–р.

— Бер–Рэн, — понял мужчина. — Волки немного переиначивают имена. Чтоб удобнее было произносить в обеих ипостасях.

Всё у этих оборотней не как у людей! А со стороны глянешь — обычные селяне. Курочки у них, козочки…

— Как будто у людей не так, — снова прочёл мои мысли Джед. — Сана–Лисанна.

— Вообще-то — Лисси, — смутилась я. — Меня так дома зовут. «Сана» случайно получилось…

Но его правильное сокращение моего имени не интересовало.

— А «Джед» — это тоже сокращённо? — полюбопытствовала я.

— Нет. Это полное имя.

— А…

— А–а–а! — не заданный мною вопрос потонул в радостном визге.

С пригорка, широко раскинув руки, к нам неслась девочка лет четырнадцати. Из-под подола совершенно неприлично сверкали голые коленки, а в распущенных русых волосах запутались полевые цветы.

— Джед! — она кинулась на шею оборотню, буквально

запрыгнув на мужчину. Ещё и ногами обхватила.

— Дияра? — узнал он, вглядевшись в загорелое личико. — Как ты выросла!

Он с трудом оторвал от себя девчушку и поставил на землю.

— Красавица. Небось, от женихов отбоя нет.

Какие в её возрасте женихи? Но девочка хохотнула, закусив прядь волос, и лукаво сверкнула синими глазами:

— Отбиваюсь пока. Жалко, что ты вчера меня не дождался. Мы рыбу ловили, а когда пришла…

Она осеклась, наконец-то заметив меня.

— Яра, это — Сана, — представил меня Джед.

— Ага, — юная волчица стала напротив, подбоченившись, и оглядела меня с головы до ног. — А он тебе уже нож подарил?

Какой нож?

Оборотень за спиной Дияры быстро закивал.

— Нет, — честно ответила я, проигнорировав подсказку.

Девочка радостно улыбнулась.

— Это хорошо.

И, напрочь забыв о моем существовании, развернулась к мужчине. Они интересно смотрелись рядом: худенькая Яра была Джеду по грудь, но умудрялась глядеть на него будто сверху вниз.

— Приходи вечером к кострам, — пригласила она.

— Не знаю, как получится.

— Приходи, — в голосе прорезались требовательные нотки. — Я танцевать буду. Для тебя.

— Яра…

— Придёшь? — Казалось, ещё чуть–чуть, и в горло вгрызётся.

— Приду, — смирился мужчина.

Дияра бросила на меня уничижительный взгляд, задрала нос до небес и, непонятно с чего гордая собой, пошла обратно, на зелёный холмик, где её дожидались шушукающиеся подружки.

— Неужели так трудно было сказать: «Да»? — злым шёпотом спросил у меня Джед.

— Зачем?

— Хотя бы затем, что я об этом попросил.

До указанного Улой склона с можжевельниковыми зарослями путь от посёлка оказался неблизкий, и всю дорогу он глядел на меня волком. Если, конечно, это выражение применимо к оборотням.

— Да что там с этим ножом?! — взорвалась я. — Если в чем-то обвиняешь, то хоть объясни, в чем!

Будто у меня без его косых взглядов проблем мало.

— Ничего с ножом, — отмахнулся он.

— Так, — я остановилась и попыталась врасти в землю. —

Или говори, как есть, или я дальше не пойду.

— Хорошо. Раз так интересно…

Тон у него был такой, что я серьёзно задумалась: а интересно ли мне.

— Когда в наших семьях рождается мальчик, отец делает для него нож: либо сам, либо у мастера заказывает. После первой охоты волчонку этот нож отдают. Но без ножен. Ножны делают девочки, когда входят в возраст невест, лет в двенадцать–тринадцать. Шьют из кожи, украшают, кто как умеет. Потом… Ну, разные есть варианты. Парень может сам предложить девушке свой нож. Или она ему — ножны. Без свидетелей. Но в селении обычно принято делать это принародно, например, у костров во время танца. Девушка танцует, все видят, для кого. Потом протягивает парню ножны. Если он вставит в них нож… Это как бы символ… ну–у…

Понимаю. Недаром же лекарское дело изучала… Щеки вспыхнули, и я поспешно отвернулась.

— Это символ того, что она теперь его невеста, — закончил Джед. — Можно сказать, официальная помолвка.

— То есть, если бы я сказала, что ты подарил мне нож, Яра решила бы, что я — твоя невеста? — возмутилась я.

— А что, — хмыкнул оборотень, — тебе не привыкать. А ко мне бы не приставали незамужние девицы с заманчивыми предложениями. Если ещё не догадалась, я тут не последний жених.

Я фыркнула: а как же, первый парень на селе!

— Что-то я пока толпы соискательниц вокруг тебя не заметила.

— Вот именно, что пока. Сейчас Яра подружкам расскажет, те — своим подружкам. Весёлые будут танцы.

— Ничего, потерпишь. Зато обо мне не будут думать неизвестно что.

— Как раз теперь и будут…

— Что?!

— Ничего. Пошли, вон он, можжевельник. Только склон крутой. Ты лучше здесь постой, а я быстро…

Сбежать решил!

— Ну уж нет! — я решительно цапнула волка за рубаху. — Договаривай!

Оборотень стиснул губы, демонстрируя, что будет молчать и под пытками, но тут же махнул рукой:

— Ладно. Только без обид. И вообще, я не то имел в виду. Это у людей бы думали, а у нас никому и дела нет.

— До чего дела нет?

— До того, кто с кем что.

Как ни странно, но я подобную формулировку поняла и снова покраснела.

— А что им ещё думать? — мягко, словно ребёнку, пояснил Джед. — Пришёл в посёлок с какой-то девушкой. Живём в одном доме. У наших так бывает. Это… Нормально это, понимаешь? Нормально, если двое сами так решили. У людей осудят, у нас и слова не скажут. Ула вон, тоже с дедом жила без храмового благословения. Сама к нему пришла, сама от него и ушла, когда с духами говорить начала. И что с того? Волки её уважают. И отца моего — тоже. У нас он мог вожаком стать. А у вас был бы бастардом, рожи бы за спиной кривили. Потому что у вас условностей куча: законы, правила. А у нас всё по–простому.

— Как у зверей, — нашла я нужное сравнение. — Волки вы и есть!

— Нет, дэйни Лисанна, — ощерился оборотень. — Мы волки, но мы не звери. Знаешь, по каким законам живёт настоящая волчья стая? Знаешь, как у них решаются споры? А как поступают с больными и стариками? Старый волк не может охотиться и перебивается остатками чужой добычи. А когда он становится обузой, его изгоняют или убивают. В нашей стае всё не так. Старики не охотятся, но они окружены почётом и уважением. При делёжке им достаются лучшие куски, и никто и никогда не откажет немощному в помощи. У нас не бросают больных. Не оставляют на произвол судьбы осиротевших волчат. В этом мы намного лучше обычных волков. И людей, кстати, — тоже. И… Стой тут, я полезу, веток наломаю.

Назад возвращались молча.

Ула встретила на пороге, приняла из рук внука душистую охапку.

— Идите, к очагу садитесь.

Над огнём, наполняя дом дурманящим запахом, булькало в котелке темно–зеленое варево.

Присев на цветастое одеяло я кивнула в сторону сваленных у двери веток.

— А можжевельник зачем?

— Сгодится на что-нибудь, — пожала плечами шаманка.

— Но…

— Отдохнуть мне нужно было, — пресекла она очередной мой вопрос. — А вам — прогуляться.

Хорошо прогулялись, ничего не скажешь.

Джед

Известие о том, что виновник наших проблем — ищейка Вестранов Людвиг Менно, совершенно выбило меня из колеи. С этим дэем я встречался во время службы, к счастью, мельком, и так же вскользь был повторно представлен ему лет пять назад, когда ещё бывал при дворе. Не знаю, запомнил ли он меня, надеюсь, что всё же нет, но в моей памяти сберёгся и облик королевского мага, и безупречные манеры, а пуще прочего — рассказы о «подвигах» дэя Людвига, никак ни с этим обликом, ни с манерами не вязавшихся. Но в том, что эти рассказы не досужие выдумки, я не сомневался ни тогда, ни сейчас. Пропадали люди и волки, иногда целыми семьями, горели родовые замки, терялись старинные архивы… Нет, в наш просвещённый век, в нашей благословенной стране, с нашей доброй королевой и быть не могло каких-либо гонений, травли, казней без приговора суда… Но люди пропадали, а замки горели. Слава Создателю, не настолько часто, чтобы вызвать роптание верноподданных, но и не так редко, чтобы те утратили страх перед венценосным семейством, в настоящий момент состоявшим из несовершеннолетнего короля Дарена, в народе по–прежнему именуемого принцем, королевы–регента и её младшего брата герцога Вестранского. Приезд последнего в Лазоревую Бухту, как я теперь понимал, не случайно предшествовал смерти Виктории Солсети.

Ушлая красотка замахнулась так высоко, точнее обнаглела настолько, чтобы шантажировать самого Вестрана? Или — даже подумать страшно — его сестру? Оставалась, конечно, надежда, что на крючок попался сам Менно, это бы всё упрощало… ну, в определённой мере упрощало бы… Но, учитывая образ жизни сего достойного дэя, надежда эта вряд ли имела шансы оправдаться. И выходило, что вляпался я по самое… По самое–самое.

Полностью захваченный безрадостными мыслями, я безропотно стерпел устроенную Саной, но к счастью не переросшую в истерику, сцену с криками и лёгким рукоприкладством — заслужил, чего уж тут. Без особого интереса выслушал вернувшуюся от Паруни нэну, сообщившую о том, что ей удалось связаться с унери–кама во внешнем мире, и те пообещали передать весточку отцу и разыскать Унго. Не стал спорить, когда Ула отослала нас с лекаркой за можжевельником… Лишь встретив Яру, слегка вспылил из-за совершенно неуместного в сложившихся обстоятельствах приглашения на танцы, от которого дэйни Лисанна, будь на то её воля, могла бы избавить меня лишь парой слов, и как следствие, кажется, наговорил целительнице лишнего, из-за чего она до сих

пор на меня дулась. Но девичьи обиды меня сейчас тоже не занимали.

Устроившись в углу у низкого столика, я снова разложил перед собой злополучные бумаги. И снова не увидел в них ничего, что могло бы угрожать благоденствию правящего семейства. Патент был подлинным, письма невинны, блокнот пуст.

«А что, если это совсем не те документы, которые ищет Менно?» — промелькнуло в разгорячённом непривычно долгими размышлениями мозгу. Что, если те остались где-нибудь в Алвердо или на вилле баронессы Солсети, или в столичной квартире Виктории?

— Так всё из-за этих бумаг? — тихо подошла Лисанна.

— Да, — ответил я, хоть миг назад и усомнился в этом.

— Можно взглянуть?

Я пожал плечами, и девушка, сочтя это приглашением, опустилась на пол по другую сторону столика. Просмотрела письма, свиток, пролистала блокнот и растерянно захлопала длинными ресницами.

— Но это же ерунда какая-то! — прошептала она жалобно. — За такое не убивают!

— Скажи это Менно.

Сана испуганно вздрогнула и постаралась взять себя в руки.

— Хорошо. Давай ещё раз просмотрим? Вот эти письма…

Любовные письма некоего Н. Т. к дэйни Анне в Драмлин — очевидно, так называлось поместье, где она проживала, — казались мне самыми бесполезными из хранимых в шкатулке бумаг. Будь неведомый Н. Т. хоть трижды женат, шантажировать его этими посланиями не получилось бы.

— И времени прошло уже много, — целительница, в отличие от меня, обратила внимание на даты. — Почти семнадцать лет. Зачем хранить какие-то старые письма? Может… Может быть, в них скрыт какой-то шифр?

Видимо, читала княжна Дманевская не только любовные романы. Хотя её предположение заслуживало внимания. За неимением других версий.

— А дворянская грамота, по–твоему, к чему?

— Не знаю, — понурилась девушка. — Ты же у нас юрист.

— С юридической точки зрения это документ, подтверждающий дарование титула. Но его потеря ничего не изменит для хозяина: подобные патенты проходят регистрацию в королевских архивах, в храмовых книгах и в дворянских списках. Кроме того, обычно имеется несколько нотариально заверенных копий.

— Этот отпечаток — это же…

— Королевская длань, — подтвердил я. — Подобных документов очень мало. И владельцы их ценят. А ещё — коллекционеры. Знаешь, такие чудаки, собирающие старые книги и свитки, и готовые родовой замок заложить за перчатку Георга Третьего или панталоны Вильгельма Криворукого…

— Я знаю, кто такие коллекционеры, — перебила меня Лисанна. — Думаешь, Виктория собиралась продать патент одному из них?

— Возможно. Но он не такой уж древний.

Документу было всего двадцать лет. Подписал его покойный король Эдуард, скрепив подпись кровавым отпечатком своей ладони — символ того, что одарённый баронством дэй Алджис оказал неоценимую услугу короне и монарху лично. Предполагаю, спас жизнь: его величество славился способностью даже в мирное время попадать в опасные передряги. Три случайных ранения на охоте (два из которых он нанёс себе сам); несколько неудачных падений с лошади; шторм, застигший его в морском путешествии; лавина, сошедшая на его отряд в горах, тут неподалёку — это далеко не полный список. Эд Неудачник, так за глаза называли короля его подданные. Наверное, под этим именем он и войдёт в историю.

— Остался блокнот, — сказал я. — Возможно, он зачарован, но магии я не чувствую.

— Я тоже, — определилась, подержав в руках записную книжку, целительница. — Похоже, это просто старый пустой блокнот. Тут только теснение на переплёте, почти затёртое. Похоже на герб, или… — Она всмотрелась в еле видный оттиск. — Нет, не разобрать.

— Дай-ка, я взгляну. Похоже на птицу. Аист, кажется. Можно будет просмотреть списки геральдического общества.

Итак, что у меня есть? Выписанный двадцать лет назад патент, письма семнадцатилетней давности и блокнот, видимо, того же времени. Барон Алджис, Анна из Драмлина и загадочный Н. Т. Думаю, нужно попытаться отыскать кого-то из них, чтобы разобраться в этой истории. А пока мы с Лисанной раз за разом перечитывали письма, в каждом слове пытаясь увидеть таинственный шифр.

О времени вспомнили, лишь когда буквы стало сложно разбирать в сумерках.

— Темнеет, — откуда-то из глубины дома подала голос нэна. — На танцы-то идёте?

— Какие танцы? — отмахнулся я.

— Нехорошо выйдет. Яра уж по всему селению раззвонила, народу много придёт.

Ох уж эта Яра!

— Сходи, с тебя не убудет, — попросила Ула. — И мы с Саной пойдём поглядеть — где она ещё такое увидит? Интересно же?

Княжна закивала, с радостью отвлекшись от непонятных бумаг.

Действительно, почему бы не пойти? Последнее развлечение перед серьёзным делом. Дай то Создатель, чтоб не последнее в жизни.

Глава 11

Лисанна

Костры разложили на берегу озера. Пламя освещало широкую поляну и лица собравшихся тут оборотней, но почти не согревало: от воды тянуло сыростью и холодом. Волки как будто не ощущали этого, рассевшись прямо на земле, а я переминалась с ноги на ногу и жалась поближе к огню.

— Пойдём, найдём себе местечко, — потянула меня за руку Ула.

Джед уже сидел рядом с дядей, всем видом демонстрируя, насколько не рад здесь находиться. Бывало, кто-то из метаморфов приближался к нему, чтобы что-то спросить или просто поздороваться, и тогда мужчина отвечал сердитым рычанием, с ходу отбивая у собеседника желание дальнейшего общения.

Вожак Бер–Рэн тоже выглядел недовольным, и, очевидно, причиной его недовольства был устроившийся поблизости недружелюбный племянник. Несколько раз бородач делал Джеду замечания, но тот неизменно щерился в ответ…

— Ну, чего засмотрелась? — ткнула меня в бок шаманка. — Не налюбуешься никак?

Если я и покраснела, то вряд ли это было заметно в багровых сполохах огней. Да и не любовалась я ничуть — этим и без меня было кому заняться. Разогнав любопытных волчат, Ула усадила меня на одеяла в стороне от обозначенного кострами круга, и отсюда можно было хорошо рассмотреть всех собравшихся. Сразу бросалась в глаза стайка девушек, возглавляемая уже знакомой мне Диярой. Уж те-то разглядывали дэя Селана безо всякого стеснения, о чем-то переговариваясь и хихикая. Иногда взгляды юных волчиц обращались ко мне, и хихиканье сменялось громким вызывающим смехом.

— Вот свиристелки! — добродушно усмехнулась шаманка. — Лишь бы позубоскалить им. Ты только в голову не бери.

— И не думала, — пробурчала я.

Но обида уже прокралась в сердце. Мало того, что я попала в неприятнейшую историю, так теперь ещё вынуждена буду терпеть насмешки целого волчьего посёлка, где меня неизвестно за кого принимают.

Оглядевшись, я заметила, что смотрят на меня не только девушки. Многие из мужчин тоже поглядывали с любопытством. И, признаться, их интерес был даже приятен… Я смущённо отвела

глаза, когда какой-то молодой волк, перехватив мой взгляд, проворно вскочил с травы и учтиво поклонился. Наверное, один из тех, кто большую часть жизни провёл среди людей, от которых и перенял приличные манеры. А в горное селение, видимо, приехал к родственникам.

Выждав время, я вновь взглянула на юношу, уже увлечённого разговором со своим соседом, пожилым седовласым метаморфом. Да, я знаю, что девушке не престало глазеть на незнакомых мужчин, но тут же не город, тут, как говорил Джед, всё по–простому — так почему бы этим не воспользоваться? Заинтересовавшему меня оборотню на вид было не больше двадцати — то есть, он вполне мог оказаться моим ровесником. Тёмные вьющиеся волосы до плеч обрамляли тонкое, но вместе с тем мужественное лицо, на котором ярко блестели, отражая пламя костров, чёрные глаза. В правильных чертах не было ни толики звериной грубости, присутствовавшей в облике большинства метаморфов: прямой нос, смоляные, изящно изогнутые брови, мягкая линия рта. Когда он вставал, чтобы приветствовать меня, я успела заметить, что незнакомец довольно высок и неплохо сложен…

Юноша вдруг обернулся, и я поспешно перевела взгляд на Яру с подружками. Те на меня сейчас не глядели, и можно было получше рассмотреть их самих. Сразу я не обратила внимания и лишь теперь заметила, что одеты девушки не в обычные платья, вроде того, что было на мне, а в расшитые цветами блузы и широкие яркие юбки — в таких, верно, танцевать удобнее. Распущенные по плечам волосы волчиц украшали ленты в цвет широких бахромчатых кушаков. Я уже поняла, что цвет лент и пояса указывает социальное положение метаморфа в стае, и не знаю, о чем говорит зелёный или синий, но у вожака, Джеда и Улы ленты были красные. Как и у Дияры.

— А хороша девка, — хмыкнула шаманка, проследив за моим взглядом. — Шебутная больно, но с этим уж, видно, ничего не поделаешь — норов такой. Бер–Рэн в своё время ремня не жалел, а всё одно не переломал.

— Яра — дочка вожака? — поразилась я.

То есть, девочка приходилась Джеду двоюродной сестрой и, тем не менее, вполне серьёзно, как мне показалось, рассчитывала получить от него нож со всеми вытекающими отсюда последствиями. И это у них тоже нормально? Люди подобные связи осуждали, браки разрешались лишь между троюродными, и то — с высочайшего позволения самого отца–предстоятеля…

— Приёмыш она, — в одно слово разъяснила ситуацию Ула. — Бер–Рэну от женины родни досталась: была у них одна… Всё в

ваш мир рвалась, к людским вашим радостям. Вот и нарадовалась. Вернулась уже с дитем: дочку — вожаку под дверь, а сама — с обрыва в реку…

Громкий смех и оборвал невесёлый рассказ шаманки. Что-то сказав подругам, Яра вступила в очерченный кострами круг. Прошлась неторопливо, подметая широким подолом землю и вдруг резко крутанулась на месте, отчего юбка распустилась пышным цветком и взметнулась вверх, на миг открыв любопытным взорам стройные девичьи ноги. Вот бесстыдница!

Я посмотрела на вожака: бородач насупился, но смолчал. Сидевший рядом Джед вообще глядел в сторону.

Робко звякнул и тут же умолк бубён.

Ещё одна девушка, статная красавица с синими лентами в длинных светлых волосах, вошла в круг, гордо — с чего бы только? — задрав нос, прошествовала мимо Яры, едва не толкнув ту плечом. Остановилась в трёх шагах, обвела взглядом притихших волков и, подобрав юбку, с задорной улыбкой отбила босыми ногами неслышный мне, но тут же подхваченный музыкантами ритм… И замерла. И лишь когда появилась третья девушка, я догадались, что это какая-то игра: юные волчицы в шутку бросали друг другу вызов, предлагая посостязаться в танце.

— Эх, совсем ничего не умеют. Ну ничего, сейчас мальчишки покажут, как надо.

Стоило Уле проговорить это, как уши заложило от протяжного свиста, и в круг ворвались четверо парней. Девушки с визгом кинулись прочь, а молодые волки, в одном из которых я узнала встречавшего нас в день прихода сына вожака, подгоняли их грозным рыком.

Игра продолжилась, но теперь уже с новыми действующими лицами. Парни не разменивались на полунамёки и ужимки: толкались по–настоящему, замахивались друг на друга короткими, до блеска отполированными палками — такая была у каждого — и сталкивались, ощерив клыки.

— Теперь веселее будет, — порадовалась шаманка.

— Угу, — согласилась я, обхватив себя за плечи.

— Замёрзла? — поняла Ула. — На вот, погрейся чуток.

Она протянула мне оплетённую лозой флягу. С опаской принюхавшись, я уловила лишь сладкий аромат цветочного мёда. Мёд был и на языке, когда я отхлебнула немного, но в желудке сладкий напиток обернулся огнём, и по телу прошла волна тепла.

— Не увлекайся только, — предупредила волчица.

Но я уже увлеклась другим: то, что должно было перерасти в драку, неожиданно превратилось в танец. Дикий, странный, но всё-таки танец. Молодые оборотни так же бросались друг на

дружку, но теперь их движения были подчинены темпу зазвучавшей громче музыки. Удары сопровождал звон бубнов, прыжки и перебежки подначивали весёлый гудок(1) и губные гармошки, а встречавшиеся в шутливом бою палицы стучали сами по себе, но невероятным образом вписывались в общую мелодию.

Сделав ещё несколько глоточков, чтобы как следует согреться, я наблюдала схватку сына Бер–Рэна и невысокого плечистого юноши, подпоясанного зелёным кушаком. Сначала волки, быстро переставляя ноги, кружились, намертво сцепившись взглядами. Потом в ход пошли палки, но никто из парней не пропустил ни удара. Помню, я наблюдала как-то тренировочный бой сабельщиков: такие же быстрые движения, замахи и выпады… Но то был бой, а это — танец. «Зелёный» метаморф отскочил назад и, разбежавшись, прыгнул на противника, но тот пригнулся и с кувырком прокатился по земле и него под ногами и тут же вернулся назад, кувыркнувшись ещё раз, теперь уже в воздухе. Сцапал своего соперника за грудки и ловко перебросил через себя, но «зелёный» не упал, а мягко приземлился на ноги и «затанцевал» к обидчику, подзывая того рычанием и жестами: а ну–ку повтори!

Я отпила ещё немного медового напитка и поглядела на вторую пару оборотней. Те тоже отстукивали палицами, перепрыгивали друг через друга, катались по земле, вертелись в воздухе…

— Хей–ра! — неожиданно выкрикнул один из танцоров, подняв над головой палку.

— Хей! — послышалось справа от нас.

Молодой метаморф, тот самый, что недавно привлёк моё внимание, ловко поймал брошенную ему палку и в несколько прыжков оказался в центре круга. Мне показалось, что костры при этом всколыхнулись, и огонь стал как будто ярче.

Новичка обступили все четверо.

— Ох, что будет, — с предвкушением потёрла ладонь о ладонь Ула.

Гудок и гармошки умолкли, остался лишь бубён: размеренные, выжидающие удары…

— Хей! — окружённый юноша вскинул руку.

Пламя костров взметнулось вверх, и к звёздному небу устремилась тысяча ярких искр. Я икнула от неожиданности, но тут же успокоилась: невелика невидаль — я так тоже могу… Наверное.

А вот всё, что происходило дальше, я вряд ли бы повторила. Темноволосый волк в быстром танце играючи раскидал противников, причём те забыли о красивых прыжках и

переворотах, и остался один на освещённой огнём площадке. Затем неспешно пошёл по кругу: два шага вперёд, один — назад, шаг вперёд — разворот, три шага вперёд… Я сбилась, отсчитывая шаги и пытаясь уловить ритм его движений, а оборотень тем временем двигался всё быстрее и быстрее, подбадриваемый бубном и громкими хлопками зрителей. Один за другим ярко вспыхивали костры, выбрасывая ввысь снопы искр, и через несколько минут юноша сам уже превратился в огненный вихрь, кружась в бешенном темпе…

У–уф… Я зажмурилась, чувствуя, что сейчас и голова закружится от такого зрелища, но долго высидеть с закрытыми глазами не смогла. К счастью, оборотень стал постепенно замедляться, аплодисменты стали тише, а бубён и вовсе смолк, и заканчивал свой танец волк уже в полной тишине, снова вернувшись к размеренному, неторопливому шагу.

Остановился он ровно напротив Бер–Рэна. Прижал ладони к груди и коротко поклонился вожаку. Тот снисходительно кивнул в ответ:

— С возвращением, унери Рик.

Унери? Шаман? Ну тогда понятно.

Продолжая прислушиваться к разговору, я отхлебнула ещё немножко из фляжки.

— Приветствую тебя, брат, — обратился молодой метаморф к Джеду. — Верно, неспроста нас в одночасье потянуло на родину предков.

Мне почудилось, что в этой фразе скрыт какой-то намёк.

А этот шаман очень… э–э–э… мил. Очень мил, да. Я снова пригубила медового напитка. И Джед — тоже…

— Разве волку нужна причина, чтобы вернуться домой? — спросил тот, поднимаясь навстречу Рику — я же правильно расслышала? — и протягивая руку.

Мужчины по–дружески обнялись и ещё о чем-то говорили шёпотом, а потом Джед громко, чтобы все слышали, произнёс:

— Задержись здесь, когда все разойдутся, славный унери. Соберёшь осколки девичьих сердец, которые разбил твой танец. Утром дети придут на озеро, не дело, если кто-то поранится.

— Задержись тогда и ты, брат, — усмехнулся шаман. — Когда я сюда пришёл, этот берег уже был усеян осколками.

Ну оч–чень милые. Оба.

А напиток Улы такой вкусный…

Джед

Нэна не говорила, что Рик в посёлке. Может, и сама не знала. Но я был рад увидеть его тут — единственная, пожалуй, радость за весь вечер.

Юный унери был не из стайников: его предки давным–давно поселились среди людей, и на склонах Ро–Андира уже забыли их имена, когда у некоего провинциального дворянина, женившегося на молоденькой волчице, родился необычный наследник. Малыш пугал родителей и нянек, беседуя подолгу с геранью на подоконнике, и подговаривал домашних кошек на шалости, устраивал дождь, если не хотел идти гулять, или ветер, чтобы стрясить яблок с дерева. Когда мальчику исполнилось семь и от него сбежал очередной гувернёр, кто-то из заезжих метаморфов посоветовал его родителям отвезти ребёнка к Уле. С тех пор каждое лето Ричард Энсоре проводил в доме наставницы–виери и по–прежнему устраивал маленькие безобразия, теперь уже в компании её внука. То есть меня. Я тоже приезжал на лето в родной посёлок отца, и благодаря малявке Рику (он был младше меня на четыре года) скучать тут не приходилось.

— Слышал, ты по Тропе пришёл, — шепнул шаман, с позволения вожака устроившись рядом со мной. — Второй раз уже. Молодец.

— Ула амулет дала, — так же тихо отмахнулся я от похвалы.

— Амулет? — ухмыльнулся Рик. — Думаешь, есть такие амулеты?

— Есть. — Я вытащил из-за ворота отполированный кусочек дерева.

— Ха! Я таких сотню вырежу, но пройдёт всё равно только тот, кто знает и верит.

Дядька Бертран сердито рыкнул в нашу сторону, и Рик умолк. Правда, ненадолго.

— Говорят, ты нагишом притащился и с девицей, — подмигнул он мне. — Почти как я. Только я одеться успел. И девицу решил не брать — а то ещё подумает, что это свадебное путешествие.

У Ричарда вот уже лет десять не бывало проблем, кроме как из-за женщин. И сегодня я ему в этом завидовал.

— Так та рыженькая с Улой — твоя? — продолжал выпытывать он.

— Не моя, — сразу расставил я всё по местам. — Дейни — травница, будет жить у нэны какое-то время.

— Какое совпадение, — протянул Рик, мельком обернувшись на Лисанну, — я тоже планирую задержаться. Может быть, даже надолго…

Стоило, наверное, разъяснить этому пылкому юноше кое-что

начет княжны Дманевской, но не сейчас, когда дядька уже устал корчить злобные рожи на наши перешёптывания, а сам Рик отвлёкся на вернувшихся в круг девушек. Ну–ну, пусть полюбуется. Дождётся, что одна из них всучит ему перед всем селением ножны… Впрочем, унери не станет голову ломать, как отказать красавице и не навлечь на себя гнев её родни: в случае чего откроет Тропу — и был таков. А вот я всерьёз нервничал, что Яра осуществит свою угрозу. Потому демонстративно на танцующих волчиц не глядел: пусть сразу поймут, что меня их прелести, как и прелести семейной жизни, не интересуют. Авось пронесёт.

Лисанна

Признаться, после залихватской пляски волков, а тем более после танца молодого шамана появление девушек впечатления не произвело. На меня — уж точно. Ну, танцуют… Красиво… наверное. Кружатся, то быстро, то медленно. Развеваются длинные волосы и широкие юбки…

А меня что-то разморило: всё же поздно уже, а я не метаморф, между прочим, я в это время уже сплю обычно…

И от мельтешения девиц в глазах зарябило, и костры теперь видятся яркими оранжевыми пятнами… А Джед на танцовщиц не глядит. И на меня тоже…

Зато Рик смотрит. И на меня тоже…

И я смотрю… Как вам не стыдно, дэйни Лисанна! А и не стыдно совсем…

— Ох, хороша!

Я приосанилась, насколько можно было, и только потом поняла, что восклицание Улы относилось не ко мне: в круг снова вошла Дияра. Разогнала соперниц по краям. Взмахнула руками, хлопнула звонко в ладоши — так что с меня враз слетел сон… И Джед впервые за весь вечер посмотрел на девушку, именно на эту. Но тут же отвёл взгляд…

Я ожидала, что Яра повторит свою дерзкую выходку, но нет — юная волчица медленно и плавно поплыла мимо костров. Мягкие, скользящие движения. Грация и женственность. Казалось, она стала вмиг лёгкой, как пёрышко, и летела теперь под нежную песнь свирели, едва касаясь ногами земли…

— Хороша, — повторила шаманка. — Жаль, не на того парня глаз положила. Но, если постарается, вот прямо сейчас ножны ему даст… Бер–Рэн рядом сидит, сыны его. Нет, случается, конечно, то девка ножен не даст, то парень не примет. Но обычно-

то заранее сговариваются. А если вот так, как снег на голову?

Снег! Хочу снег на голову! Ух, голова моя, головушка…

— Ведь даст же! — всплеснула руками Ула. — Последняя она осталась. Кончится музыка, в круг никто больше не выйдет — тогда и даст.

— А если кто выйдет? — спросила я. Так, из любопытства.

— Тогда повременит пока. А там, может, случится что-нибудь, да забудет…

Интересно, что такого может случиться, чтобы девушка забыла о том, что собралась замуж? Даже не знаю.

Глядя, как плывёт над землёй, завораживая взгляды своей красотой, невесомое пёрышко–Яра, я пригубила уже почти опустевшую фляжку…

Джед

На девушек я старательно не смотрел, но, когда в круг вышла Яра, не сдержался. Всё же подросла девчонка с тех пор, как я в последний раз был в Ро–Андире. Ещё и как подросла! В свои пятнадцать уже красавица, а года через два… Ох, неладно что-то с этими танцами: то и дело мысли неправильные в голову лезут. Мне камень искать, с Менно что-то решать нужно, а я пригрелся тут у костров, словно какой-нибудь… Рик.

У шамана разве только слюнки не текли, когда глядел на танцовщиц. Ещё и на Лисанну посматривал украдкой — везде успевал!

Но унери хорошо: на его свободу тут никто не покушается. А я сидел как на иголках, ожидая конца танца и молясь Создателю, чтобы отчаянная девчонка не осуществила всё же свою задумку. Испортит ведь вечер! Будут потом и слезы, и разговор «по душам» с вожаком. Мелочь вроде бы, но всё равно приятного мало. Ну не дурочка ведь, должна понять, что не стоит позориться и меня позорить перед всем селением.

Музыка стихла и я с опаской поднял глаза на замершую в центре круга девушку. Нет, с «не дурочкой» я поторопился: Яра, подобрав подол, неспешным шагом направилась к нам. Её движения казались продолжением танца — та же лёгкость и грация — но у меня не было ни малейшего желания любоваться действом, в котором мне уже отведена незавидная роль…

— Кхе–кхе, — послышалось из-за спины волчицы.

Яра, сбившись с шага, растерянно остановилась и оглянулась туда, куда уже были направлены взгляды всех присутствующих.

— Можно? — с извиняющейся улыбкой спросила неизвестно

как попавшая в круг Сана. — Ну… Всё же танцуют? А я люблю танцевать… Честно! Я в пансионе занималась по часу в день в балетном классе…

Сказать, что я был удивлён — ничего не сказать: взъерошенное рыжее недоразумение в наигранном смущении теребило подол и при этом строило глазки Рику. И это — добропорядочная девица, воспитанная в строгости!

— Ну я… Можно? Ой… — Добропорядочная девица пошатнулась, и до меня дошло, что она попросту пьяна.

Нэна в ответ на мой сердитый взгляд развела руками.

— Можно, — с косой ухмылкой разрешил дядька Бер–Рэн именно в тот самый миг, когда я уже хотел вскочить на ноги, чтобы увести незадачливую лекарку подальше отсюда. Ещё и на меня рыкнул: сиди, мол, не рыпайся!

И тут я окончательно понял, что пропал.

Может, вожаком Бертран был и не лучшим, но плохим отцом его никто не назовёт: за детей, что родных, что приёмных, глотку перегрызёт. Хоть в прямом смысле, хоть вот так, как сейчас… Понял матёрый, что дочурка удумала, и чем это обернётся, смекнул. А тут и дейни Лисанна, на мою беду, на месте не усидела. Так что не опозорится Яра перед стаей — другие кандидаты найдутся…

— Танец! — громогласно объявило моё персональное несчастье. — Вам понравится.

Последнее заявление прозвучало как угроза, и я обхватил руками голову, пожелав оказаться где-нибудь на Тайлубе. Увы, исполнять мои желания Создатель не торопился.

Девушки, подначиваемые отошедшей к ним Ярой, уже открыто хихикали, когда, хм, скажем так, слегка нетрезвая княжна попыталась изобразить какую-то классическую фигуру. Чудом не упав, она исполнила несколько неловких па и недовольно сморщила носик, поняв, что длинное прямое платье сковывает движения и подходит для танцев. Но это лекарку не остановило: в следующий миг личико её посветлело от пришедшей на ум мысли, Сана подобрала подол до колен… И как замечательно было бы, если бы она этим ограничилась! Но нет же! Эта неизвестно за какие грехи посланная мне кара вцепилась тонкими ручками в украшенный вышивкой кант и с неожиданной силой с треском разорвала крепкую ткань, к немалому восторгу Рика и ещё как минимум десятка волков, отреагировавших хлопками и свистом, до середины бедра обнажив стройную ножку. Правую, но это не имело никакого значения — теперь я мечтал о Землях Вечного льда.

Дэйни Лисанна оценила свой обновлённый наряд и снова

нахмурилась, остановив взгляд на туфлях — единственном, что осталось от её городской одежды. Туфли были, видимо, не слишком удобными, и княжна решила от них избавиться. С резким взмахом ноги левая улетела в сторону озера, а правая, судя по болезненному вскрику, угодила кому-то в лоб.

— Вот даёт! — выдохнул восхищённо унери.

Да–а… И это она ещё танцевать не начала.

Стоило мне подумать о танце, и он не заставил себя ждать. Сана сделала несколько шагов, пробуя босыми ногами землю, оступилась, неловко взмахнула руками и замерла, прикрыв глаза. Я тоже зажмурился и закрыл лицо ладонями, не желая быть свидетелем этого позора. А Рик — я ему это припомню! — захлопал в ладоши, подбадривая дэйни Лучше–Бы–Нам–Не–Встречаться.

Когда хлопающих стало много больше, а смешки вдруг стихли, я не выдержал и решил взглянуть… И уже не смог отвести взгляда.

Сана шла по кругу. Не скользила, как до этого Яра, не вышагивала, отбивая подошвами чёткий ритм, как ещё до них молодой шаман, — совсем не так и в то же время и так и этак. В её движениях замысловато сплелись женская грация и задор молодецкой пляски. Девушка то притопывала на месте, то, делая шаг, приподнималась на носочки и кружилась, широко раскинув руки. Ступала дальше и томно поводила плечами, посылая кому-то лукавую улыбку, и тут же разворачивалась, невысоко подпрыгнув, и легко отбегала в сторону. Крутилась на одной ноге, пока вторая мелькала в импровизированном вырезе платья, и снова возвращалась к размеренному шагу. Её странный танец не имел определённого темпа, ритма… да и смысла, пожалуй, тоже. И всё же это было дивное зрелище.

— Не твоя, значит? — не сводя с Лисанны глаз, уточнил Рик, но я пропустил его вопрос мимо ушей.

Интересно, только я вижу, что длинные волосы танцующей девушки развеваются на ветру языками пламени, и то, как вспыхивают при её приближении костры, отправляя в небо россыпь золотистых искр? И, сдаётся мне, это ещё не всё, на что способна моя горе–магесса.

Я огляделся: большая часть присутствующих просто следили за этой странной пляской, с удивлением, восхищением, ревностью… Но от меня не укрылось, как насторожился вожак и прищурилась выжидающе Ула.

Наверное, пора снова хвататься за голову.

— Ой, что творит! — прошептал сидевший рядом унери. — Она же… Она?.. — Рик уставился на меня со страхом и

недоверием.

— Угу, — подтвердил я хмуро.

Да, нарушил заветы предков, притащил в селение людского мага. И что? Меня теперь ждёт изощрённая казнь или обойдёмся общественным порицанием?

— Ну ты и вляпался, брат, — покачал головой шаман.

— Не представляешь, насколько.

Сана уже волчком вертелась по кругу — быстрый огонёк в окружении других огней. Зрители отбили ладони, музыка не поспевала за ней… И вдруг девушка остановилась, взмахнула руками, и пламя костра за её спиной, в миг став стократ ярче, взметнулось к ночному небу.

Ну все…

— Хей–ра! — высоко подпрыгнув прямо с места и кувыркнувшись в воздухе, Рик влетел в круг.

Костры приветствовали унери, выбросив высоко вверх огненные языки и окружив молодого волка роем искр.

— Хей! — И золотой вихрь подлетел к замершей перед шаманом девушке, разметал волосы и игриво приподнял разорванный подол, враз отвлекая внимание зрителей.

Если повезёт, и предыдущие вспышки отнесут на счёт шалопутного шамана. Тогда я до конца жизни буду в долгу перед Ричардом Энсоре. Что, учитывая все обстоятельства, может оказаться не таким уж долгим сроком.

Вновь вспомнив Менно и постоянно ускользающий из моих рук алмаз, я отвлёкся и какое-то время не замечал происходящего в круге. Обвёл рассеянным взглядом любующихся зрелищем стайников и вздрогнул, натолкнувшись на хищный оскал вожака. Угроза мешалась с насмешкой, выражение чёрных прищуренных глаз не предвещало ничего хорошего.

Насмешка читалась и во взглядах сыновей Бертрана. И Яра хмыкнула, демонстративно сплюнув себе под ноги, и отвернувшись.

А Ула, когда я поглядел на неё, постучала по лбу и скосила глаза на танцующих.

Да, они танцевали. Сана и Рик — теперь уже вдвоём, и на это стоило посмотреть. Шаман волков и магесса–человек кружились в волшебных сполохах пламени, то сходились, то расходились, охваченные жарким сиянием, и казалось они сами были источником этого жара — так сияли их лица и горели глаза, столько огня было в каждом движении… Только отчего вместо того, чтобы наблюдать, затаив дыхание, этот чудесный танец, стайники то и дело косились в мою сторону, скалился дядька Бер–Рэн и строила страшные рожи нэна?

А–а–а… Понимание пришло с ещё одним презрительным взглядом Яры. Давно же я не появлялся на землях предков, слишком долго пробыл в мире людей. Это у них танцы — всего лишь танцы. А здесь всё происходящее в круге — ещё одно отражение жизни. И сейчас в глазах стаи наглый смазливый унери уводит у меня подругу, женщину, которую я привёл в посёлок и с которой жил под одной крышей с благословения своей нэны и по совместительству виери–кама…

Рик, приятель, извини, но действительно как-то некрасиво получается.

Рывком вскочив, я попытался повторить шаманский прыжок с кувырком — выйти нужно было эффектно… Ну и повторил. Тяжело приземлился на ноги, отбив пятки, и явственно услышал, как в спине что-то хрустнуло. Ох, стар я уже для таких штучек.

На всякие там коленца не разменивался, подошёл и за шкирку оттянул красавца–унери от не на шутку разошедшейся княжны, поймал потянувшиеся ко мне руки: Лисанне без разницы было, с кем отплясывать. И без разницы, что. А я бы сейчас полжизни отдал за начищенный паркет и размеренный вальс. Но чего нет, того нет…

— Хей–ра! — Рик оторвал меня от девушки, утончённое лицо виконта Энсоре на миг вытянулось в оскаленную морду, и щёлкнули перед моим носом клыки. — Р–решил играть по правилам? — прорычал он. — Так игр–рай!

Вот щенок! Лет десять назад он у меня на раз из круга вылетал, несмотря на свои шаманские фокусы. Думает, я его сейчас не выбью?

Поймав брошенную кем-то из «сочувствующих» зрителей палку, я нежно огрел друга детства по тому месту, в котором у него прочно засело шило. А в следующий миг едва успел увернуться, чтобы не получить в лоб такой же палицей: сочувствовали, как выяснилось, не только мне.

— Хей!

— Хей–ра!

Память подсказывала забытые движения, тело уже уловило ритм плясовой. Подбадриваемый рокотом бубна, хлопками и криками стайников, я вспомнил парочку старых трюков, ещё раз приласкал унери палкою и поймал за голень метившую мне в грудь ногу приятеля. Как в старые добрые времена? Рывок, толчок — и Рик летит на радость стайникам через мою голову. Не оборачиваясь, знаю, что он опустится ровно на руки, покрасуется так с секунду, оттолкнётся, и приземлится уже на ноги за моей спиной…

— Хей–ра!

Я перехватил его руку, но унери оказался быстрее: выкрутился, бросился мне под ноги, подхватил… И теперь уже я порадовал зрителей красивым полётом и эффектным приземлением… на зад. Ох… Похоже, кто-то тут нарывается!

Не знаю, сколько ещё времени мы с Риком увлечённо «отплясывали», но я определённо уже почти побил этого красавчика, когда он неожиданно пропустил удар. Что-то за моей спиной отвлекло шамана настолько, что он даже закрыться не подумал. Я обернулся и застыл на месте, а сердце провалилось куда-то в желудок: оказывается, пока мы с унери «выясняли отношения», предмет нашего спора заскучал, и в отсутствие обоих кавалеров прекрасная княжна развлекалась, как умела. Уж не знаю, что она делала до этого, но сейчас Сана прыгала через костёр. Туда–сюда, туда–сюда. И всё бы ничего, если бы высокое пламя, через которое девушке никогда не удалось бы перемахнуть, само услужливо не расступалось бы перед ней.

— Ударь меня и забирай её отсюда! — прошипел Рик.

— Как скажешь, брат.

Совсем не в духе танца съездив виконите Энсоре кулаком в лицо — надеюсь, лишь вскользь, — я развернулся, поймал в очередной раз перепрыгнувшую костёр Сану, подхватил на руки, покружил немного на потеху публике и вышел из круга. Не останавливаясь и ни на кого не глядя, зашагал в сторону посёлка: всем спасибо за внимание, бой окончен, победитель уносит свою добычу в логово.

Правда, до логова, точнее до дома Улы, я Лисанну не дотащил. Остановился на полпути, поставил девушку на ноги и перевёл дух. Сходил, называется, развлёкся.

— Дже–ед, — княжна самым неприличным образом повисла у меня на шее. — Я хорошо танцую?

— Очень, — ответил я, почти не покривив душой.

Рыжее несчастье довольно улыбнулось и неожиданно выдало:

— Подари мне нож, а?

— Кхе–кхе… — Предупреждать надо! — Сана… Ты извини, но ножа у меня с собой вообще-то нет…

— Ну и ладно, — пожала плечами лекарка. — У меня и ножен никаких нет…

Хвала Создателю! А то я уж подумал…

— А ты меня тогда… поцелуй, вот!

— Сана…

— Поцелуй! — потребовала княжна.

Не мог же я отказать девушке? Тем более молодой и красивой? Тем более в такой просьбе?

Её руки лежали у меня на плечах, я нежно обнял её за талию,

привлёк к себе, поймал отблеск луны в лукавых, подёрнутых пеленой хмельного тумана глазах, потянулся к ней… И с размаху получил лбом по носу! Пошатнулся, едва поймал обмякшее девичье тело, и всё же завалился на спину, прямо в колючие заросли барбариса. Ругнулся сквозь стиснутые зубы… А дейни Лисанна лежала на мягком мне и мирно посапывала.

Глава 12

Джед

Когда я, выбравшись из колючек, кое-как дотащил дейни Поцелуй–Меня–Если–Жить–Надоело к дому нэны, Рик уже был там. Сидел у тлеющего очага, задумчиво теребил какой-то веничек из трав.

— Объяснишь, что всё это значит? — спросил он, кивнув на сгруженную мной на лавку княжну.

— Это значит, что нельзя игнорировать предупреждения Судьбы, — ответил я, тяжело пыхтя. — И если некая девица польёт тебя уксусом, а после надумает намазать ореховым маслом, сие есть верный знак, что от этой девицы нужно держаться подальше.

— Весело живёшь, — хмыкнул унери. — И всё же?

Я неопределённо покачал головой: рассказывать Ричарду обо всех перипетиях своего знакомства с княжной Дманевской я не собирался. Парень он, конечно, неплохой, и сегодня помог… вернее, пытался, но именно из-за этого и не стоило. Хватит того, что Сану непонятно во что втянул. И после зажигательных во всех смыслах танцев ей вряд ли позволят пересидеть опасность в посёлке, как я рассчитывал. Придётся искать моей непутёвой лекарке другое убежище. Если только не случится чуда.

— Как думаешь, нэна сумеет заговорить дядьке зубы?

— Зубов у вожака полон рот, — напомнил Рик, — и на тебя парочка давно имеется. Но, быть может, виери справится.

— Размечтались! — раздался звонкий насмешливый голос. В дверях стола, подбоченившись, Яра. — Батя в Озёрное послал, за унери, чтобы поглядели на твою плясунью. И дедко Мир по селу с пищалью бегает.

— А Мир тут при чем? — растерялся я: по мне, и озёрских унери хватило бы.

— Уй! — закусил кулак виконт Энсоре. — Это, кажется, по мою душу.

— Не, не по душу, — «успокоила» его Дияра. — Он тебе кое-что другое отстрелить грозится.

— Ты когда пришёл? — поинтересовался я у побледневшего шамана.

— Сегодня, ближе к ужину. Хотел у виери остановиться, как всегда, но мне сказали, что у неё уже ты с подругой квартируешь, вот я к Миру и попросился.

У старого волка Редмира было три дочери…

— Только к ужину явился и уже успел… хм… И уже успел?!

— Долго ли умеючи? — пожал плечами Рик. — Но Мир-то откуда узнал? И именно сейчас?

— А ты подумай, — усмехнулась Яра. — Может, ты не ту девушку на танец пригласил?

— Вот дуры ревнивые! — унери в сердцах стукнул кулаком по полу и вскочил на ноги.

— Дуры? — переспросил я ошалело.

Приятель раздражённо махнул на меня рукой, подбежал к двери и с опаской выглянул наружу. Не знаю, что он там увидел, но это что-то ему не понравилось.

— Всё, я пропал, — запаниковал он. — Позор. Смерть… Хуже, чем смерть! И я, единственный сын Энрике Энсоре…

— Сыну Энрике Энсоре давно пора начать думать головой, а не тем местом, за сохранность которого он сейчас так волнуется! — Ула вошла в дом, оттолкнув с дороги нерадивого ученика. — Как ты виери собираешься стать?

— Я? — опешил Рик. — Я не собираюсь.

— Что? — нэна сняла со стены бубён и от души стукнула воспитанника по темечку. — Не собирается он! Я, мальчик мой, не вечная. И на кого я стаю оставлю?

— На кого? — спросил унери и снова получил бубном.

— Я сколько лет на тебя, горюшко, потратила? Думаешь, зачем?

— Зачем?

Бумс!

Похоже, Рик ещё не понял, что задавать лишние вопросы наставнице сейчас чревато.

— Нэна, — отвлекая шаманку от игры на риковой голове, вклинился я в разговор. — А что там? Что дядька?

— Дядька? — Бэмс! От моего лба звук получился немного другой. — Лютует дядька. Ты зачем людского мага в селение притащил?

— Нэна, я же…

Бэмс!

— После таких танцев только дурак не поймёт про твою Сану!

— Я-то в чем виноват? — отбежав и прикрыв руками голову, выкрикнул я. — Это же не я её напоил и в круг выпустил!

Бэмс! — всё же настигло меня возмездие. Яра, о которой с приходом Улы все забыли, весело рассмеялась.

— Не виноват? — накинулась на меня нэна. — А как положено к вожаку прийти, невесту представить, чтоб ни себя, ни

её не позорить?

— Какую невесту?!

— Это… ик… я! — помахала ручкой очнувшаяся княжна.

— Молчи уже, демон в юбке! — вызверился я на «суженую».

Бэмс!

— Виери… — нерешительно вступил Рик.

Бумс!

— Виери, что нам делать?

— Что делать, что делать… Уходить вам надо. Тропу откроешь?

— Тропу? — просиял молодой шаман, отчего-то сам не подумавший сразу о таком решении. — Тропу открою!

— Ну и вперёд, — нэна всучила ученику бубён. — Погоди только минутку.

Она расстелила на полу скатерть, ту самую в которой я заявился в селение, быстро обежала дом, хлопая крышками ларей, шурша бумагами и звеня монетами, и за минуту, не больше, собрала в тугой узел какую-то одежду, еду и, как я надеялся, деньги.

— На вот! — сунула она мне в руки какой-то конверт. — Потом поймёшь.

— Нэна, ты же обещала меня к Унго вывести.

В мире людей без верного тайлубийца мне не обойтись.

— Сам выйдешь. Рик песню затянет, а ты рядом будь, об Унго своём думай, представляй его — так и выйдешь.

Ула помогла Сане подняться с лавки, обняла девушку, расцеловала в обе щеки — её, не меня!

— Ты присмотри за моими мальчишками, — попросила она рыжее чудовище.

Присмотри! Это ещё кто за кем…

— Возвращайтесь.

Нэна подтолкнула ко мне полусонную лекарку, и в тот же миг нас закружил зелёный вихрь. В нос ударил запах сосновой хвои, а в ушах уже звучала шаманская песня.

Ликуй, о, Великий Предок, дети твои идут по Тропе…

В этот раз песнь оказалась на диво короткой. Я опомниться не успел, как лежал на траве, под звёздным небом, а на мне, привычно шмякнувшись сверху и больно ткнув локтем под ребра, расположилась дэйни Лисанна. Создатель предвечный, за какие такие грехи?

— Прошли! — радостным шёпотом возвестил Рик. — Мы прошли!

— Какое счастье, — вздохнул я, когда шаман, снял с меня недоразумение по имени Сана, и бережно прислонив оное к

деревцу, помог мне подняться.

— Да–а, — протянул приятель, вдыхая воздух свободы. — Здорово. Всегда мечтал, чтобы виери дала мне свой бубён, — улыбнулся он, прижимая к груди подарок.

— Бубном, — поправил я.

— В бубён! — хихикнула не желающая трезветь княжна.

Хоть кому-то здесь весело.

— И где мы? — спросил я у шамана.

— Не знаю. В каком-то саду. — Рик сорвал с ветки большое яблоко и с хрустом надкусил. — Где-то между Велсингом и Депри… М–м… Вкуснота какая, только попробуй!

— Не хочу.

— Дэйни? — виконт Энсоре галантно предложил княжне надгрызенное яблоко, и та в силу своего состояния не побрезговала.

— И правда, вкусно, — сообщила она, сочно хрумкая. И вдруг выдала: — Усадьба Мэвертон. Самые вкусные яблоки в Вестолии.

— И самые злые собаки, — упавшим голосом закончил Ричард, тоже откуда-то наслышанный об этом месте.

Я не был уверен, что Сана не ошиблась в выводах, а испуг Рика меня попросту позабавил.

— Мы ведь не боимся собак, брат?

— Этих? — унери прислушался к далёкому пока лаю. — Этих — боимся! Вестранские волкодавы!

— Что? — не поверил я: кто доверяет охрану сада этим зверюгам.

— Дёру! — как в детстве заорал Рик, вмиг отобрал у Лисанны недоеденное яблоко, зашвырнул в траву, сунул девушке бубён, подхватил её саму на руки и бросился туда, где между деревьев виднелась высокая ограда.

Даже налегке я едва поспевал за ним.

— Давай! — кивнул он мне на забор.

Бросив вперёд себя узел, я перемахнул на ту сторону.

— Лови! — прокричал мне шаман, и над забором, радостно ухнув, взлетела княжна Дманевская.

— Поймал! — отрапортовал я несколько преждевременно, но в следующее мгновение действительно поймал… и, как и ожидалось, растянулся на дороге, нежно придавленный расплывающейся в счастливой хмельной улыбке лекаркой. Ну сколько же можно!

— Уф! — Рик приземлился рядом. — Пронесло.

Он отобрал у Саны бубён, поднялся с земли и отряхнулся.

— И куда дальше?

— Тут дилижансы ходят, — опередила меня с ответом

Лисанна. — Можно до города доехать.

— Пешком пойдём, — решил я, встав на ноги и разминая всё чудом не сломанное и не вывихнутое.

— А я тоже хочу на дилижансе, — послышалось со стороны.

Мы с Ричардом, одинаково ошарашенные, развернулись на голос: у обочины, подтянув к подбородку колени, сидела Яра.

Волчьи пляски вылились во что-то непонятное: мало было Лисанны, так ещё и Бертранова дочурка на мою голову!

Только Рик удержал меня от того, чтобы не придушить увязавшуюся за нами настырную девчонку.

— Верни её, — приказал я. — Немедленно.

— Не получится. Ближайшие пару дней я на Тропу не выйду.

— И что теперь делать? — взвыл я.

— Потом разберёмся, — постановил шаман.

Откладывать все серьёзные дела на потом, очевидно, было его жизненным кредо, а мне не хотелось спорить. Тёплый угол и хоть часок тишины — таков был предел моих мечтаний в этот поздний час

А за «углом» нужно было топать до города, так как дилижансы в это время вряд ли ходили.

Дияра дорогой не проронила ни слова, развесёлая княжна напротив говорила без умолку, а потом вдруг заснула на полуслове и прямо на ходу — унери едва успел поймать её, чтобы не упала, и дальше героически нёс на руках. В связи с этим шансы дойти до города хотя бы к утру значительно уменьшились.

— Впереди жильё, — повела носом Яра, остановившись примерно через полмили. — Может, туда свернём?

Рик согласился, а я только рукой махнул. Правда, уже у самых ворот небогатого, одиноко стоявшего посреди поля дома, принял у приятеля спящую девушку, доверив тому переговоры с хозяевами.

— Кто такие? — недовольно пробурчал выглянувший на стук детина.

— Бродячие комедианты, — не промедлил с ответом досточтимый виконт Энсоре, поиграв перед глазами мужика бубном. — Отстали от труппы, догоняем теперь. Пустите на ночлег, добрый дэй. В накладе не останетесь.

— Комедианты? — переспросил хозяин, впрочем, без недоверия: на кого ещё мы были похожи? — А девки с вами…

— Актрисы! — ввернул Рик, пока человек не сказал чего нелестного о наших спутницах. — Дэйни Дияра — отважная метательница ножей, и дэйни… Лауренсия — неподражаемая исполнительница экзотических танцев. — Имя «Сана» приятель счёл неподходящим для чудо–танцовщицы. — Час назад дала

последнее представление и очень устала

— Экзотических… — отодвинувшись подальше от метательницы ножей, растянул мужик, не сводя масляных глазок с обнажённой ножки «дэйни Лауренсии», сладко спавшей на моих руках. — Ну проходите что ли. Только в дом не пущу, у меня там жена… К–хм. Семья, говорю: жёнка, дети — самим места мало. На сеновал ступайте. Но плата вперёд!

Сеновал, вернее то, что им несправедливо назвали, не стоил отданного Риком грасса: хлипкий сарайчик и тощая кучка сухой травы. Но я был рад и этому.

Ещё бы перекинуться и выспаться нормально!

— Не нужно, — предупредил мои намерения приятель–унери. — Вдруг хозяин заглянет? Зачем пугать доброго человека?

И то правда.

Кое-как разместив на сене девушек, — Яра без споров устроилась рядом с так и не просыпавшейся княжной — мы с Риком легли по краям. Я выбрал сторону Саны, не потому, что хотел быть поближе к лекарке, а для того, чтобы держаться подальше от хищно поглядывавшей на меня волчицы.

Вспомнил о конверте, который дала мне нэна, вытащил из-за пояса, развернул. Звериного зрения хватило, чтобы прочесть послание, адресованное дэйне Урсуле Леймс. Его содержание не стало для меня новостью, но бросилась в глаза сделанная Улой приписка.

— Ох, нэна, — вздохнул я тихо.

Спрятал письмо, перевернулся на бок и уснул.

Не знаю, сколько времени длился мой сон, но разбудила меня тяжесть прильнувшей к плечу девичей головки и скользнувшая под рубашку рука.

Оказалось, Яра перебралась через тихо сопящую целительницу, отпихнула ту поближе к Рику и умостилась на моей груди. Мало её дядька Бертран порол!

Я скинул с себя бесстыжую девчонку, дождался пока смолкнет недовольное сонное мычание, и от греха подальше перебрался поближе к двери. Представил себя в волчьей шкуре, свернулся на земляном полу и снова уснул

Лисанна

Мне снился удивительный сон: круг огня, чужие незнакомые танцы, красавец–шаман в золотом сиянии тёплых искорок. А потом я сама танцевала, ведомая странным, неведомым доселе чувством…

Ясная ночь, раскинувшая над головой звёздный шатёр. Отблеск пламени в глазах стоящего передо мной мужчины. Звенящая тишина после радостного гама. Руки, обнимающие меня с нежностью.

— Джед, — прошептала я и, пользуясь тем, что это всего лишь сон, прижалась к нему сильнее.

— Рик, — поправил он.

— Рик, — согласилась я, обнимая его за шею.

Не совсем так, как было в моем сне, но тоже хорошо.

Его губы легко коснулись моих…

— Рик?! — я открыла глаза.

— Я так и сказал, — усмехнулся волк, на котором я практически лежала.

Создатель всемогущий, это не сон!

Джед

Проснулся я от истошного женского визга. Тут же вскочил и едва не был сбит с ног ринувшейся к двери Лисанной. На счастье лекарка затормозила в шаге от меня, опять взвизгнула и бросилась в обратную сторону.

Возможно, она так и носилась бы кругами по небольшому сараю, не найдись в углу ведущая наверх лестница. И в следующие полчаса мы с Риком гадали, как снять некстати проснувшуюся и ещё более некстати протрезвевшую Сану с ветхой крыши, чудом не проломившейся под ногами девушки.

— Плачет она там, — радостно сообщила взобравшаяся на лестницу Яра. — Горько так. Говорит, что она — падшая женщина и позор семьи. А что такое «падшая женщина»?

— Точно не Сана, — уверил я наглую девчонку. — А ну спускайся оттуда!

— И не подумаю. Тут интересно. Вот! Теперь она причитает, что ни один порядочный человек её не то что в жены, даже в содержанки не возьмёт.

— У порядочных людей не бывает содержанок, — проворчал я себе под нос.

— Да? — удивился моим словам Рик. — Жаль.

— А теперь она в монастырь собирается! — Счастью Дияры не было предела. — Потому что все глазели на её ноги.

— Глазели? — прокричал я нарочито громко в надежде, что на крыше меня услышат. — Никто и не думал. Ричард, ты глазел на её ноги?

— Конечно, нет! — подыграл мне шаман. И добавил тише: —

Хотя было на что.

— Помолчите там, — шикнула на нас Яра. — Не разобрать ничего… О! О–о? Убивается из-за того, что с Риком целовалась…

— Что? — строго воззрился я на унери. — Ты её целовал?

— Почти, — сознался тот.

— Почти? — усомнился я.

— Ну… почти почти. Ты лучше думай, как будешь доставать своё сокровище, а не то на самом деле получим сейчас падшую женщину. И падёт она одному из нас на голову.

Я даже догадывался, кому именно: не верилось, что в этот раз Создатель обделит меня милостью своей.

— Слезай! — прикрикнул я на Яру. — Немедленно.

Обернулся к насторожённо поглядывающему на потолок Рику.

— Прогуляйтесь пока оба… Да хоть вокруг сарая. Мне нужно сказать Сане два слова.

— «Будьте моей женой»? — с ухмылкой предположил шаман. — По–моему, это единственное, что может её сейчас успокоить — спасёшь её доброе имя и всё такое…

— «Будьте моей женой» — уже три слова. А я приготовил лишь два. Уведи Яру, пожалуйста.

Дождавшись, пока Рик утащит сопротивляющуюся девушку «на прогулку», и убедившись, что они отошли достаточно далеко, я осторожно поднялся по шаткой лесенке, выглянул на крышу и, как и обещал унери, негромко сказал всхлипывающей княжне два слова, заставившие её позабыть обо всех этих глупостях вроде разорванного подола, плясок у костра и поцелуев.

Всего два слова:

— Людвиг Менно.

Лисанна

Ула обо мне не забыла, дала с собой новое платье взамен рваного, и, переодевшись, я почувствовала себя немного лучше. Совсем немного: голова болела, желудок скрутило в узел, тело бил озноб, а стоило вспомнить все подробности минувшей ночи и пробуждения, и меня бросало в жар. Но Джед прав, всё это мелочи в сравнении с нависшей над нами опасностью.

— Обуви, извини, нет, — вернулся он от хозяйского дома к скамейке под липой, где я присела подальше от Рика и невесть как оказавшейся здесь Яры. — Хотел у хозяйки башмаки купить, но у неё ножища — у мужа и то меньше.

— Ничего страшного. Мне… Мне и так… — Как я ни

старалась, голос срывался на жалобный плач.

— Доберёмся до города и купим тебе новые туфли, — закончил метаморф. — И платье, самое красивое. Шляпку, чулки, перчатки — что там ещё нужно прекрасной дэйни?

Он говорил со мной ласково, как с ребёнком, и от этого ещё больше хотелось разрыдаться, но я смогла взять себя в руки.

— Благодарю вас, дэй Джед, но туфель вполне хватит.

Волк посмотрел с недоумением, прищурился, словно искал шутку в моих словах, а поняв, что я вполне серьёзна, вздохнул.

— Не стоит всё усложнять, дэйни Лисанна. Но если такова ваша воля…

Я всё же всхлипнула и замотала головой:

— Нет. Прости, я…

Всё так перепуталось в эти несколько дней, что я уже и не знала, как должна себя вести, что говорить и что делать. На миг подумалось даже, насколько проще было бы мне оставаться послушной дочерью, вернуться после выпуска в Уин–Слитт, выйти замуж…

— Я могу понести тебя до дороги, — предложил мужчина. — А там дождёмся какой-нибудь повозки, чтобы ты не сбивала ноги.

— Спасибо, но это не обязательно. — Я покраснела и отвела взгляд. — Мне не в новинку ходить босой.

— Да? — заинтересовался Джед, опускаясь на скамью рядом, и я смущённо отодвинулась на краешек. — И часто сиятельная княжна устраивает прогулки в селянском стиле?

— Каждое лето, когда бываю дома. Папа родом из Селстии, приехал в Вестолию лишь за два года до моего рождения, и порядки в поместье такие же, как были у него на родине — всё по–простому…

— Как у нас, — усмехнулся волк.

— Не как у вас. Совсем. — Я по–прежнему не смотрела ему в глаза. — Но крестьяне не удивляются, когда встречают на лугу босоногую княжну.

Как прекрасно было бы оказаться сейчас там! Но тот страшный человек, если он придёт за мной, если придёт в наш дом, то будет… как с Мартой…

— Ты дрожишь. — Джед обнял меня, и я задрожала ещё сильнее. — Всё ещё нездоровится?

— Да, немного, — пролепетала я, в который раз заливаясь краской стыда. Такта дэю Селану не занимать, но подоплёка вопроса была очевидна: в одиночку опустошённая мной фляжка Улы и последующее неподобающее поведение. — Скоро пройдёт.

Я перехватила рассерженный взгляд наблюдавшей за нами со стороны Яры и будто невзначай сбросила со своего плеча его

руку. Но оборотень разгадал мой манёвр, фыркнул и снова обнял, заставляя повернуться к себе.

— Сана, послушай, — начал он негромко. — Это действительно скоро пройдёт — я имею в виду твоё болезненное состояние. Но я не хочу, чтобы ты продолжала изводить себя ненужными мыслями. Ночью всё было… замечательно. Честно. И танцевала ты чудесно.

— Не напоминай, пожалуйста.

— Ты чудесно танцевала, — повторил мужчина, вопреки моей просьбе. — И никто из видевших это никогда не подумает о тебе дурно. Напротив. Может быть, даже… — Он вдруг улыбнулся, словно задумал какую-то шутку. — Может быть, в Ро–Андире появится новая легенда о прекрасной девушке, победившей в танце юных волчиц и завладевшей сердцами многих волков в один вечер. И матери будут рассказывать детям перед сном, как племянник вожака и славный унери сошлись в поединке за сердце красавицы… А когда встретишь достойного человека, женой которого согласишься стать, можешь и ему рассказать эту легенду: пусть знает, какое сокровище ему досталось.

Джед

Рик предложил своё решение Саниной проблемы с обувью: дорвал платье, в котором лекарка танцевала у костров, и пустил его на онучи, плотно обмотав тканью стопы девушки. Пока дэй Энсоре занимался сим благим делом, княжна краснела и бледнела попеременно и с облегчением вздохнула, когда шаман наконец оставил в покое её ноги.

Меня же больше волновала Яра.

Так уж сложилось, что мы с Бертраном были не в лучших отношениях. Дядька многого не мог простить нашей семье: и того, что Ула заняла место его покойной матери в сердце деда, и рождения моего отца, и того, что именно его, Рэйка, младшего сына, появившегося на свет без благословения Создателя, прежний вожак в открытую звал своим преемником… Очень многого. От дядькиной «любви» перепало и мне, просто так, по наследству. Пока дальше насмешек и поддёвок не шло, но то ли ещё будет, если Бер–Рэн обвинит меня в похищении дочери. Нет, поймёт конечно, что Дияра сама виновата — девчонка она всегда была с норовом да с причудами — но шанса отыграться, боюсь, не упустит.

А как выкрутиться ещё и из этой ситуации, я пока не знал.

До города добрались без проблем и довольно быстро: по

дороге попалась крестьянская телега, и возница не отказался нас подвезти, даже денег не взял — в качестве расплаты… то есть платы, пришлось слушать рассказ мужика об урожае подсолнечника, окотившихся кролях и бабе–стерве. Зато доехали прямо к дверям трактира, в котором я когда-то провёл два дня, зализывая раненную и обожжённую уксусом ногу.

Остановившись под прогнившей шильдой, Рик почесал в затылке и обернулся ко мне:

— Надеюсь, ар–дэй Леймс не откажется ссудить старому другу пару сотен грассов? Не хотелось бы коротать время в этом клоповнике, когда тут, наверняка, есть приличная гостиница.

Несколько странное заявление после ночи на сеновале, но дело даже не в этом.

— Не думаю, что ты найдёшь что-то получше, — покачал я головой. Городок, так и оставшийся для меня безымянным, вряд ли изобиловал подобными заведениями. — Но дэй Селан с удовольствием угостит виконта Энсоре обедом и оплатит ночлег.

— Селан? — переспросил шаман. — И… давно?

— Третий год. Долгая история.

Слишком долгая. Однажды сорвавшись на поиски алмаза, я рассчитывал управиться в несколько дней, а не хватило и нескольких лет. Но я не собирался рассказывать о своих проблемах Ричарду. Главное он уже понял: моё прежнее имя осталось в прежней жизни — Джед Селан к вашим услугам. Даже отец уже привык и не путается, подписывая конверты с редкими письмами: так они скорее настигнут адресата и не затеряются в пути, разыскивая запропавшего где-то завсегдатая светских приёмов, картёжных клубов, винных погребков и дамских спален Джеда Леймса. Что при этом думал мой почтённый родитель, оставалось секретом, моих свобод он не ограничивал никогда и ни в чем, но с недавних слов Улы я знал, что его тревожила моя «безответственность», и он имел планы моего возвращение на путь истинный…

— Так идём? — Подтолкнул меня Рик: я выпал на несколько минут из реальности, размышляя, насколько чужие замыслы не вяжутся с моими, и как это может осложнить жизнь.

— Идём. Дэйни, прошу вас.

Задумчивая едва ли не больше моего Лисанна и Яра, безуспешно пытавшаяся всё это время испепелить не замечавшую её княжну взглядом, прошли в распахнутые двери трактира. Я сразу же взял комнаты, пока две с двумя кроватями в каждой, хоть и предполагал, что девушки не захотят провести ночь вместе — по крайней мере, одна из них. После, как и обещал Ричарду, заказал обед.

На меня в одночасье навалилась куча проблем, среди которых новые туфли для Саны были наименьшей, но я и с этим не готов был справиться. Разузнал у трактирщика адрес сапожника, но был сразу предупреждён, что мастер в городке на данный момент всего один, готовых изделий не держит, а заказ выполняет не меньше чем за седмицу. Тут же опустились руки.

На счастье, Рик оказался проворнее — купил у одной из служанок старые деревянные башмачки, самолично отмыл их с мылом, высушил и преподнёс в подарок босоногой княжне. Лисанна зарделась, словно унери предложил ей кольцо с бриллиантом, а в придачу — руку и сердце, но дар приняла.

Что ж, одной проблемой меньше.

А от остального хотелось бежать, сломя голову.

Злополучные бумаги нэна не забыла, сунула в узел вместе с вещами и деньгами, но не хотелось к ним даже прикасаться, не то что снова голову ломать над их смыслом. Алмаз был где-то далеко, в лучшем случае в сейфе маркиза Ликона, в худшем успел опять сменить владельца, но, судя по моему самочувствию, не угодил повторно к гранильщику, и пока я решил удовольствоваться этим. Сана и Яра? Девушек не мешало куда-нибудь пристроить, в идеале — вернуть любящим отцам, но в случае с первой я опасался за её жизнь, а со второй — уже за свою.

Ричард пытался отвлечь меня от моих бед, рассказав о собственных. Оказалось, унери сбежал в Ро–Андир в момент, когда одна его пассия почти застукала его с другой. Кроме того ещё две девицы страстно желали затащить его к алтарю, а отец подбросил третью кандидатку. Многие родители схожи как в своём стремлении осчастливить наследников, так и в методах достижения сей благой цели, и в чем-то они, должно быть, правы. Я сказал об этом шаману, чем неожиданно ввёл приятеля в состояние полного уныния. Его хандра передалась и нашим спутницам, не желавшим остаться наедине в своей комнате, а оттого оккупировавшим после обеда наши с Риком кровати, забившись по углам и не глядя друг на друга. Продолжать разговор при девушках было уже невозможно, и мы с унери сперва перешли на какие-то общие темы, а после и вовсе умолкли. Так мы и просидели до вечера все вчетвером, в молчании, в тоске, в полнейшей апатии…

Когда за окнами почти стемнело, взбодрившийся виконт Энсоре вспомнил об ужине, и я вызвался спуститься в общий зал и сделать заказ. Хоть что-то… Но чувство у меня было такое, что завтрашнего дня, окажись он таким же тоскливым и полным безысходности, я уже не переживу.

Лишь один человек мог помочь мне прийти в себя, вернуть надежду и заставить взяться за дело, и этот человек…

— Унго!

Тайлубиец — надеюсь, именно он, а не плод моей воспалённой фантазии — вошёл в зал, раскланялся с трактирщиком, сгрузил на пол у одного из столов саквояж и раздутый кофр и приблизился ко мне.

— Доброго вечера, дэй Джед, — поздоровался он так, словно отлучался всего на час. — Как ваши дела?

— Прекрасно, друг мой! — возликовал я, не удержавшись от того, чтобы обнять чернокожего великана, кажется, впервые со времён своего детства. — Теперь уже прекрасно!

Замечательно было и то, что мы встретились внизу, и теперь можно было в ожидании заказанного на всю компанию ужина, присев за столик в углу, поговорить без свидетелей.

Нэна не обманула: сказала, что выйду к Унго, так и случилось. Правда, когда мы с Риком и Саной уже перебрались через забор усадьбы Мэвертон, тайлубиец ещё добирался сюда на перекладных из Велсинга. Почему именно сюда?

— Мне было всё равно, куда ехать, дэй Джед. Лишь бы подальше от этого человека.

Не дождавшись меня в ту ночь, Унго пошёл к дому Саны и узнал в спускавшемся с крыльца дэе Людвига Менно. Потому и не обратился ни в велсингскую стражу, ни, хвала Создателю, к отцу. А на следующий день в городе стало известно, что некий шаман метаморфов убил пожилую служанку, похитил её хозяйку и ушёл по Тропе.

— Менно с ума сошёл, выдвигать такие обвинения? — прошептал я ошарашенно. — Шаман–убийца — в каком свете это выставит стайников? Королева, покойный король и Вестранский дом всегда поддерживали союз с детьми Снежного Волка…

Сейчас я говорил почти как отец. Раньше и в голову не пришло бы, что мои похождения могут вылиться в политический скандал… Так раньше у меня и похождений таких не было. А в бумагах — испепели их Мун! — и верно что-то серьёзное, раз Менно рискует подобными вещами.

— Не волнуйтесь, дэй Джед. Велсингское представительство общины метаморфов сразу же выдвинуло протест и он был удовлетворён королевским судьёй. Пройти по Тропе, как известно, может любой из ваших сородичей… согласно легенде. Так что…

— Но они по–прежнему считают, что убийца — волк, — понял я.

— Да. И у них есть имя: Джед Селан. Вы ведь так назвались в

гостинице. Но, мне кажется, дэй Людвиг знал это имя и раньше.

— Ещё с Лазоревой Бухты, — подтвердил я. Хорошо, что новости ещё не докатились сюда, а в трактире не нужно записываться книгу прибытия, как было бы в гостинице, о которой мечтал Рик. — Всё, как положено? Листовки с портретом и суммой вознаграждения за поимку?

Отец с ума сойдёт, если увидит хоть одну!

— Нет. Портрета у них нет.

Правильно, Менно видел меня сразу же после обратной трансформации — даже память мага не сохранит лица недавно перекинувшегося волка. Значит, если Вестранский палач и помнил меня по прежним годам, Джед Селан для него никак не связан Джедом Леймсом. Но Джед… Уж больно редкое имечко…

— Вас обвиняют в двух убийствах и похищении, — подвёл итог Унго. — В похищении дэйни Лисанны Дманевской.

В этом уточнении скрывался вопрос, и я готов был на него ответить. Но прежде мне самому хотелось кое-что разъяснить.

— В двух убийствах? — переспросил я. — И кто моя вторая жертва?

— Эван.

Я стиснул зубы. Менно превзошёл сам себя: добродушная стряпуха и безобидный чудаковатый старик–маг. Дальше начнёт душить младенцев?

Но было ещё кое-что. Эван помог открыть мне шкатулку — да. А ещё ему было известно о камне. Впервые упустив алмаз, я приехал в Велсинг к знакомому по столичной жизни чародею, удалившемуся на покой в провинцию, чтобы он разъяснил мне, как возможно было привязать мою жизнь к бездушному бриллианту. Когда тот же камень вновь привёл меня в этот город, я порадовался, что старик не сменил места жительства — он помог мне с подготовкой к визиту в дом Лён–Лерронов… Ещё один невиновный человек, которого я втянул в эту грязную историю. Чудак–маг погиб из-за меня. А перед тем, как убить его, Менно наверняка вытянул из него всё, что тот знал обо мне. Для Эвана я всегда был просто Джедом, и моё настоящее имя так и осталось для дэя Людвига тайной. Но нужно ли ему имя, если теперь он может просто найти алмаз?

— Возможно, старик и не сказал о камне, — угадал мои тревоги Унго. — Он многое забывал в последнее время.

— Возможно, — повторил я, цепляясь за хрупкую надежду.

Заказав чарку жжёного вина, выпил за упокой Эвана и Марты и насколько можно было коротко рассказал тайлубийцу, каким образом Милисента Элмони превратилась в Лисанну Дманевскую, чего хотел от нас обоих Людвиг Менно, как мы с Саной ушли по

Тропе и как весело провели время в Андирских горах, вследствие чего оказались в этом трактире в компании сумасбродной девчонки и любвеобильного шамана.

— О, значит, виконт Энсоре и дэйни Корделия тоже здесь?

— Кто? — растерялся я.

— Виконт Ричард Эмилио Энсоре, — терпеливо принялся разъяснять Унго, — ваш старый приятель, друг детства и ученик дэйны Урсулы, вашей досточтимой бабушки. И дэйни Корделия Дияра Леймс — ваша кузина.

— Корделия! — хлопнул я себя по лбу. Как только Унго держит в памяти полные имена всех моих знакомых и многочисленной родни? — С Корделией, приятель, отдельная беда.

— Я ожидал бы больших бед от дэя виконта, — улыбнулся тайлубиец. — А дэйни Корделия, когда лет пять назад приезжала с родителями к вам в усадьбу, была очень милой девочкой. Уверен, она такой и осталась.

— Угу, — буркнул я раздражённо. — Мила — сил моих нет.

— Вы со всем разберётесь, дэй Джед. А сейчас не пора ли нам подняться к вашим друзьям? Я скажу, чтобы ужин принесли в комнаты, и приду. Тут кое–какие ваши вещи, — кивнул он на свой багаж, — пара рубашек, панталоны, дорожный костюм, белье. Возможно, что-то подойдёт и дэю виконту — вы с ним были примерно одного сложения, как я помню. Надеюсь, он не налегал эти годы на сладкое? Я так же позволил себе купить новое платье и туфли для дэйни Лисанны. Предположил, что после прогулки по Тропе, её наряд может пострадать…

— Унго, ты — волшебник!

— Я лишь делаю свою работу, дэй Джед.

Он немало обидел бы меня этой фразой, будь она сказана серьёзно. Но я видел тепло и участие в больших чёрных глазах и притаившуюся в уголках пухлых губ улыбку.

— Спасибо, дружище. Я никогда с тобой не рассчитаюсь… Но буду очень стараться.

Идти вперёд Унго я не стал, дождался, пока тайлубиец распорядится насчёт ужина, и наверх мы поднялись вместе.

В ожидании моего возвращения друзья поневоле развлекались во всю: дэй Ричард Эмилио Энсоре раскачивался на стуле, дэйни Корделия заплела не голове десяток косичек и теперь пыталась уложить их в какую-то сложную причёску, а княжна Дманевская сидела на кровати, подобрав ноги и, судя по всему, считала цветочки на украшенном вышивкой подоле… если только не намеревалась к радости Рика разорвать ещё одно платье.

— Чёрный человек! — радостно завизжала Яра и в следующий миг повисла на Унго. Что ж, для него, наверное, она всё же осталась милой девочкой. Хотя и меня, помнится, встречала подобным образом, а после устроила это представление у костров.

— Доброй ночи, дэйни Корделия. — Тайлубиец аккуратно поставил Яру на пол и повернулся к унери: — Рад видеть вас, дэй Ричард.

Шаман помахал рукой, продолжая расшатывать трактирную мебель, а Унго уже обратился к смущённо слезшей с кровати Сане. Сначала раскланялся со всей церемонностью, которую только позволяло тесное помещение, и почтительно произнёс:

— Счастлив познакомиться с вами ещё раз, дэйни. Для меня большая честь приветствовать будущую графиню Гросерби.

От неожиданности я выронил саквояж, который взялся помочь донести, Сана сделалась белее мела, а Рик рухнул на пол вместе со стулом. За спиной удивлённо икнула Яра. Ох, Унго, не считал бы я тебя своим другом…

— Не стоит торопить события, — выговорил я, приходя в себя. — Дэйни Лисанна пока не получала предложения от ар–дэя графа и, естественно, не давала своего согласия. Речь, как я помню, шла лишь о смотринах. Сана тебе… Унго привёз некоторые вещи, посмотри, пожалуйста. Возможно, захочешь переодеться к ужину, раз уж тот задерживается…

Следовало во что бы то ни стало выпроводить княжну из комнаты и разъяснить кое-что дорогой кузине и дэю виконту, смотревшим на меня со смесью неверия, удивления и священного ужаса.

Глава 13

Лисанна

Я была рада увидеть Унго, но его обращение, ввергло меня в состояние шока.

Правда, не настолько, чтобы не заметить, как отреагировали на слова тайлубийца остальные, и не понять, что Джед под благовидным предлогом попросту выставил меня за дверь.

— Всё куплено в лавке готовой одежды, дэйни, — отчитывался Унго, проводив меня в соседнюю комнату, где он аккуратно разложил на кровати простое светло–голубое платье и поставил на пол рядом атласные туфельки в тон наряду. — У меня верный глаз — ошибаюсь редко, но если что-то не подойдёт, скажите.

— Да–да, обязательно. Но я уже вижу, что обновки придутся впору. Спасибо.

Однако после его ухода я занялась отнюдь не примеркой. Меня безумно интересовало, о чем Джед станет говорить с Ярой и Риком. И пускай подслушивать — занятие недостойное, но и обман ничуть не лучше. А я не без оснований полагала, что меня обманывают или же утаивают от меня нечто важное, что в данном случае — суть одно и то же.

К сожалению снятые дэем Селаном, вернее дэем Леймсом, комнаты разделяла не только стена (стены в подобных заведениях таковы, что через них не только слышно, что твориться в соседнем номере, но иногда и видно): тут меж номеров втиснулся зачем-то узкий проход, упирающийся в маленькую дверку — очевидно кладовку для швабр и веников.

Но я нашла выход. Окна в тёплую летнюю ночь были распахнуты, и, если выглянуть наружу, можно было уловить обрывки чужого разговора. Я слышала, как несколько раз называлось моё имя и, кажется, имя престарелого графа Гросерби, но больше, увы, ничего было не разобрать.

Хотела уже отойти от окна, как заметила, что старое бревенчатое здание трактира на уровне второго этажа обегает своеобразный карниз — толстая деревянная балка выпирала из стены, сколько я видела.

Милая моя Милисента! Помнится, ты упрекала меня в недостаточной смелости и говорила, что мне недостаёт дерзости, которую я, к слову никогда не считала и не считаю добродетелью. Что бы ты сказала сейчас, увидь, как я, подобрав подол, вылезла в

окно на карниз и, прижавшись спиной к стене, сделала несколько аккуратных шажков в сторону интересовавшей меня комнаты?

К счастью, окна выходили на заброшенный и неосвещённый задний двор, и можно было не бояться, что меня кто-то заметит. Осторожно ступая босыми ногами по шершавой балке, продвинулась ещё немного и остановилась, прижавшись к стене.

- …твои шутки, Рик, сейчас неуместны! — услышала я голос Джеда.

— Я и не думал шутить, — серьёзно отвечал унери. — Поверь, тебе в данной ситуации я могу лишь посочувствовать.

— Вот, опять! — вспылил дэй Леймс.

— Да нет, я лишь представил, что будет, если о твоих… ваших с княжной совместных похождениях станет известно дэю Эрику.

— Надеюсь, что не станет. В любом случае после того, как всё закончится, она вернётся домой…

— И никто не припомнит тебе… хм, хотя бы тех же танцев? Ты слишком наивен мой друг. Дэй Эрик, насколько я знаю…

— Хватит мне угрожать, — прорычал Джед негромко, но так, что у меня мурашки пошли по коже. — И закончим этот разговор: Сана может прийти в любую минуту. И впредь — Унго, тебя это в первую очередь касается — я не хочу ничего слышать о графе Гросерби, особенно в присутствии княжны, а так же о помолвках и женитьбах. Если, конечно, Рик, речь пойдёт не о твоей свадьбе. Всем ясно?

— Как скажешь, брат, — спокойно согласился шаман.

— Не беспокойтесь, дэй Джед, этого больше не повторится. — Просто увидела, как тайлубиец виновато опустил глаза.

— Яра?

— Я буду молчать, — со злой насмешкой проговорила девушка. — Посмотрю потом, как ты из всего этого выкрутишься. Дэй Эрик…

— Хватит!

От этого гневного окрика сердце в пятки ушло, и я едва не упала с карниза. Создатель всемогущий, что же они все так боятся этого дэя Эрика, даже Джед? Неужели отец избрал мне в мужья какое-то чудовище?

Или всё дело в их волчьих законах? Вполне может оказаться, что по ним я, даже не дав согласия, уже считаюсь чужой невестой, и, как сказал Ричард, наши с Джедом «похождения», танцы у костров и совместные ночёвки выльются в новые проблемы для молодого метаморфа.

— Если вы закончили, дэй Селан, я отлучусь с вашего позволения, — голос Рика прервал тревожные размышления. —

Хочу обсудить с духами предков наше бедственное положение. Заодно погляжу, где у них тут… удобства.

Хлопнула дверь. Пора было и мне возвращаться в комнату. Возможно, успею переодеться.

— Простите ещё раз, дэй Джед, — сказал Унго, когда я уже отступила в сторону своего окна. — Я лишь хотел напомнить об *особенном* положении дэйни Лисанны в вашем обществе.

— Спасибо. Тебе это прекрасно удалось.

Странно и страшно было слышать его таким — растерянным, потерянным…

Но в следующий миг стало ещё страшнее: скрипнула, открываясь, дверь их комнаты, и тело сковал мороз, как всегда бывает при близости чужой и сильной волшбы. Стук, грохот, тяжёлые шаги. И та же леденящая магия. Я лишь чудом не полетела вниз, удержалась, но так и не смогла пошевелиться.

— Все, что ли? — послышался незнакомый сиплый голос.

— Да вроде бы все. — Ещё один, грубый, раскатистый. — Он так сказал: черномазый, волк и девка. Вот они миленькие. А больше и быть никого не должно.

— А отчего служка сказал, что они две комнаты взяли и хавки на пятерых затребовали? — просипел первый.

— Кто ж их знает? Может, волчара жрёт за троих?

Я стояла ни жива, ни мертва, прилипнув к стене и в ужасе зажмурившись: только бы чужаки не выглянули в окно.

— А комната? — Снова первый. — На кой им две, когда в одной места полно?

— Дык благородные: мужики отдельно, девка отдельно.

— Проверь всё же.

Шаги, скрип двери. Через время снова скрип, уже тише, со стороны моей комнаты. Незнакомец пробыл там долго, чем-то шуршал, кажется, двигал мебель.

— Пусто. — Вернулся. — Одёжа девкина лежит, и всё. Бумаг никаких.

— Здесь гляди и уходим.

Стук сердца отдавался в ушах, и я почти не слышала происходящего внутри. Догадывалась, что они обшаривают комнату, роются в привезённых Унго вещах.

— Вот писульки какие-то — всё, что есть. А там деньги ещё. Немало. Брать? За это не говорено.

— Бери. На кой они мертвецам?

— Живые ж пока.

— Так то пока… Грузи давай.

От страха почти теряя сознание, я помнила лишь то, что должна держаться и молчать, молчать и держаться.

Звук волочимых по полу тел, какой-то стук, лязг. Шаги, захлопнутая дверь…

Вернуться в комнату? В свою? Джеда? А если там кто-то остался?

Вновь заскрипела дверь, и сердце сжалось…

— Великие предки, что здесь… Джед? Где…

— Рик, — прошептала я.

Слишком тихо, чтобы меня услышали.

Опять дверь захлопнулась, потом открылась, но уже другая — в моей комнате — резко, без стука.

— Лисанна! Мун семихвостая, что здесь творится?

— Рик! — Писк, но уже не шёпот. — Рик, помоги!

Сама я не сдвинулась бы уже ни на шаг: ноги намертво приросли к карнизу, а вспотевшая спина прилипла к стенке.

— Рик…

Каким-то чудом волк меня услышал. Выглянул в окно, и я даже в темноте разглядела, как вытянулось от удивления его лицо.

— Сана? Как ты тут оказалась?

— Я… Я… Помоги мне, пожалуйста.

Унери протянул руку, и я вцепилась в его ладонь. Держась за него, медленно дошла до окна, чувствуя, как с каждым шагом становлюсь всё слабее, и в комнату Рику пришлось меня буквально втаскивать. Он приподнял меня над подоконником, оступился, но смог сохранить равновесие и аккуратно поставил меня на ноги.

Отчего-то пришло в голову, что если бы на его месте был Джед, то мы обязательно упали бы… как всегда… И подумав об этом, я не выдержала, бросилась шаману на грудь и разрыдалась.

В следующие несколько минут я не способна была ничего объяснять, только плакала. А Ричард терпеливо ждал, пока я успокоюсь.

— Так что всё-таки произошло? — спросил он, когда рыдания перешли в редкие всхлипывания. — Где все?

— Их забрали… — выдавила я, рукавом размазывая по лицу слезы. — Какие-то люди, я не видела. Оглушили магией… Сильное заклинание, даже меня чуть–чуть зацепило… Куда-то погрузили и унесли…

— Всех троих? — переспросил волк недоверчиво. — Невозможно. Я был внизу, заметил бы. Правда, два оборванца стащили по лестнице какой-то сундучок, но тот был невелик, да и нетяжел, судя по тому, что несли его без труда. Верно, кто-то из постояльцев выезжал…

— Куда они его понесли? — спросила я, сглотнув.

— Сундук? В карету. Стояла у входа. Но на кой нам… В смысле, к чему нам говорить о том сундуке, когда непонятно, куда подевались Джед и Яра, и… этот…

— Унго, — вздохнула я. — Думаю, в том сундуке они и были. Все.

Рик поглядел на меня с тревогой: очевидно, подумал, что я лишилась рассудка.

— Нам рассказывали о подобных вещах, — пояснила я свою догадку, борясь с готовыми вновь политься слезами. — Искажение всех законов природы, нарушение понятий размера, массы и других пространственных величин. Говорят, раньше подобные чары часто использовались, даже в быту…

— Но уже лет триста, как их секрет потерян, — закончил за меня волк. — Виери Ула — образованная женщина, и у неё немало книг, которые я тоже читал, дэйни Лисанна. Но всё это почти уже сказки. Может быть подобные сундучки ещё остались где-нибудь в королевской сокровищнице, один или два, но я не думаю, что её величество стала бы одалживать столь ценные предметы какому-то отребью.

— А Менно?

— Что?

— Дэю Людвигу Менно одолжила бы?

Определённо, имя этого человека производило впечатление. Скептическая улыбка и легкомысленные подозрения, что с ним разыгрывают какую-то шутку, враз слетели с лица унери, и в глубоких чёрных глазах промелькнул настоящий испуг.

— Великие предки, — прошептал он. — Во что вы с Джедом вляпались? И… я?

— О тебе никто не знает, — проговорила я, отвернувшись. — Можешь уйти прямо сейчас, и… — Голос всё-таки дрогнул. — И ничего с тобой не случится…

— Думайте, что говорите, дэйни! — вспыхнул шаман. — Сын Энрике Энсоре не бросает в беде друзей и никогда не бежит от опасности… только от ревнивых женщин и их разъярённых отцов… иногда… Короче, рассказывай. Но лучше бы нам поговорить в другом месте.

— Думаешь, они вернутся? — задрожала я.

— Думаю, что сейчас принесут ужин — принесут же его, в конце концов? — а мы с тобой, судя по разгрому в нашей комнате, остались без денег. Чем станем расплачиваться?

Рик сгрёб в сумки всё, что не унесли похитители, сунул подмышку бубён — бесценный подарок виери, и мы, стараясь не привлекать к себе внимания, покинули шумный трактир.

Переодеться я не успела, осталась в платье горянки, а под

такой наряд вряд ли пошли бы атласные туфли, что купил Унго, и теперь деревянные башмачки быстро отстукивали по мостовой в такт готовому выскочить из груди сердцу.

— Куда мы идём? — спросила я волка спустя несколько минут. Казалось, просто спешим убраться подальше, бесцельно петляя по улочкам спящего городка,

— Ищем, где стать на ночлег, — ответил он. — Точнее, я ищу. А ты пока можешь начинать рассказывать, где, когда и каким образом вы с Джедом перешли дорожку Людвигу Менно.

Рассказ у меня вышел коротким.

Да, я — княжна Лисанна Дманевская. Да, как он уже знает, я сбежала, чтобы… ну это он тоже знает… Потом я работала в одном доме и там случайно познакомилась с Джедом. Затем так же случайно к нам с ним попали бумаги, которые очень интересовали дэя Людвига…

— Вот и всё, — закончила я, уложившись в две минуты.

— Какие бумаги? — шаман остановился и развернулся ко мне.

— Какая теперь разница? — Я тяжело вздохнула. — Всё равно их забрали те люди.

— Может, и нет, — как-то странно сказал Рик. — Так что за бумаги? Не было среди них парочки любовных писем, патента за знаком Королевской длани и пустого блокнота?

— Джед тебе показал? — удивилась я.

— Нет, — невесело хмыкнул унери. — Джед хотел их от меня спрятать. Стало любопытно и пока он выходил… В общем, я думал, погляжу и положу на место, под матрас, а там вы с Ярой заявились… — Метаморф смущённо вытащил из-под широкой рубашки небольшой тряпичный свёрток. — Честно, хотел посмотреть, и назад… Не успел.

— Рик, ты… ты…

Шаман зажмурился, ожидая, видимо, моих возмущённых воплей, а я, не найдя нужных слов, обняла его порывисто и крепко и расцеловала в обе щеки.

— Э–э… — Волк обескураженно застыл, а когда пришёл в себя и надумал обнять меня в ответ, я уже совладала с эмоциями и скромно отступила. — Наверное, я сделал что-то хорошее?

— Пока Менно не получит документов, он их… их не…

Я закусила губу: всё это были лишь мои догадки и надежды. Но с бумагами Виктории эти надежды были далеко не беспочвенны.

Рик словно угадал мои мысли, ободряюще пожал руку.

— Будем верить в лучшее.

— Да, конечно. Спасибо. Просто не знаю, что бы я делала,

если бы осталась одна.

— Не стоит благодарности, дэйни, — улыбнулся он. — Хотя… Может быть, я заслуживаю ещё одного поцелуя?

Легкомысленность дэя Энсоре, особенно учитывая все обстоятельства, поражала, но именно благодаря его легкомысленности у нас появился шанс, и за это я многое готова была ему простить.

Ещё с час побродив по улицам, мы вышли к небольшому дому на окраине, хозяйкой которого оказалась немолодая и неприветливая волчица. Не знаю, как Рик нашёл её, быть может одну единственную во всем городке, по какому-то особому запаху вокруг жилища или духи предков подсказали, и тем более не знаю, каким образом женщина распознала в нём унери, но подозрительный взгляд в секунды сменился радушной улыбкой, нас впустили, накормили и выделили уголок, где мы могли бы поспать до утра. Мне постелили на узкой лавке, а дэй виконт устроился поблизости, прямо на полу. От мысли, что я не одна, мне становилось спокойнее, и несколько раз просыпаясь среди ночи, я с тревогой вслушивалась в тишину, чтобы уловить негромкий звук его дыхания. В конце концов не выдержала, стащила с лавки тощий тюфяк и улеглась рядом с оборотнем. Да, я знаю, насколько это неприличный и вызывающий поступок, и клянусь всеми святынями, что когда всё это закончится, я вновь стану скромной добропорядочной дэйни. А пока… Пока я просто высплюсь, потому что завтра нас ждёт трудный день.

Джед

Случается, только откроешь утром глаза, сощуришься от бьющего в окно солнца, потянешься, а в голове уже пульсирует нервная жилка и на душе неуютно от смутного предчувствия. Это Судьба подаёт знак: плохой предстоит денёк, хоть с постели не вставай. В последнее время у меня частенько такое бывало.

Но сегодня Судьба дала понять, что уже устала от намёков. На низком, сером от сырости потолке потёками грязи было разборчиво выведено: «Джед, приятель, сегодня не твой день». А возможно: «Сегодня — твой последний день» — подобное прочтение сокрытого в мутных разводах послания не исключалось, учитывая серебряные браслеты на моих запястьях, от которых тянулись к тесному ошейнику короткие, ограничивающие движения цепи.

Ноги оставались свободны, но встать на них я не спешил. Сначала ещё раз оглядел небольшое, полутёмное помещение.

Первая мысль была: пыточная. Вторая… Увы, пыточная.

Приходилось, конечно, слышать о том, что цепи, крючья, плети и наручники используются некоторыми и для плотских утех, но на будуар затхлый подвал с единственным зарешеченным окошком под самым потолком и устланным соломой полом никак не походил. А даже будь оно так, я не сторонник подобного рода развлечений и предпочёл бы сразу отказаться. Боюсь только, тот, кто назначил мне это свидание, так просто меня не выпустит.

Как я попал в это неприятное место, неизвестно. Последнее, что вспомнилось: я в комнате с Унго и Ярой, открывается дверь, и по полу катится склянка со скрученной трубочкой бумажкой внутри. В годы учёбы в столице мы с друзьями нередко покупали похожие в «Магазинчике чудес» на Весёлом мосту: разовые заклинания, заготавливаемые магами впрок, обычно какие-нибудь хлопушки и пугалки, если не для забав — чары от похмелья, головной или зубной боли… Ни голова, ни зубы у меня сейчас, к слову, не болели. Пока.

Перевернулся на бок, покосился в сторону закрытой наглухо двери — никого — и поднялся, сначала на колени, а затем и на ноги. Ощупал ошейник: металлический обруч, подозреваю, что серебряный, как и браслеты, абсолютно гладкий, лишь рядом с отверстием для ключа круглое клеймо, но что за знак на нём, на ощупь не разобрать. Магии я не чувствовал, но не сомневался, что ощущу все прелести скрытых чар, лишь только попробую перекинуться — слышал я о подобных вещицах. Само по себе, вопреки бытующему среди людей мнению, серебро безвредно для метаморфов, но лучше всего подходит для создания ловушек, впитывая в себя фиксирующие заклинания.

Что ж, неизвестный хозяин хорошо подготовился к встрече. Хотя почему — неизвестный? К своему большому сожалению, я прекрасно понимал, у кого гощу. Как осознавал и то, что визит этот будет недолгим.

— Дэй Джед. — Негромкий, но неожиданный шёпот заставил вздрогнуть.

— Унго?

— Да, дэй Джед.

Голос тайлубийца завучал, казалось прямо из стены, но сделав несколько шагов в сторону выхода, я заметил до этого скрытую от глаз широким выступом решётчатую дверцу, за которой располагалась похожая на мою камера. К толстым металлическим прутьям прильнул Унго.

— С вами всё впорядке, дэй Джед?

— Да. Если не считать этого. — Я звякнул цепями. — И этого. — Обвёл взглядом подвал. — Ты-то как?

— Всё хорошо, дэй Джед. За исключением некоторых неудобств.

Приблизившись, я понял, что мой друг прикован к стене тяжёлой цепью.

— А остальные? Сана?

— Дэйни Лисанну я не видел, — покачал головой Унго. — Здесь лишь дэйни Корделия.

— Яра? Где?

— Вон в том сундуке, — он кивнул на стоявший у противоположной стены ларь.

— Т–там? — прохрипел я, тяжело проглотив ставший в горле ком. Сундук был таких размеров, что даже худенькая Дияра поместилась бы в нём только если бы её смяли, как тряпичную куклу… Или разделали на куски…

Лоб покрылся испариной.

— Не волнуйтесь, дэй Джед, — поспешно успокоил тайлубиец. — Это необычный сундук. Мы все там были. Меня вытащили первым. После — вас, вы были ещё без сознания. Потом — дэйни Корделию, но один из людей тут же вспомнил, что им велели не выпускать девушку, и её посадили обратно. Опустили, как в колодец.

Я вздохнул с облегчением: по крайней мере, моя отчаянная кузина ещё жива. Сидит в «колодце», и это, наверное, к лучшему. Не знаю, как бы я объяснял ей, где мы и по каким причинам здесь оказались.

— Ты сказал, что видел людей. Сколько их? Среди них был… маг?

— Нет, мага не было, — уверенно ответил Унго. — Я видел двоих разбойников — иначе не скажешь. Очень неприятные внешне, с грубыми манерами… Вообще без манер.

— Странно, — пробормотал я. — Дэй… — Огляделся и не стал называть имени: ушастые стены — обычное явление для подобных мест. — Дэй маг навещал Лисанну лично. Мне вообще казалось, что он не склонён никого посвящать в подробности этого дела. А тут нанял какое-то отребье?

— Думаю, дэй, о котором вы говорите, в настоящий момент очень занят. Через седмицу, чуть больше, сыну некого герцога исполняется восемнадцать, грядут торжества, и уже сейчас съезжаются гости…

Я с благодарностью пожал лежащую на решётке руку. Унго — это клад, доставшийся мне незаслуженно. Но я не стану возвращать подобный подарок.

Действительно, наследник герцога Вестранского — Унго наверняка помнил имя щенка, но не я — готовился отпраздновать

восемнадцатилетние. Об этом писали в газетах, и возможно отец даже получил приглашение… А у Менно сейчас немало дел в замке хозяина, должность обязывает присутствовать на подобных мероприятиях. Видимо, следил за Унго от Велсинга, но в ответственный момент Вестран призвал пред свои светлы очи. Вот и пришлось поручать работу какому-то сброду.

— Людей подобного сорта легко подкупить, — продолжил мою мысль тайлубиец. — Или запугать.

— Да. И у описанных тобой субъектов, я думаю, имеется ещё одно весьма ценное для нанимателя качество: они вряд ли умеют читать. Но всё же, где Сана? Рик?

— Дэйни Лисанна была в своей комнате, а виконт отлучался, если вы помните. Наверное, их просто не нашли, и сейчас они в безопасности. Не волнуйтесь, дэй Джед, дэй Ричард сумеет позаботиться о княжне. Весьма достойный и честный юноша… практически во всем. Вы ведь его знаете.

— Знаю, — согласился я хмуро. — Рик обычную прогулку может превратить в опасное приключение. Страшно подумать, во что у него превратится настоящая опасность.

Лисанна

Ночью в домик на окраине города постучали скромно одетые горцы, а поутру с невысокого крылечка спустилась элегантная дэйни в лёгком небесно–голубом платье и изящных туфельках, без шляпки, но с аккуратно убранными волосами, и молодой дэй в приталенном светло–сером сюртуке, голубом жилете и длинных брюках, в последнее годы всё чаще сменявших в мужских нарядах привычные панталоны. В городском костюме, с зачёсанными назад, перевязанными лентой волосами Рик был чудо как хорош… пока стоял на месте. Стоило метаморфу сделать хоть шаг, как он превращался в кривоногого кавалериста, минуту назад слезшего с лошади, примчавшей его с поля боя, где он был жестоко контужен разорвавшимся над головой снарядом. Контузия выражалась перекошенным ртом, подрагивающим веком и невразумительным мычанием.

— М–м–м… Ым… — стонал он, медленно переставляя ноги. — Сделай хоть вид, что тебе меня жалко!

— Я — целительница, — произнесла я с достоинством. — И жалость — только помеха в моей работе. Нас так учили: либо помоги страждущему, либо, если помочь не в силах, без лишних сожалений избавь от страданий. — И добавила, растягивая слова: — Тебе я помочь не в силах.

— М–м… Великие предки! А ещё вчера была такой милой девушкой!

Сама не знаю, что изменилось во мне за эту ночь, но только проснувшись рядом с дэем Энсоре и обнаружив его руку там где ей было совсем не место, я не стала впадать в истерику, как накануне, а схватила лежавший поблизости бубён и от души пожелала глумливо усмехающемуся Ричарду доброго утра. Думаю, Уле понравилось бы. А Милисента мной просто гордилась бы!

— Хотя бы иди помедленнее, — взмолился, едва поспевая за мной, шаман.

Если туфли, купленные Унго, были мне чуть велики, и пришлось затолкать в носок шерсти, то обувь Джеда оказалась Рику мала. Но поскольку решено было сменить одежду, а горские легкоступы со светским нарядом не сочетались, унери вынужден был терпеть.

Сменив гнев на милость — всё же после он извинился — я сбавила шаг и взяла прихрамывающего волка под руку. Он простонал что-то, теперь уже благодарно, но более не проронил ни слова, хоть нам и нужно было поговорить. Планов мы не обсуждали, пока сошлись лишь на том, что следует где-то раздобыть деньги, и я предложила продать или отдать в заклад мои серьги. Белое золото, сапфиры — не крупные, но чистые камни…

— Меньше реальной стоимости, но больше, чем я рассчитывал за них получить. — Выйдя от ростовщика, чей адрес подсказала приютившая нас волчица, Ричард смущённо протянул мне несколько банкнот. Ему изначально не нравилось, что придётся брать деньги от женщины, но иного выхода не нашлось.

Я сделала вид, что не заметила его жест, и метаморф, помявшись, спрятал купюры в карман.

Не хотела рассказывать ему: эти серьги были мне дороги. Если бы я снимала их, хоть на ночь, сейчас мы остались бы без средств, но я лишь меняла их изредка на другие, когда сапфиры слишком явно не шли к наряду, а после снова надевала. Это были мамины серьги. Её не стало в тот день, когда на свет появилась я, и мне совсем немного досталось от неё. Крохотная искорка дара, не защитившая её от родильной горячки, а меня от провала на экзаменах и последовавших за тем бед. Серебристые волосы, которые я нещадно сгубила рыжей краской. И серёжки с сапфирами под цвет голубых, как и у мамы на портрете, глаз…

Ну, хоть глаза остались.

— Пойдём? — Рик подхватил с брусчатки саквояж Унго, куда с прочими вещами и угощением, что собрала нам в дорогу

хозяйка, впихнул каким-то чудом бубён Улы.

— Пойдём. Но надеюсь, ты расскажешь, куда, раньше, чем мы окажемся на месте.

Выяснилось, что направляемся мы ни дальше, ни ближе, а на стоянку дилижансов.

— Бумаги у нас. Джед и Яра — у Менно. — Оборотень отчего-то всё время забывал об Унго. — Искать дэя Людвига затея пустая, но он нас сам теперь искать будет. И мы ему в этом даже поспособствуем. Но к тому времени разберёмся, что за тайна, чья и какая, попала к нам в руки.

— Зачем? — Внутри всё похолодело: не хотела я ещё глубже увязать во всем этом.

— Затем, чтобы играть с Менно на равных. И подстраховаться по возможности. Уверен, Джед собирался поступить так же. В этих бумагах есть что-то, чего мы не видим. Шифр в письмах, скрытые чарами записи в блокноте… Хотя чар я как раз и не чувствую. Но начать предлагаю с патента.

— Джед говорил, что он подлинный, — вспомнила я.

— Рассчитываю на это.

— И куда ты планируешь ехать? К этому барону… — Имя выскочило из головы. — И что мы ему скажем? Что к нам попала его грамота? Он потребует объяснений…

— Не к барону, — прервал меня Ричард. — Я знаком с человеком, который мог бы нам помочь: он разбирается в подобных вещах. Можно сказать, собирает их. В каком-то роде.

— Он коллекционер?

— Он — коллекционер коллекционеров.

Глава 14

Джед

…За решёткой окошка уже вечер, тёплые летние сумерки. Где-то, может быть, совсем рядом, прогуливаются парочки, и строгие бонны спешат развести по домам детей… А нам с Унго было позволено гулять до темна, пока звезды не засияют над набережной, отражаясь в зеркальной воде…

— Бумаги, дэй Джед.

Едва шевелю разбитыми губами, но он умудряется расслышать короткое, но ёмкое ругательство. Ухмыляется, и кулак с хрустом врезается мне в челюсть. М–м–м… Не ошибся я насчёт зубной боли…

Когда-то белые перчатки, теперь измазанные моей кровью, летят на пол. Маг вынимает из саквояжа новые. Сколько же у него их там?

— Это только разминка, — предупреждает он. — И маленькая компенсация для меня лично. Дальше будет интереснее.

Догадываюсь. Саквояж большой и тяжёлый — вряд ли в нём только перчатки.

— С волками крайне тяжело работать на ментальном уровне, дэй Джед, придётся использовать другие методы, вы уж не обессудьте, — виновато разводит он руками, прежде чем ударить снова.

А начинался этот разговор вполне мирно…

Менно появился часа через три после моего пробуждения. Чёрный плащ, скрывающая лицо маска — словно он и не менял одежды с момента нашей первой встречи. Стал в дверях, поглядел на меня, склонив к плечу голову. На миг обернулся к застывшему у решётки Унго, взмахнул рукой, и тайлубиец, закатив глаза, медленно сполз на пол.

— Поговорим без свидетелей?

Рычание вырвалось их сдавленного ошейником горла, но маг предупредил мои дальнейшие, далёкие от мирных, намерения лёгким кивком: голова закружилась, и я упал на колени, с силой сдавив виски.

— Не нервничайте так, дэй Джед. Ваш слуга всего лишь спит. — Он приблизился ко мне, несильно ткнул в бок острым носком чёрной бархатной туфли. — Я же не ошибся, и вы действительно дэй Джед Селан? Счастлив возможности рассмотреть вас во всей красе.

Рискуя разбудить магию серебряных оков, я ощерил клыки — пусть запомнит меня таким.

— Право, что за ребячество? — рассмеялся человек. — У меня совершенно нет на это времени. Но, если вам так хочется… Подобный облик ведь не помешает ответить вам на мои вопросы? Вернее, всего один вопрос: где документы, которые вы забрали у Виктории Солсети?

От удивления я забыл скалиться. Как где? Неужели, остолопы, которых он послал за нами, даже не обыскали комнату?

Менно поставил на табурет у стены саквояж, вынул из него какие-то бумаги.

— Вот всё, что было при вас. Документы дэйни Лисанны, их я уже видел, и несколько векселей. Векселя, замечу, на предъявителя — весьма разумно, если стремитесь сохранить инкогнито. Но даже будь там ваше настоящее имя, оно меня не интересовало бы. Мне нужны бумаги из Лазоревой Бухты, и только.

Маг был спокоен и предельно вежлив — таким я его и помнил. Но в сдержанной речи пряталась угроза: он напомнил, что знает всё о Сане, и дал понять, что не питает иллюзий насчёт реальности дэя Джеда Селана, появившегося на свет чуть менее трёх лет назад. Но пока ещё не припомнил Джеда Леймса, и это вселяло надежду, хоть я не мог бы сейчас с уверенностью сказать, на что именно надеюсь.

— Так где бумаги? — повторил Менно ласково. — Скажите и всё тут же закончится.

Вежлив и честен: безусловно, всё закончится, и я представляю, как.

— Я их спрятал, — проговорил я.

Скажи, что сжёг, и прощайся с жизнью. А документы я в самом деле спрятал, завернул вместе с письмом нэны в памятную скатёрку и убрал под матрас. И теперь догадываюсь, кто их оттуда достал, опередив посланцев дэя Людвига. Знал я одного любопытного щенка, никогда не упускавшего возможности сунуть нос в мои дела или вещи. Волчонок подрос, но старым привычкам, как видно, не изменил. В данном случае — к счастью. Значит, Унго не ошибся в выводах, и Рик ушёл, а с ним и бумаги. И, хочется верить, Сана…

— Далеко спрятали? — осведомился человек.

— Далеко. Надёжно. Сделал несколько копий, и если со мной что-либо случится, они будут обнародованы.

— Занятно, — улыбнулся Менно. Выдержал небольшую панику и огорошил меня внезапным вопросом: — Играете в

карты? Банально в «Дурня» или в «Тёмный дом»? Мне кажется, что вы игрок.

— В прошлом, — ответил я сдержано. — К чему вы спросили?

— К тому, что в картёжных играх есть подходящий вашему поведению термин: блеф. Любые копии попавших к вам документов будут бесполезны, дэй Джед. Лишь оригиналы в цене. И лишь для того, кто знает. А вы вряд ли догадываетесь, что именно попало вам в руки. Я говорил с дэем Лён–Лерроном и склонён верить в его историю: вы искали письма баронета, а прочее прихватили… пусть будет, по ошибке. Так не проще ли нам немедля исправить эту ошибку? Верните документы, и мы навсегда распрощаемся.

— Был бы рад, — сказал я искренне. — Но наслышан о ваших методах прощания, дэй Людвиг. Боюсь, слово «навсегда» имеет для вас лишь одно значение.

Менно застыл, затем досадливо тряхнул рукой и словно нехотя стянул с лица маску, демонстрируя презрительную гримасу, за которой пытался скрыть своё раздражение.

— Что ж, — растянул он. — Теперь охотно верю, что вы давно не садились за карточный стол, дэй Джед. Сначала блефуете так бездарно, а после вскрываетесь не в срок. Это дэйни Лисанна просветила вас насчёт моей скромной персоны? Узнала. А директриса заведения, где она обучалась, представила княжну, как весьма посредственную ученицу… Впрочем, может быть, мы пригласим дэйни к нам? Думаю, в её присутствии вам будет… хм, несколько неудобно и дальше отказывать мне в моей просьбе.

Дверь тут же отворилась, будто стоявшие за ней только и ждали этих слов. Я успел представить, что сейчас втащат заплаканную Сану, но двое людей, верно охарактеризованные Унго, как разбойники без манер, внесли и поставили у ног мага сундук, тот самый, что я видел через решётку в соседней камере. Картинка наконец сложилась. Менно поручил работу не тем людям: они не разузнали загодя, кто ещё был со мной и схватили лишь тех, кто находился в комнате — меня, Унго и девушку, которую приняли за Сану.

Мага ждало жестокое разочарование, а нас с Ярой… И думать не хотелось, что ждало нас.

— Не нужно её в это вмешивать, — попросил я, когда дэй Людвиг уже взялся за кольцо на крышке. — Она ничего не знает.

— Сейчас её саму спросим.

Человек распахнул сундук, заглянул внутрь и резко отпрянул, но поздно: вырвавшаяся из плена волчица мёртвой хваткой вцепилась в его в последний миг выставленную вперёд руку, и если теперь и разжала бы челюсти, то лишь для того, чтобы вновь

сомкнуть на его горле. Умница ты моя! Но… Это было бы слишком просто.

В следующую секунду в носу защипало, как у меня бывает обычно, когда рядом используют магию, и Менно с силой тряхнул рукой, отбрасывая Яру в сторону. Волчица, взвизгнув, пролетела через всю камеру, и, ударившись о стену, упала на пол, а маг опять вскинул окровавленную руку. Испугавшись, что он со злости тут же убьёт её, я бросился на него, уже осознавая свою беспомощность, и верно: меня тут же отшвырнуло к двери горячей волной. Но не остановило, и, вскочив на ноги, я снова ринулся на Менно, и снова был отброшен назад. А маг уже со злостью наблюдал, как теряет звериные очертания лежащее у стены тело.

— Не троньте её, — прорычал я. — Девочка тут ни при чем, ей ничего не известно.

— Девочка, — брезгливо выдавил человек. — Поглядим, что тут у вас за девочка…

Он приблизился к тяжело дышащей Яре, вцепился в длинные растрёпанные волосы и резко поднял. Взглянул в её искажённое страхом и болью лицо, и вдруг отпустил — не отшвырнул, а отпустил, враз став тем сдержанным дэем, что вошёл сюда не более получаса назад. Отвернулся от девушки, небрежно скинул плащ и бросил через плечо.

— Прикройся.

Подошёл ко мне.

— Не троньте её, — повторил я, глядя в глаза, чёрные, словно Тьма Первозданная.

— Не трогаю, как видите. Но наш с вами разговор на этом не закончится, дэй Джед. Теперь у меня уже два вопроса. Первый: где бумаги? Второй: где княжна Дманевская?

— Не знаю, — ответил я честно, а оттого совершенно спокойно.

— Не верю, — в тон мне произнёс Менно и негромко крикнул, обращаясь к закрытой двери: — Эй, там, принесите кресло для нашего гостя.

Устрашающего вида деревянная конструкция с высокой спинкой и подлокотниками, с которых свисали кожаные ремни, заняла место в центре камеры.

— Помогите дэю Селану присесть.

Я оттолкнул потянувшиеся ко мне руки, клацнул зубами.

— Сам справлюсь.

Кутающаяся в чужой плащ Яра тихонько всхлипнула. Попросить что ли дэя Людвига посадить её обратно в сундук? Нет, лучше вообще не напоминать о ней лишний раз: сидит себе

девочка, пусть сидит.

— Вам удобно? — участливо поинтересовался маг, натягивая извлечённые из саквояжа белоснежные перчатки. — Ничего не давит?

Ну и началось…

Лисанна

Я боялась, что поездка растянется на дни, но мы были на месте ещё засветло. Правда, после того, как мы сошли с дилижанса, пришлось ещё немного прогуляться, и хоть встретить кого-либо вряд ли грозило, Рик не стал снимать тесных туфель, боясь, что после уже в них не влезет, и мужественно хромал почти час.

Жил коллекционер коллекционеров в небольшом загородном имении: заброшенная дорога — экипажи вряд ли проезжали здесь чаще, чем раз в год — вела через одичалый сад и заканчивалась у крыльца двухэтажного кирпичного дома, добротного, но, как и всё здесь, запущенного.

Прислуги тут, очевидно, не держали, и хозяин открыл нам лично. Мужчина лет сорока, высокий и худой, со светлыми, небрежно перехваченными лентой волосами выглядел таким же неухоженным, как и его жилище. Он был обряжен в широкий, не раз штопанный халат и, к зависти моего спутника, совершенно бос.

— Чем могу служить?

— Доброго вечера, дэй Герберт, — поздоровался выступивший вперёд метаморф. — Ричард Энсоре. Надеюсь, вы меня помните?

— Энсоре? — хозяин задумчиво почесал давно не знавший мыла и бритвы подбородок. — Энсоре, Энсоре… Серебряные ложечки!

— Так точно, — кивнул Рик.

— Какие ложечки? — спросила я удивлённо.

— Серебряные, — повторил коллекционер коллекционеров. — Четвёртая по величине коллекция в Вестолии!

Оборотень сконфуженно потупился и, как мне показалось, даже покраснел. Надо же — серебряные ложечки! Я с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть.

— Проходите–проходите, — зазвал нас в дом хозяин. — Я зажгу свечи и поставлю чайник.

В полутёмной гостиной он вспомнил обо мне и учтиво поклонился, подобрав полы халата:

— Герберт Наут к вашим услугам, дэйни… хотя всё зависит от того, в каких именно услугах вы нуждаетесь.

— Сана… э–э… — Только сейчас я вспомнила, что не придумала, как стану теперь называться.

— Дэйни Сана Энвут, — на ходу придумал мне имя Рик. — Моя невеста.

От неожиданности я глотнула воздуха широко открытым ртом и закашлялась.

— Простудилась, — извинился за меня оборотень. — А я предупреждал, что нельзя пить так много фруктовой воды со льдом.

— Очень приятно, дэйни, — кивнул дэй Наут. — Коллекционируете что-либо?

— К–хм… Видимо, женихов, — выдала я, не подумав.

— И много их у вас? — заинтересовался хозяин. — Имейте в виду, наибольшую коллекцию собрала в своё время герцогиня Эльская. Она была официально помолвлена восемнадцать раз. Но замуж, к слову, так и не вышла.

Подумалось, что если и дальше так пойдёт, то я вполне могу обогнать дэйни герцогиню по количеству претендентов на мою руку, а до свадьбы попросту не доживу. Вслух я ничего говорить, естественно, не стала, но дэй Герберт этого не заметил: извинился и ушёл готовить обещанный чай.

— И как давно мы помолвлены? — накинулась я на Рика, стоило нам остаться наедине.

— Если ты не заметила, минут пять, — ответил он невозмутимо. — Но не тешь себя надеждами: это лишь на время пребывания в этом доме. Сын Энрике Энсоре не может прийти к старому знакомому на ночь глядя *с какой-то девицей*. А невеста — другое дело.

— Можно было представить меня как свою кузину, — проворчала я.

— Можно было не насмешничать по поводу моей походки в этих туфлях, — злорадно ухмыльнулся метаморф.

— О, так это мелкая месть собирателя ложечек! — догадалась я.

— Хотите крупную, дэйни? — он дёрнул губой, демонстрируя клыки.

— В самом деле женишься на мне?

Оборотень оторопело отступил, улыбка померкла, но возвращение хозяина спасло его от продолжения разговора.

— Чай сейчас будет готов, а пока, может быть, просветите меня по поводу целей визита? — предложил дэй Наут. — Ищите покупателя на свою коллекцию?

— Нет–нет, — замотал головой виконт Энсоре, да так отчаянно, словно мысль о расставании с серебряными ложечками пугала его до глубины души. — Я хотел проконсультироваться с вами по иному вопросу, дэй Герберт. Одному моему знакомому попал в руки дворянский патент, отмеченный королевской дланью…

— Интересно, — не дал Рику даже закончить коллекционер коллекционеров. — Чьей именно дланью?

— Мой товарищ уверяет, что короля Эдуарда… последнего.

— Очень интересно. — Похоже, о чае было тут же забыто. — Идёмте со мной.

Из гостиной он провёл нас в обширное, хорошо освещённое помещение.

— Воздушно–масляная лампа, — указал он на один из светильников. — Прекрасный источник света, к тому же сжигают излишки кислорода, который, как вам известно, способствует гниению.

В огромной комнате без окон, уставленной бесчисленными книжными шкафами, действительно, трудно было дышать, а хозяину наряду с борьбой с гнилью стоило озаботиться уничтожением пыли, коя толстым слоем укрывала давно не востребованные фолианты и целые стелажи.

— Итак, патенты. Позвольте, дэйни…

Он потянулся через мою голову, снял с полки книгу и сдул с обложки пыль. Прямо мне в лицо.

Я чихнула, но извинений не последовало.

— Вот! — Дэй Герберт нашёл нужную страницу. — Всего Эд Неудачник… То есть, его величество Эдуард выписал два таких патента… Первый был выдан некоему дэю Сави, и тот передал его на хранение в библиотеку монастыря Пресветлой Альмы, которая сгорела во время грозы в тридцать шестом году. А второй получил дэй Алджис… и снова пожар в библиотеке, в тридцать восьмом: кто-то оставил горящую свечу. Боюсь, вашего друга обманули, дэй Ричард. В мире больше не осталось грамот, отмеченных кровавой дланью короля Эдуарда.

— Вы уверены? — прошептал обескуражено Рик.

— Молодой… хм… человек. — Судя по паузе, сущность гостя не была для дэя Наута тайной. — В этой комнате хранятся перечни всех хоть сколь-нибудь известных коллекций в Вестолии, а так же коллекционных, или могущих таковыми стать, предметов. Я абсолютно уверен!

— Но…

— Одно время подделка подобных документов часто встречалась: неопытным новичкам то и дело продавали липовые

грамоты, пользуясь тем, что подлинность оттиска может быть установлена лишь магами крови при сличении отпечатка с кровью преемника или других родственников усопшего монарха. Скажите, кто из королевской семьи станет потакать прихотям какого-то собирателя? Но позже, уже при отце Эдуарда, ввели ряд мер, которые помогают проверить истинность патента и без этого: особая бумага, состав чернил, специальные чары, накладываемые поверх подписей… Достаньте вашу писульку, дэй Ричард, и я немедля докажу вам свою правоту. Смелее–смелее, или вы всерьёз надеялись обмануть меня рассказом об «одном своём знакомом». Право слово, все так говорят!

Метаморф, помявшись, извлёк из саквояжа, с которым не расставался, свёрток с бумагами и вынул уже изрядно помятый патент.

— Давайте, я вам покажу… — Хозяин протянул руку и тут же опустил. — Но не здесь. Вернемтесь в гостиную.

Мы с Риком послушно последовали за ним.

— Теперь давайте. Или лучше сами: подпалите краешек бумаги и увидите. Если бы она была настоящая…

Метаморф уже поднёс грамоту к одной из свечей и занявшийся уголок вдруг заискрился с громким треском, а воздух наполнился ароматом сандала.

- …Она бы сделала вот так, — удовлетворённо закончил шаман за потрясённо глядящего на этот маленький фейерверк коллекционера коллекционеров и раздавил наслюнявленными пальцами едва вошедший в силу огонёк.

— Но как?.. — только и вымолвил дэй Герберт.

— По чистой случайности, — скромно ответил Ричард.

— И…

— Что я собираюсь делать с патентом? — Оборотню приходилось угадывать вопросы. — Вернуть законному владельцу, конечно же. У вас ведь наверняка записан адрес барона Алджиса? Буду признателен, если вы мне его дадите.

— Но вы же можете…

— Продать его? — Рик взмахнул ещё дымившейся бумагой. — Нет. Сын Энрике Энсоре никогда не присвоит себе чужого, каких бы выгод это ни сулило.

Получив адрес барона и так и не увидев чая, мы покинули дом дэя Наута.

Солнце уже село, но до наступления полной темноты ещё было время дойти до придорожной гостиницы, у которой останавливались дилижансы и откуда завтра, по–видимому, нам предстояло отправиться в имение дэя Алджиса. На наше счастье тот жил не так уж далеко — день–полтора пути, по словам Рика.

Но этот день может стоить Джеду жизни…

— Почему — ложечки? — спросила я, заставляя себя не думать о плохом.

— Ложечки? — смущённо переспросил унери. Едва простившись с коллекционером коллекционеров, он стащил ненавистные туфли, обул кожаные легкоступы, и теперь бодро шагал по тёмному саду. — Ну–у… они миленькие. И маленькие. И не бьются, как старинный фарфор…

— Четвёртая по величине коллекция, — припомнила я без насмешки. — Это впечатляет.

— Так вышло, — пожал плечами волк. — Мой… Тебе и правда интресно? Так вот, мой отец родом с юга, а в полуденных провинциях есть ряд традиций… В общем, в семье Энсоре принято на появление первого зуба дарить младенцам серебряные ложечки. А поскольку родни у отца много, я получил одновременно двадцать шесть совершенно разных ложечек. И всё время, что я жил с родителями, они хранились в моей комнате. Я… Я к ним просто привык. А потом познакомился с одной девушкой. Мы пили чай, и она спросила, что бы я хотел получить от неё в подарок на память. И я подумал: пусть будет ложечка. Затем познакомился ещё с одной девушкой…

— Четвёртая по величине коллекция, — повторила я уже другим тоном и с другими мыслями.

— Нет, ну я и покупал их иногда, — совершенно стушевался Ричард. — Но ты ведь всё равно не захочешь выходить замуж за такого испорченного и безответственного волка? — спросил он с надеждой.

— Я подумаю об этом за ужином, — пообещала я.

Ужина пришлось дожидаться почти час, комнаты были не готовы принять постояльцев, из-за чего довелось сидеть всё это время в пустом, скудно освещённом общем зале, а сутулый коротышка, то ли хозяин, то ли управляющий гостиницей, глядел на нас, как на злейших врагов.

— Это же надо: явились без приглашения и хотим ему денег всучить за ночлег! — проворчала я, перехватив очередной недовольный взгляд. — Как будто он не этим живёт!

— Не узнаю вас, дэйни, — усмехнулся на моё раздражение Рик. — Я ещё помню вас милым и чувствительным созданием.

— С кем поведёшься, от того и наберёшься, — вернула я ему насмешку. — Так моя бабушка говорила.

— Я бы вспомнил другую поговорку. Ту где «с волками жить…». Потому что, если равняться на любого, с кем поведёшься, я уже должен был ахать и краснеть по каждому поводу.

— Стукнуть тебя бубном? — предложила я, не найдясь с ответом на новую колкость.

Волк вежливо отказался, и беседа на этом заглохла.

— Смотри-ка, ещё страдальцы. — Спустя пять минут привлёк Рик моё внимание. — Крикнуть, чтобы бежали отсюда, пока не поздно?

Трое мужчин вошли в холл. Один тут же направился к стойке, а двое других — в нашу сторону.

— Доброй ночи, — поздоровался невысокий худенький человечек, подойдя к нашему столу.

— Доброй… — Я подняла глаза и обомлела, в тусклом свете разглядев его лицо: передо мной стоял тот самый фанатик, ударивший Джеда ножом в нашу первую встречу в дилижансе. Я оторопело схватила Рика за руку и испуганно пробормотала, глядя в маленькие бегающие глазки: — А вас уже выпустили из тюрьмы?

— Из какой тюрьмы, дэйни? — приблизился второй, и сердце в пятки ушло: этого я тоже узнала.

— Судья Мэвертон? Так вы… заодно?

— Мэвертон? — переспросил Рик, до хруста сжав мои пальцы и словно заворожённый глядя на висящий на груди у судьи знак: чеканное изображение огня в большом медном круге и какие-то буквы. Такой же был на том ноже. — А я-то ещё думал, зачем ему волкодавы.

— Скоро узнаете, дэй Энсоре, — пообещал человек.

Кто-то сзади набросил мне на голову мешок и, не дав возможности даже вскрикнуть, сдавил пальцами шею…

Джед

Всё же я счастливчик. В какой-то мере.

Стоило Менно потянуться к саквояжу и в этот раз, уверен, не за новыми перчатками, как в дверь громко стукнули дважды. Маг нахмурился, прислушался, словно надеялся, что ему показалось, но стук повторился снова.

Человек недовольно поморщился, поглядел на мою разбитую физиономию, на саквояж, вздохнул с сожалением и вышел.

— Джед! — В тот же миг подбежала ко мне Яра. — Дже–ед…

Она не была больше ни той гордой красавицей, что танцевала у костров, ни свирепой волчицей, бросившейся на открывшего сундук незнакомца, не задумываясь, друг он или враг, — просто испуганная девочка, которая могла лишь плакать и жаться ко мне скулящим щенком. А всё, что мог сейчас я — молчать, о том,

какую боль причиняет мне каждое её касание, не говоря об объятиях…

— Как мило, — заметил неслышно вернувшийся Менно. — Можете продолжать… До утра, пожалуй. Важные дела, уж простите. Но не важнее наших с вами, дэй Джед, так что к рассвету ждите.

Он забрал саквояж и прошёл к двери. Уже на выходе обернулся.

— Я отправил посыльного к Бертрану Леймсу: решил, что ваше общество не слишком подходит для дочери володаря Андирского. Так что отсрочка кстати. Вожак, думаю, многое сможет разъяснить. Но я искренне надеюсь, дэй Джед, что дэйни Дияра действительно не в курсе предмета наших… хм, разногласий, а место, где вы спрятали бумаги и княжну, называется не Ро–Андир. Поверьте, так было бы лучше. Для многих.

Говорил дэй Людвиг как всегда спокойно, будто гладил… Против шерсти, да когтистой лапой. Крякнул удовлетворённо и захлопнул за собой дверь. А мозги, оказалось, не совсем он мне отбил, может, даже наоборот, вправил: сразу представилось, что будет, когда здесь появится Бертран. Во–первых, дядька назовёт меня… Ну и всё, пожалуй, на этом разговор можно будет заканчивать. Потому что одно дело — Джед Селан, безвестный вор–неудачник, по случаю стянувший какие-то непонятные бумаги, и совсем другое — Джед Леймс, племянник вожака и сын почётного главы Палаты метаморфов, сунувший нос в государственные тайны, а после ушедший по Тропе и два дня просидевший в Андирских горах. Тут уже целый волчий заговор вырисовывается.

Достанет ли у мага власти и сил пойти против стаи? Кто знает.

Нет, не быть волку лисом: наплёл, напутал — в итоге петлю себе свил. И хорошо бы, если бы себе одному… А таки отбил он мне голову, начисто. Ни одной дельной мысли. Только страх, злой, звериный, когда не в нору забиться хочется, а напротив — вперёд рвёшься, оскалив клыки, и будь что будет… Жаль цепь не пускает…

— Джед, — всхлипнула Яра.

Её голос и боль объятий удержали в сознании. Стиснув зубы, распрямился, взглядом указал на стянувшие руки ремни и рыкнул негромко:

— Развяжи.

Через минуту, ничем не удерживаемый, рухнул на сырую солому.

Яра тут же перевернула на спину, сдавила ладонями опухшее от побоев лицо… М–м–м… Пришлось открыть глаза, изобразить оскал навроде ободряющей улыбки и, звеня кандалами отползти к стене, чтобы сесть, опершись на неё, и подставить девчонке плечо, на котором можно было бы выплакаться.

Но она не стала рыдать, лишь опустилась рядом, обхватила мою руку и уткнулась носом в испачканный кровью рукав.

— Мы умрём, да?

— Умрём, — ответил я честно. — Все когда-нибудь умирают.

— Мы умрём завтра. — Это был уже не вопрос. — Маг вернётся и убьёт нас.

— Завтра здесь будет твой отец, заберёт тебя домой.

— Если маг отдаст, — Яра хлюпнула носом. — Он… Он…

Она подняла руку, и я увидел тонкий браслет на её запястье. Даже не заметил, когда Менно успел нацепить его ей.

— Я боюсь его, — прошептала девушка. — До смерти боюсь. Давно уже, даже когда и не думала, что он маг, боялась. А сейчас…

— Так ты давно его знаешь? — спросил я, и тут же понял, до чего это глупый вопрос: Менно ведь узнал её сразу — значит, виделись и не однажды.

— Он к бате приходил.

— О, как, — усмехнулся я, и едва затянувшиеся ранки на губах полопались и засочились кровью. — Другим так засть — законы предков, а вожак к себе друзей–магов водит.

— Не друг он ему, — вступилась за родителя маленькая волчица. — За стол его батя не сажал, хлеба с ним не делил. Вина чарку подносил, но сам с ним не пил никогда.

Верно, так выходит, и не друг совсем. Даже случайного гостя хозяин уважит…

— Чего ходил тогда?

— Не знаю, — хлюпнула носом Яра. — Только батя потом всегда смурной был, и мамка плакала. А один раз, лет пять назад, я под столом пряталась, а они зашли как раз… И маг этот ба… Маг отцу говорит: «Или по–моему будет, или я твой Андир с землёй сравняю!«…

— Пять лет? Он ещё с тех пор к вам приходит?

— Он всегда ходил, — насупилась девушка. — Сколько я помню. Раз в год. Бывало — два.

Нечасто, но так, чтобы не забывали. Стало быть, дядька прежде меня во что-то влез, а сейчас и захочет помочь — не сможет. Держит его Менно чем-то. Знать бы, чем… Хотя на кой оно мне? Своих проблем — выше головы….

— Джед, — Яра подняла ко мне заплаканное лицо. — Ты…

поцелуй меня…

Посох Создателя! У этой девчонки одно на уме!

— Я… — Она зажмурилась, как от страха. — Я ещё не целовалась ни с кем. Совсем. А теперь… теперь…

Прежде чем она разревелась, я наклонился и коснулся разбитыми губами кривившегося от сдерживаемых слез рта. Вряд ли о таком первом поцелуе она мечтала. Так и я совсем иначе представлял себе свой последний… Хотя, вру: я его себе вообще не представлял.

Потом просто держал её за руку, вертел задумчиво браслет на худеньком запястье.

— А замочек-то плёвый, — вырвалось само собой. — Шпильку бы или булавку.

— Ты умеешь так замки открывать? — Яра отстранилась. — Как вор?!

— Сразу и вор? — усмехнулся я её детскому испугу. — Мама сладости в буфете запирала. А отец — это когда я уже постарше стал — бренди. Вот и приходилось как-то… Впрочем, у тебя ведь всё равно булавок нет.

— У меня есть, дэй Джед, — послышалось от разделяющей камеры решётки.

Унго! Чтобы я без тебя делал!

Правда, я пока не знаю, что делать с тобой и с твоей булавкой. Но что-нибудь придумаем. Как всегда.

Глава 15

Лисанна

— Сана! Сана, очнись! — Кто-то несильно хлопал меня по щекам.

С усилием разомкнув веки, я увидела Рика. Просыпаться рядом с ним в последние дни становилось уже доброй традицией. Но более ничего доброго в своём положении я не видела. Вмиг вспомнились поздние «посетители» гостиницы, где нас так и не накормили ужином, ухмылка Мэвертона и горящие фанатичной злобой глаза человека из дилижанса, мешок и душащие меня руки.

— Как ты? — Волк помог мне подняться с пола и сесть.

Как я? Ответить, что хорошо, в данной ситуации было бы странным.

— Жива, — сказала я коротко, сдержавшись, чтобы не добавить: пока.

Помещение, в котором мы находились, — какой-то тесный и грязный сарай — тускло освещалось подвешенным над дверью фонарём. Можно было рассмотреть бревенчатые стены, засыпанный опилками земляной пол и гору досок в углу. А ещё: заплывший правый глаз Рика под рассечённой бровью — видимо, метаморфа скрутить было труднее, чем квёлую девицу. Но результат один: если я верно поняла, мы угодили к «человеколюбцам» из Ордена Спасения, о котором судья рассказывал, когда ранили Джеда. Правда, забыл тогда упомянуть, что сам является его членом.

— Попали мы с вами в переплёт, княжна, — вздохнул Рик. — Слыхал я об… этих. Но ты, главное, не бойся, хорошо? Ты — человек, девица из приличной семьи, тебе ничего не грозит.

— А тебе?

— Это — как получится, — легкомысленно пожал плечами он.

— Ты знаком с Мэвертоном? — Подумалось, что если у судьи есть, к примеру, дочь или племянница, его претензии к Ричарду будут куда серьёзнее.

— Нет, — развеял мои опасения шаман. — Лишь наслышан. У приятеля родителей поместье неподалёку от его усадьбы, бывал там несколько раз, и меня сразу предупредили насчёт волкодавов.

— Но он назвал тебя по имени.

— Я это заметил, — сказал волк хмуро, но если и имел по этому поводу какие-то мысли, делиться ими не стал. Сам спросил: — А ты этих двоих откуда знаешь?

Пришлось рассказывать о случившемся по дороге в Депри и своей первой встрече с Джедом. Только об уксусе и масле я умолчала, скромно поведав, что помогала пострадавшему метаморфу обработать рану.

— Не так давно ты рассказывала, что познакомилась с Джедом в доме, где работала и где к вам в руки буквально сами свалились эти злосчастные бумаги, — напомнил Рик, когда я закончила свою историю. — А теперь говоришь, что вы познакомились в дилижансе, когда многоуважаемого дэя Селана пырнули ножом.

— То была мимолётная встреча, — пояснила я. — А нормальное знакомство состоялось уже после.

— И ни одна ваша встреча, даже мимолётная, не обходится без происшествий, — усмехнулся унери.

Он пытался шутить, чтобы приободрить меня, но я видела, как он нервничает. Не боится — к волкам, наверное, это слово вообще неприменимо, но очень сильно волнуется. И всё же мы проговорили ещё какое-то время — о каких-то пустяках, почти ни о чем, лишь бы не молчать в ожидании своей дальнейшей участи.

А когда со скрипом дверь медленно отворилась, оба умолкли и вскочили на ноги.

— С добрым утром, — бодро поприветствовал нас судья Мэвертон. — Да–да, уже, можно сказать, утро: солнце вот–вот встанет. Отдохнули, надеюсь? Набрались сил? Вам это скоро пригодится.

— Объяснитесь, нимало не уважаемый мною дэй, по какому праву нас здесь удерживают, — потребовал Рик. — Если до префекта округа дойдёт…

— Вы верно заметили: если, — оборвал человек гневную речь метаморфа. — Но я вам ручаюсь, не дойдёт. Хотите знать, почему вы здесь? Потому что вы — волк. А у нас тут собрались охотники за волчьими ушами. Продолжать?

— Продолжайте, — произнёс Ричард спокойно, но даже в слабом свете единственного фонаря я заметила, как он побледнел.

— Скажу вам по секрету, юноша. — Мэвертон заговорщически покосился на дверь. — Я вовсе не разделяю интересов вот этого вот Ордена, — он потеребил знак на груди. — Я развожу собак и организовываю охоты. Как раз привёз хозяину здешних земель нескольких новых псов. Грех не опробовать в деле, вы так не считаете? А на кого охотятся с волкодавами, как

не на волков? Любителей хватает, ставки высоки. На дэйни, конечно, минимальные. Я так и вообще бы её не выпускал: псы быстро нагонят, азарт растеряют. Но некоторые особо настаивают. Для пикантности. А на вас дэй Энсоре большие надежды. Что может сравниться с удовольствием загнать молодого сильного зверя?

— Я — не зверь! — Рик шагнул вперёд, и тут же за спиной Мэвертона появились трое мужчин с поднятыми наизготовку ружьями.

— Не совсем зверь. Но так даже интереснее, — ухмыльнулся судья.

Я ни слова не могла вымолвить: услышанное казалось столь же ужасным, сколь и нереальным — в наш век не может твориться такого!

— Итак, правила я вам объяснил, — подвёл итог человек. — На рассвете дверь откроется, и идите. Но лучше — бегите.

Он уже хотел уйти, но Рик не позволил:

— Постойте! Ладно, я зверь. Но девушка? Её за что?

— За компанию. И разве вам самому не приятно будет провести последние минуты в обществе невесты?

— Наут, — сквозь зубы прорычал шаман.

А я всё стояла, не в силах ни сказать что-нибудь, ни даже пошевелиться. И только когда дверь за охотниками захлопнулась, рухнула на пол и закрыла лицо руками. Создатель всемогущий, я же всего лишь не хотела выходить замуж!

— Вставай! — резко велел Рик.

— Зачем? — вздохнула я обречённо.

— Вставай, я сказал! — Он схватил меня подмышки и поставил перед собой. — Не смей раскисать!

Присел и вдруг рванул подол моего платья: вверх, а затем — я опомниться не успела — в сторону и по кругу, укоротив длину до колен.

— Что…

— Что надо! — прорычал волк и рывком сдёрнул с меня нижнюю юбку. — Бежать — значит, бежать. Сядь!

Ничего не соображая, я подчинилась, и обрывки платья ушли на то, чтобы примотать к моим ногам туфли.

— Не хватало, чтобы слетели на бегу, — пробормотал он себе под нос. — Хорошо ещё, каблук небольшой. А то знаю я, в чем сейчас девицы ходят: с такой высоты навернуться — все кости переломать можно!

От его деловитого ворчания и продуманной подготовки становилось ещё больше не по себе.

— Рик, я… Я не смогу.

— Сможешь, куда денешься. Потому что, дэйни, если вы намерены отстать по пути или, к примеру, упасть на радость голодным волкодавам, мне ничего не останется, как остановиться и лечь рядом. Сын Энрике Энсоре не станет спасать свою шкуру, оставив в беде беззащитную девушку. К слову, девушка ведь не так беззащитна, как думают эти… охотники? Ты же магесса.

— Я — целительница, — одним словом разрушила я его надежды.

— Вот и хорошо, — неуверенно улыбнулся метаморф после секундной паузы. — У тебя же есть какие-то способности, которые нам помогут? Сумеешь наслать на них всех почесуху или заставить собак уснуть?

— Вряд ли. Но… Постой-ка! Ты ведь… Ты — шаман! Ты можешь открыть Тропу и просто увести нас отсюда!

— Если бы мог, нас тут уже не было бы, — ответил он тихо. — Но здесь… Здесь плохие места. Проклятые, осквернённые — я это чувствую. Дороги предков никогда не приведут сюда волка. Но и не уведут отсюда. Так что лучше бы тебе придумать, что можно сделать. Целители ведь способны влиять на состояние людей и животных. Вызвать временную слепоту у ловцов? Отбить псам нюх? Аппетит?

— Нет, я… Я самая бездарная целительница из всех, какие только есть. — Вспомнила, кто называл меня так, и со стоном вцепилась себе в волосы. — Создатель всемогущий, Джед… Мы потеряли бумаги, нас убьют здесь, и никто им не поможет. Джеду, Яре, Унго…

— Вот видишь, у нас ещё три причины выбраться отсюда живыми, — встряхнул меня метаморф. — Придумаем что-нибудь, обязательно. Например… Огонь! Ты танцевала с огнём!

— Ты тоже, — вздохнула я, чувствуя свою бесполезность.

— Тоже, но не так же. Я не могу сам вызвать огонь, я лишь говорю с духами стихий, а маги могут. Ты же можешь?

Я вяло кивнула: что толку от крошечного лепесточка пламени? А рассвет уже близко…

— Сана. — Рик обхватил ладонями моё лицо, взглянул прямо в глаза. — Мы вырвемся, поверь. Но ты должна быть сильной. И быстрой. И ещё… насчёт Джеда. Наверное, тебе нужно знать: он…

— Да?

Шаман как будто раскаялся в своих словах, на секунду отвёл в сторону взгляд, но всё же закончил:

— Ты ему очень нравишься.

Не думала, что в нынешней ситуации что-либо сможет меня смутить и заставит покраснеть, но жар прихлынул к щекам, и я опустила глаза.

— Зачем ты мне это сказал?

Рик показал в улыбке клыки:

— Я хочу, чтобы ты бежала быстро. Очень быстро.

Рассвет подкрался исподтишка. Сперва погас огонёк под закопчённым стеклом фонаря, и в сарае стало темно, а затем в щели меж досками медленно вполз серый холодный свет.

— Готова?

Громыхнул, открываясь, тяжёлый засов, и дверь со скрипом поползла в сторону.

— Пора.

Я вцепилась в оборотня и замотала головой.

— Пора, — повторил он. — Иначе они просто загонят сюда собак.

На негнущихся ногах, поддерживаемая Риком, я вышла в туманное утро. Огляделась. Сначала показалось, что поблизости совсем никого нет, лишь виднеются за деревьями очертания высокого дома, но раздавшийся невдалеке рык разогнал застилавшую глаза дымку, и в сизом мареве проступили силуэты окруживших небольшую поляну людей. Спустя несколько мгновений уже можно было рассмотреть их лица и оскалившиеся пасти удерживаемых на длинных сворках псов. Волкодавы, огромные, серые, злобно, но пока ещё сдержанно рычали, а во взглядах людей… Нет, в них не было враждебности, ненависти — ничего подобного. И на миг показалось, что если я подойду к ним сейчас, всё разрешится: ведь это какая-то ошибка, злая шутка! А потом поняла, отчего не вижу в охотниках злобы — мы для них не враги, мы всего–навсего дичь. Ненавидит ли стрелок перепёлку, которую уже наметил себе на ужин?

— Не останавливайся, — подтолкнул меня метаморф.

Люди, не меньше двух десятков, намеренно выстроились так, чтобы оставить нам единственно возможный путь — в просвет между деревьев, где не было ни дороги, ни даже тропы, только тёмный сырой лес. Ждали, пока мы пройдём: я, опасливо озираясь на гыркающих псов, и Рик, спокойный и гордый, всем видом демонстрирующий им своё превосходство. И только когда поляна с охотниками, решившими, по–видимому, дать нам фору, осталась за спиной, шаман схватил меня за руку и без слов сорвался на бег.

Сердце бешено колотилось, мелькали перед глазами деревья, ветки вцеплялись в волосы, и хлестала по голым лодыжкам колючая трава. А ещё отчего-то звенело в ушах, и сквозь этот звон я, как ни старалась, не могла расслышать звуков погони. Ни криков людей, ни лая собак. Но они были позади нас, я знала, и бежала что было сил.

Спустя несколько минут такого бега в груди закололо, дыхание сбилось, а глаза жгло слезами и встречным ветром. Зажмурилась, и вслед за звуками пропал промозглый лес. Осталась только крепкая ладонь, зажавшая намертво мою руку, тянущая вперёд до боли в плече… Вновь открыла глаза, но слишком поздно: коряга, через которую легко перепрыгнул Рик, ударила по ноге, влажные от страха пальцы выскользнули из руки оборотня, и я рухнула плашмя, уткнувшись носом в землю. От падения лопнула окружавшая меня тишина, и стал слышен приближающийся к нам лай и перекрикивание загонщиков.

— Поднимайся!

Волк поставил меня на ноги и вновь потащил вперёд. Но на первом же шаге у меня в колене что-то хрустнуло, нога подломилась, и я опять оказалась на земле.

— Сана, скорее!

— Не могу. — Мир смазался за стеной слез, а шум погони становился всё ближе. — Нога…

— Мун семихвостая! Как кстати! — рыкнул он от досады и злости. Поднял меня и поднырнул под руку, подставляя плечо. — Главное, не останавливайся!

Каждый шаг отдавался резкой болью в повреждённом колене, но я, стиснув зубы, шла так быстро, как только могла. Несколько раз порывалась сказать Рику, чтобы оставил меня и спасался сам, но всякий раз цеплялась за него со страхом и малодушно молчала. Когда в очередной раз подогнулась нога, шаман зло ощерился и, ругнувшись, подхватил меня на руки. Даже с такой нелёгкой и неудобной ношей Рик бежал очень быстро, но собаки всё равно были быстрее. Голоса охотников были теперь почти не слышны, зато лай волкодавов раздавался практически за спиной. И снова вернулся тревожный звон: его источник, как мне показалось, был где-то в глубине леса, в стороне противоположной той, в которую бежали мы…

Метаморф вдруг остановился и поставил меня на землю, придерживая одной рукой. Второй потянулся к невысокому иссохшему кусту и отломил веточку.

— Дай мне огонь.

Он смотрел на ветку, и мне показалось, что просьба обращена именно к ней. Наверное, это совсем не странно, учитывая все обстоятельства…

— Сана, дай мне огонь. — Шаман поднял на меня глаза, и в их черноте вспыхнули отблески пламени.

Я замешкалась — от волнения простенькое заклинание давалось с трудом — но всё же справилась и протянула ему на ладони колышущийся огонёк. Рик поддел его веточкой.

— Отойди подальше, — велел он мне.

Присел, коснулся ладонью земли, и редкая трава зашевелилась под порывом внезапно налетевшего ветра.

— Простите мне, духи леса, за то зло, что я собираюсь причинить вашим детям. — Пятясь, припадая на больную ногу, я слышала громкий шёпот унери. — Простите древние дубы и юные осинки, простите птицы, простите твари мелкие, летающие и ползающие…

Я надеялась, что он не будет перечислять всех возможных обитателей чащи, потому что свирепые волкодавы были совсем близко.

Но унери не стал испытывать на крепость мои нервы: взмахнул горящей палочкой, и пламя, словно живое, перепрыгнуло на ближайший куст, а затем поскакало по веткам. Рик распрямился, шёпот стал тише и быстрее, и я уже не разбирала слов. Внезапно он умолк и резко вскинул руки, вверх и в стороны, и мощный поток ветра подхватил расползшееся по траве пламя, раздул в человеческий рост и с невероятной скоростью покатил огненную волну навстречу показавшимся из-за кустов собакам. Грозный лай сменился трусливым визгом.

— Это ненадолго их задержит, так что не останавливаемся. — Волк поднял меня на руки и помчался через редкий осинник.

Иногда он оглядывался, не сбавляя шага, и взгляд у него был тревожным. Может, высматривал собак. А может, переживал за лес, который губил, спасая нас, разгулявшийся огонь. В очередной раз обернувшись, метаморф без предупреждения бросил меня на землю и молнией рванул назад. Воздух зарябил вокруг застывшего в прыжке тела, полетели в стороны ошмётки одежды, и большой, серебристо–серый волк легко спружинил, приземлившись на лапы, и бросился навстречу преодолевшему стену огня псу. Несколько мгновений они глядели друг на друга. Волкодав не выдержал первым и с гортанным рыком бросился на волка. Я тихо вскрикнула, но Рик ожидал атаки: отскочил в последний момент в сторону и уже сам бросился на противника, налетел сверху, повалил и подмял пса под себя. Клацнул зубами у самого горла, но ухватился лишь за шкуру и со злостью выдрал клочок, а пёс уже извернулся и вцепился зубами оборотню в бок. Волк тоненько взвыл, наотмашь ударил тяжёлой лапой по собачьему носу, и цапнул обидчика за хвост. Дальше стало трудно разбирать, что творилось между сошедшимися в схватке: с глухим рычанием они катались по земле, подняв облако пыли, иногда из этого живого комка слышался то болезненный взвизг, то радостный рык, и летели в стороны ошмётки шерсти. А я жмурилась от страха, пятясь назад до тех пор, пока не упёрлась

спиной в толстый ствол дерева, и молила Создателя, чтобы он помог Рику и дал нам уйти, пока не появились ещё собаки.

От громкого, полного боли визга, перевернулось всё внутри, а от раздавшегося следом победного рычания по коже пошли мурашки. Кто, Создатель всемилостивый? Пусть будет…

Рик шатаясь поднялся на лапы и медленно заковылял ко мне, морда волка была в крови и всклокоченный светлый с тёмным подшёрстком мех отливал розовым в сполохах зари с одной стороны и зарева пожара — с другой.

— Идём, — прохрипел он, поравнявшись со мной.

Не надеясь теперь на его поддержку, я подобрала толстую сучковатую палку и, опираясь на неё, похромала вслед за оборотнем. Оглянулась на пса и, к своему удивлению, увидела, что тот жив. Дождался, пока волк отойдёт, встал и, тихо скуля, потащился туда, где слышался лай его сородичей и голоса людей, обходивших вызванный шаманом пал. Не знаю, отчего Рик не убил его, наверное, это что-то сродни его извинениям перед лесом — унери тяжело было причинять вред всему живому. Но сейчас меня больше беспокоил близкий шум погони.

Метаморф остановился, поднял вверх морду, прислушиваясь, а потом неожиданно пошёл в обратном направлении.

— Туда.

Туда? Туда, откуда доносится странный пугающий звон, от которого хотелось бежать подальше?

— Рик, там…

— Стр–рашно? — прорычал он.

Я кивнула.

— Всем стр–рашно. Им тоже. Туда.

Может, он и прав. Я это чувствую. Он чувствует. Не знаю, как люди, но собаки — наверняка. А животные склонны больше слушаться инстинктов, может, испугаются гнаться за нами до источника неведомой опасности… И, кажется мне, будут правы.

Но выбор был невелик: остаться тут и ждать охотников или рискнуть.

С охотниками встречаться не хотелось.

Звуки приближавшегося гона действовал лучше любого лекарства. Сначала я почти прыгала на одной ноге, опираясь на посох, потом уже бодро шла, а через несколько минут почти бежала, игнорируя обжигающую боль и периодический хруст в колене. Пусть его — ногу потом, если что, и деревянную приделать можно! Осталось бы, к чему приделывать…

А вот что было по–настоящему трудно, так это не замечать усилившегося тревожного звона. Это не было звуком в обычном понимании. Скорее, так слышатся чары, но и на привычную

магию это не было похоже. Страх. Боль. Отчаяние. Все эти чувства просыпались в душе по мере нашего продвижения вглубь леса. Опустошённость. Безысходность…

Но Рик шёл впереди, и мне ничего не оставалось, как следовать за ним.

Когда показалось, что идущие попятам собаки уже дышат нам в спину, волк неожиданно остановился, принюхался к чему-то и, забыв обо мне, бросился в узкий просвет между деревьев.

— Рик! — закричала я испуганно, но ответом мне стал лай догоняющей своры.

Не думая более ни о болевшем колене, ни о пугающем звоне, кинулась за ним. Успела заметить мелькнувшую в кустах серую спину.

— Рик!

Чувство неизбежной беды нарастало, хотелось развернуться и бежать подальше от этого места, но я упорно продиралась сквозь заросли, выискивая глазами бросившего меня оборотня. Вниз, конечно же, опять не смотрела и лишь тихо охнула, когда земля вдруг ушла из-под ног и я провалилась куда-то, упала на спину и, как в детстве со снежной горки, съехала по скользкой траве на дно глубокой балки. Поднялась со стоном, мазнув по лбу грязной ладонью, убрала упавшие на лицо волосы и сразу увидела волка. Он лежал в нескольких шагах от меня, рядом с пробегавшим через балку ручейком, и тихо скулил, уткнувшись мордой во влажную землю. Сердце защемило: так ребёнок плачет, впервые почувствовав боль, — жалуется и недоумевает, чем заслужил такое…

— Рик? — Не в силах подняться, поползла к нему.

Оборотень вскинул голову, но меня будто не увидел. Вскочил на лапы, заскоблил со злостью размокшую землю. Отбежал. Опять принялся копать. Опять отбежал. Я в ужасе смотрела, как он носится словно сумасшедший туда–сюда, с рычанием разгребает грязь и тычется в неё носом. А лай собак меж тем всё ближе и ближе…

— Рик… — прошептала я уже безо всякой надежды быть услышанной. — Нужно уходить, Рик…

Попыталась встать, опершись на руку, и по локоть провалилась в вязкое месиво из земли и прелых листьев. Пальцы нащупали какую-то гладкую палку, и, сама не знаю зачем, я вцепилась в неё и с силой вытащила. С полминуты смотрела, медленно соображая и не веря ни глазам, ни чувствам, а поняв, что это на самом деле, громко сглотнула и осторожно отложила в сторону длинную кость. Человеческую. Или…

Метаморф тем временем, кажется, нашёл, что искал.

Завертелся на месте, зарычал и принялся остервенело грести. Тёмные комья летели во все стороны. А потом… Потом он перекинулся, так же быстро и легко, как до этого в волка: лёгкий порыв ветра, рябь по воздуху, и уже человек, а не зверь сидит рядом с разрытой ямой. И этот человек вдруг поднял к небу перепачканное грязью и кровью лицо и громко протяжно завыл. От этого воя похолодело всё внутри, а где-то совсем близко затравленно заскулили собаки и, наверное, вросли от страха в землю охотники.

Рик поднялся на ноги, склонился над ямой и вытащил на поверхность полуистлевший труп. В глазах потемнело, и всё, что происходило дальше, было застлано для меня серой дымкой. Шаман, что-то нашёптывая, размахнулся, кулаком ударил мертвеца в грудь и негромко взвыл, как от боли, словно это его ребра сейчас раскрошились с треском. Запустил руку в проломленную грудину и вынул какой-то чёрный ком. Огляделся — взгляд его при этом был совершенно безумным — и внезапно вгрызся зубами в своё запястье. Искривлённый рот окрасился алым. Превозмогая подступившую к горлу тошноту, я смотрела, как он заносит кровоточащую руку над странной находкой, и тяжёлые тёмные капли падают и впитываются в это чёрное и непонятное. А вместе с тем стихал понемногу тревожащий звон, но легче от этого не становилось. Наоборот — ещё хуже, ещё страшнее. Но теперь я страшилась сильнее всего за Рика. Он сдавил в ладони странный ком, и звон оборвался. Над лесом разлилась тишина, в которой не слышно больше было ни шума ветра, ни пения птиц, ни близкого собачьего лая. Это продлилось всего лишь миг, а затем шаман взмахнул рукой.

— Хей! — Кровь брызнула на землю. — Хей–ра!

Я уже слышала это залихватский клич, но тогда от него не пробегал мороз по коже.

— Хей! — Унери подлетел вихрем, подхватил брошенную мной кость. Подбросил, прокрутив в воздухе. Поймал, пристукнул по ладони. — Хей–р–р–ра! — Медленно пошёл по кругу как тогда, у костров. — Хей, братья! Вставайте, потанцуйте со мной! — Сверкнули в оскале клыки, а хриплый голос стал тише и злее: — Вставайте, братья! Вставайте, сестры! Этот край ещё не видел таких плясок…

Я полжизни отдала бы, чтобы не видеть его безумия, но в то же время не могла оторвать взгляда. В ему одному слышимом ритме Рик шёл по кругу: совершенно нагой, грязный; лицо облепили влажные волосы, глаза горели ярым огнём, а с пальцев летели во все стороны капли крови. И не было ничего страшнее этого… И ничего прекраснее. Как и в ту ночь, под Андирскими

звёздами, шаман вёл свой танец, с каждым шагом двигаясь всё быстрее и быстрее, только теперь не огонь был его партнёром, а ветер. Ветер кружил над ним, срывал листву с деревьев и бросал к месившим грязь ногам, а потом снова подхватывал и уносил ввысь.

— Хей!

Земля вздрогнула, словно призываемые Риком собратья и впрямь решили присоединиться к пляске. Или всё же решили? Отвлекшись от волка, я огляделась и охнула. Из тёмных глубин всплывали в воздух призрачные фигуры. Мужчины, женщины, дети. Зависали на миг, а затем плавно меняли очертания, оборачиваясь белесым туманом, из которого выходили ощерившимися волками, кланялись танцующему шаману и неспешно взбирались по крутому склону туда, откуда вот–вот должны были появиться охотники…

Но не появятся.

Когда последний призрачный волк исчез из вида, ветер стих, и Рик обессиленно завалился на землю рядом со мной. А вверху, за деревьями раздался первый, полный ужаса крик. Затем второй, третий… Я зажала уши, чтобы не слышать этих нечеловеческих воплей, а перед глазами сами собой вставали картины жуткой расправы.

— Теперь они свободны, — услыхала я, несмотря на прижатые к ушам ладони, счастливый шёпот, и посмотрела на волка.

Он улыбался.

— Они их всех убьют? — спросила, словно жуткие звуки вверху могли свидетельствовать о чем-то ином.

— Нет. Не всех. — Оборотень поднялся и сел, обхватив руками колени. — Волкодавов они не тронут. Собаки не виноваты в том, что люди сделали из них… зверей. Но ни один пёс уже не выйдет на охоту.

Посидев ещё немного, пока крики стихнут, он встал на ноги и подал мне руку. Из раны на запястье ещё сочилась кровь, но мне нечем было её перевязать.

— Идём. — Метаморф поглядел на склон, с которого так и не спустился ни один охотник, и повёл меня в противоположную сторону. — У нас ещё остались дела.

К дому Герберта Наута мы вышли часа через два. Не блуждали по лесу, нет, оборотень определил направление безошибочно, но сперва у меня с новой силой разболелась нога, а потом, от всех пережитых страхов и мыслей об убитых призраками людях, случилась натуральная истерика. Впрочем, недолгая: Рик без лишних сюсюканий влепил мне пощёчину, и с

силой прижал к плечу, позволив выплакаться. Когда стыд от осознания того, что я обнимаю голого мужчину, пересилил все остальные чувства, я поняла, что мир постепенно возвращается в норму.

Коллекционер коллекционеров нас не ждал. Это точно. Иначе не открыл бы так скоро, даже не поглядев в окно, что за ранние гости пожаловали. Распахнул дверь и застыл с открытым ртом. Так и стоял бы, наверное, до заката, но мы с Риком слишком торопились.

— Доброе утро, дэй Наут. — Сквозь зубы поздоровался волк, и с размаху съездил кулаком по вытянувшейся от удивления и страха физиономии. — Но не для вас.

Не дав хозяину упасть, схватил его за грудки и втолкнул в прихожую.

Я вошла следом и прикрыла дверь.

— У вас есть кое-что, принадлежащее нам, — объяснял Ричард слабо сопротивляющемуся человеку, волоча того в гостиную. — И мы хотим это забрать.

— Не… понимаю… о чем вы…

— Да? — Оборотень легко подхватил коллекционера и с силой швырнул на стену. — Скажите ещё, что не вы организовали нам дивную утреннюю пробежку?

Мы с Риком сразу поняли, кто является источником наших бед. Мэвертон назвал меня невестой метаморфа, а в этом качестве я была представлена лишь одному человеку.

— Где наши вещи, Наут?

Волк за шиворот сгрёб стонущего мужчину с пола, приподнял на вытянутой руке и замахнулся кулаком.

— Не знаю, — пролепетал человек, жмурясь в ожидании удара. — Я не…

Рик всё же ударил. Брезгливо разжал пальцы, и долго ждал, чтобы рухнувший на ковёр хозяин отдышался, всхлипывая и сплёвывая кровь.

— Где наши вещи?

— У меня их нет… только… бумаги. Там…

Я с облегчением вздохнула.

- …И бубён…

Рик радостно улыбнулся, но тут же снова взял резкий тон.

— Увидели патент, и алчность взыграла, Наут? А самому мараться не хочется. Да и зачем, когда рядом такие соседи? Часто снабжали дэев охотников дичью?

Коллекционер молчал, съёжившись на полу и зажав руками голову.

— Отвечайте! И не вздумайте солгать!

— Нет, никогда, — затараторил испуганно человек. — Я знал, что они… Однажды помог найти покупателя на шкуры…

— Что?! — метаморфа перекосило от ярости, и я его понимала. Знала, хоть до этого дня считала всё страшными сказками или пережитками тёмных веков, как подобные шкуры оборотней. С убитого оборотня не снять: после смерти тот обернётся человеком. Поэтому сдирали заживо…

— Я ни в чем таком не участвовал! — завопил Наут, поняв, что только что сказанное не облегчит его участи. — Ко мне обратился владелец усадьбы, знал, что я располагаю информацией о тех, кого интересуют всевозможные редкие товары… Но я никогда и никого к ним не отправлял! Жизнью клянусь!

— Жизнью? — оскалился Рик. — Что ж, вы сами так решили. Уже забыли, что натравили охотников на нас?

Наут подполз к нему, обхватил руками грязные колени и зарыдал. Шаман брезгливо оттолкнул его ногой и плюнул. В этом я тоже была с ним солидарна: такая жалкая тварь не заслуживала даже смерти.

Вслед за волком я прошла в хранилище. Первым обнаружился шаманский бубён, и Рик с нежностью прижал его к груди. Остальные наши бумаги, точнее бумаги из шкатулки Виктории, лежали на столе. Патент отдельно, а письма и блокнот, с дальнейшей участью которых коллекционер, видимо, так и не определился, с краю, по–прежнему завёрнутые в вышитую скатёрку.

— Уходим, — коротко сказал шаман, собрав документы. — С этим, — кивнул на дверь, за которой подвывал от страха даже не осмеливающийся бежать хозяин, — будет, кому разобраться.

Я шагнула к выходу, но оборотень покачал головой.

— Не так.

— Тропа?

— Да, теперь можно. Только… Погоди ещё немного.

Я решила, что он хочет найти что-нибудь из одежды. Пора бы уже, а то в последний час, я если и смотрела в его сторону, так не иначе как прямо в глаза. Но метаморф лишь подошёл к стене, снял расхваливаемый накануне Наутом масляно–воздушный светильник и, размахнувшись, бросил его в дальний стеллаж. Зазвенело стекло и с хлопком взвилось над книгами пламя, а Рик потянулся за следующей лампой. Через минуту комната полыхала огнём — достойная кара для тронувшегося на своих коллекциях ничтожества.

— Готова? — В треске пламени шаман взял меня за руку. — Просто закрой глаза и подумай о Джеде.

— Из огня да в полымя? — спросила я, к своему удивлению совсем не чувствуя страха.

— Пока запал не прошёл, — недобро усмехнулся волк.

И свежий запах сосен перебил удушливый чад…

…А уши заложило от истошного женского визга.

Я открыла глаза и обнаружила, что мы с Риком, чью руку я всё ещё сжимала, оказались посреди просторной богато убранной комнаты, а ровно напротив нас, как специально выстроившись в рядок, стоят пять девушек, глядят на оборотня, выпучив глаза, и визжат.

— Кхе–кхе… — Шаман стыдливо прикрылся бубном и с укором обернулся на меня. — И кто из них Джед? Куда мы попали?

— Кажется, куда надо, — прошептала я, намертво прилипнув взглядом к ожерелью на груди одной из визгливых дэйни: в россыпи мелких камней сверкало всеми гранями алмазное сердце.

Странно всё же эти их Тропы устроены…

Но обдумать все странности я не успела. Вдоволь налюбовавшись на обнажённого метаморфа, девицы кинулись к двери, едва не сбив с ног пришедшую на их крики женщину, привлекательную брюнетку лет тридцати. Красавица спокойно пропустила их, поправила складки пышного ярко–красного платья и без страха и смущения приблизилась к нам.

— Какая встреча.

Оборотень от растерянности уронил бубён.

— Это излишне, Ричард, — усмехнулась дама, снизу вверх скользнув по нему взглядом. — Я и так тебя узнала. Представишь меня своей подруге?

При этом она так на меня поглядела, что я на миг пожалела о том, что меня не растерзали волкодавы, и решила, что лучшим будет сейчас упасть в обморок.

И упала.

Глава 16

Джед

Как я и думал, разобраться с замком на браслете Яры не составило труда. Потом, немного помучавшись, освободил и свои руки. Но на этом везенье кончилось. Ошейник был толстый, замок — ему по стать, к тому же тугой настолько, что и ключ, должно быть, проворачивался в нём со скрипом, а булавка просто сломалась.

— Ну, уже что-то. — Я ободряюще подмигнул Яре заплывшим глазом.

Девушка всхлипнула.

— Что?

— Ты свободна и можешь… Можешь открыть Тропу. — Вспомнились слова Рика. — Это есть в каждом волке, нужно лишь верить…

— Не в каждом, — не дала она закончить. — Во мне нет. Кровь порченая. Я и оборачиваться только два года как нормально стала.

— Извини, не знал, — пробормотал я сконфуженно, видя, что она вот–вот расплачется. Действительно не знал, но сейчас не время для сантиментов. — Тогда… Попробуй выбить дверь!

Метаморф по силе раз в пять превосходит человека, а дверь, хоть и крепкая с виду, но обычная, деревянная, железом не окована, — я бы без ошейника на раз с плеча высадил, а там и с тюремщиками нашими разобрался бы.

— Не могу.

— Но…

— Не могу я! — взвилась Яра. — Объяснила же! Нет у меня этого! Нет!

— Ну ладно, ладно. — Я с силой прижал её к груди. — Нет, так нет. Придумаем что-нибудь.

— Чего орёте? — пробасил кто-то. Лязгнул металл, и в двери открылось окошечко, такое маленькое, что и лица заглянувшего в камеру человека не разобрать — лишь глаза под насупленными бровями. — Ночь на дворе!

А то мы не знали. Менно, уходя, оставил горящий фонарь, но судя по тому, как уменьшился огонёк, масло было уже на исходе.

— Воды принеси, — рыкнул я тюремщику.

— Не велено. Не помрёте до утра.

Прекрасно!

Не то чтобы я так сильно хотел пить, хоть и не отказался бы, конечно, но известие о том, что ни кормить, ни поить нас до возвращения Менно не собираются, не радовало: стало быть, в камеру не войдут, и уже почти сложившийся план отправился Мун под хвост.

Окошко захлопнулось, и я обессилено растянулся на полу. Закрыл глаза, чтобы не глядеть на понуро присевшую рядышком Яру. Прости, малышка, зря ты за мной увязалась.

— Джед. — Она легонько толкнула меня в бок.

— Сейчас, — пробормотал я сквозь навалившуюся слабость. — Сейчас придумаем что-нибудь…

— Джед, я…

— Что? — Я заставил себя подняться, уловив страдальческие нотки в её голосе. — Тебе плохо? Что-то болит?

Девушка опустила глаза.

— Мне… Мне надо… — еле расслышал я.

— Да пожалуйста. В уголок отойди. Я не смотрю.

Яра густо покраснела и замотала головой. Нашла время стесняться!

— Ну не знаю. Иди… — Я обшарил взглядом камеру. — Иди вон, в сундук! Чем не отдельный кабинет? Ну и дэю Людвигу ценную вещицу подпортишь — мелкая месть, но лучше чем ничего.

Она, разозлившись, ударила меня кулаком в плечо. М–м… Больно же! Да и что я сказал? Тоже мне принцесса Андирская! Чем этот сундук хуже нужника за дядькиной хатой?

Я присмотрелся к ларю светлого дерева, крышку которого украшала затейливая резьба. Интересная всё же вещица…

— Унго, — негромко позвал я тайлубийца. — Кажется, у меня есть план. Не скажу, что очень хороший, но есть.

Когда-то, от безделья, не иначе, я любил размышлять, каково это быть человеком. Представлял, что чувствуют бедолаги, лишённые силы Великого предка. Сегодня, благодаря серебряному ошейнику, испытал все радости людского существования сполна. Тело болело от побоев, лицо опухло, а голова, казалось, вот–вот расколется, словно перезрелая тыква. И я был абсолютно уверен, что в подобную голову не могла прийти удачная идея.

Но другой ни у меня, ни у друзей не было.

— Дэй Джед! — Крики Унго долетали до меня через окружавший мрак. — Не бросайте меня, дэй Джед! Пожалуйста, не бросайте меня!

Яра насторожённой волчицей жалась к ногам.

— Возьмите меня с собой, дэй Джед! Не бросайте! Не

уходите!

— Чего орёшь, образина? — Недовольный голос тюремщика я разобрал с трудом. — Кто куда уходит?

— Волки! — Почти с искренней горечью прокричал в ответ тайлубиец. — Волки ушли по Тропе!

— Что ты мелешь? Куда они…

С лязгом отворилось окошко в двери, и я удовлетворённо кивнул, уловив неприкрытый страх в потоке раздавшихся за тем ругательств. Пока всё по плану, осталась лишь самая малость… Самая малость, которая могла всё испортить!

Топот в коридоре, ругань уже в два голоса, и звук, показавшийся мне прекраснейшей музыкой — скрежет отодвигаемого засова и скрип двери. Всё же я неплохо знаю людей, мой темнокожий друг.

— Дэй Джед!

А это уже сигнал!

Яра вскочила мне на плечи, толкнула лапами крышку сундука и с рычанием выпрыгнула наружу. Когда я кое-как выбрался, волчица, угрожающе ощерившись, стояла в проходе. Умница! Главное удержать открытой дверь, а не разменяться на драку с тюремщиками. Хотя и драки, конечно, не избежать.

Начало атаки я пропустил. Один из людей Менно, ещё секунду назад с опаской глядевший на рычащего зверя, вдруг развернулся и без слов кинулся ко мне. Жалкое подобие оборонительной стойки, выставленная навстречу нападавшему рука — вот всё, на что я был способен. Громила действовал просто и грубо. От первого удара я уклонился, и даже попытался ответить, но человек перехватил мой кулак, зажав пальцы огромной лапищей, отвёл руку и несколько раз ударил в незащищённый бок. Я согнулся пополам, и тут же получил в челюсть коленом. А стоило распрямиться, как охранник бросился на меня, сшибая на пол. Потная туша рухнула сверху, и я, клянусь Создателем, услыхал, как затрещали мои кости. Каким-то чудом извернувшись, я попытался ударить кулаком нависшую надо мной рожу, но удар вышел слабым. В отличие от того, который достался мне. В глазах потемнело… Нет, всего лишь фонарь погас, и свет теперь проникал в камеру лишь из слабо освещённого коридора.

Не пытаясь больше бить, я обхватил руками голову противника, нашарил большими пальцами глаза и с силой надавил. Человек взвыл и дёрнулся, отстраняясь, но я не позволил: схватился за его уши и резко дёрнул на себя, при этом рванувшись навстречу. Бэмс! — отдалось в моей многострадальной голове, и на мгновение показалось, что стало

светлее от посыпавшихся из глаз искр. Но всё же волчий череп оказался покрепче человечьего. Тюремщик потерял ориентацию, обмяк, и я почти без труда скинул его с себя.

Второй в это время, очевидно, пытался прорваться мимо Яры, но свирепый рык и последовавший затем вскрик, ясно дали понять, что эта попытка успехом не увенчалась. Эх, мне бы сейчас перекинуться…

Я приподнялся над зашевелившимся человеком и, пока тот полностью не пришёл в себя, ударил ребром ладони по открытому горлу. Будь сейчас без ошейника — убил бы, а так даже вырубить не получилось: мужик засипел, задыхаясь, но сознания не потерял, и я для верности приложил его кулаком в висок…

— А ну не рыпайся, волчара!

Послышавшийся из коридора окрик был обращён не ко мне. Обернувшись, я увидел, как пятится внутрь камеры Яра, а через мгновенье в просвете появился человек с пистолетом в руке.

— Вы, двое, быстро сюда! — скомандовал он своим невезучим товарищам, один из которых ещё хрипел рядом со мной, а второй сидел у стенки, зажимая прокушенную волчицей ногу. — А вы, твари…

Ненавижу, когда меня называют тварью.

Ненавижу, когда мне угрожают оружием.

Собравшись с остатками сил, я вскочил на ноги и стремглав кинулся к замершему в дверях мужчине. Представил, будто на мне сейчас нет серебряных оков. Вспомнил слова отца, любившего повторять, что даже если на волка объявлена охота, он всё равно никогда не будет дичью…

Наверное, это помогло. Сам не понял, как стоял уже напротив человека, как рука вцепилась в длинное дуло пистолета и рванула оружие из задрожавших пальцев охранника. С наслаждением потянул носом, чувствуя в затхлом воздухе запах страха, и размахнувшись ударил тюремщика рукояткой в лицо… А потом всё закончилось. Заломило в висках, перед глазами пошли разноцветные круги, и сил хватило лишь на то, чтобы развернуться, привалиться спиной к лутке и нетвёрдой рукой перехватить пистолет. Направил дёргающееся дуло внутрь камеры и медленно сполз на пол.

— Яра…

Волчица поняла без слов: вцепившись зубами в куртку, втащила упавшего в проходе мужчину к его притихшим в темноте приятелям. Вернувшись ко мне, перекинулась, чтобы порадовать наших недавних тюремщиков, а теперь пленников видом стройного девичьего тела, прежде чем захлопнуть и запереть на

засов дверь.

Я смежил отяжелевшие веки, и о том, что происходило дальше, мог только догадываться по пробивающимся через гудение в моей голове звукам. Вот Яра открыла камеру Унго. Вот ушла куда-то, но спустя минуту вернулась, звеня ключами. Вот они оба склонились надо мной, и тайлубиец подмышки поднял меня с пола и взвалил на плечо.

— Ошейник, — просипел я.

Если сейчас же не избавлюсь от этой дряни, до рассвета не доживу.

Унго уложил меня на что-то твёрдое, видимо, на стол — ноги свисали, и отошёл, оставив рядом Яру. Её пальчики гладили мои волосы и лицо, и ощущение от этого было такое, словно кожу царапают тонкими иглами, но я мужественно терпел. Не хотелось обижать девочку недовольством, ей и так сегодня досталось. И не факт, что всё уже позади.

— Простите, дэй Джед, — возвратился Унго. — Я не нашёл ключей от ошейника.

Тут уже я не сдержался и застонал.

— Но я нашёл вот это!

Я заставил себя открыть глаза и увидел в руке друга огромные клещи. Даже думать не хотелось, зачем они в этом месте.

— Может быть немного больно, дэй Джед, — предупредил тайлубиец.

— Ничего. — Я с натугой улыбнулся, откидывая назад голову. — Лишь бы не щекотно. А к боли я почти привык…

Бедные люди! Как они живут с этим?

На шее остался саднящий кровоподтёк, но теперь это ненадолго. Избавившееся от магических оков тело быстро возвращало себе силы. Вместе с болью с лица сходили следы побоев, глаза перестали походить на две узкие щёлочки, сквозь которые я последний час едва видел мир вокруг. Голова ещё гудела, но уже не казалось, что она вот–вот взорвётся, а ноги не подкашивались при каждом шаге.

За то недолгое время, что я приходил в себя, Унго успел исследовать подвал. Очевидно, Менно хотел, чтобы как можно меньше людей знали о том, кто находится у него в гостях, и помимо тех троих, что остались в камере, охранников больше не было. Зато нашёлся брошенный на столе кошелёк и горстка мелких монет рядом: наверное, тюремщики играли во что-то на деньги. Я присовокупил к добыче покорёженный серебряный ошейник и браслеты — вышло вполне недурственно.

— Пора.

Мы поднялись по узкой каменной лестнице и оказались на большом, выложенном булыжником дворе. Тут тоже не было ни души, как, наверное, и в доме, в подвале которого нас держали. В предрассветных сумерках небольшое одноэтажное строение казалось давно покинутым. Видимо, наземными помещениями дэй Людвиг не пользовался.

Вновь перекинувшаяся волчицей Яра насторожилась, уловив какой-то звук, но тревога оказалась напрасной: шумел в стойле на заднем дворе уже засёдланный мул. Не знаю, кто и куда на нём собирался, скорее всего, явившийся последним тип с пистолетом, но теперь верхом поедет Унго, а мы с Диярой побежим следом. И неважно куда — я ведь не знал даже, где мы сейчас — лишь бы подальше.

Не успел я озвучить свой план, как волчица снова застыла, прислушиваясь, и тихонько зарычала, кивнув в сторону дома. В тишине послышались шаги. Слишком лёгкие для мужчины. Через минуту на дорожке появилась закутанная в шаль женщина. Шла, потягиваясь со сна, по сторонам не глядела и, наверное, так и не заметила бы нас, притаившихся в тени конюшни, если бы Яра не выпрыгнула на дорожку перед ней.

Ох, получит она у меня!

Но женщина, вопреки опасениям, не закричала: попятилась и замычала, размахивая руками. Немая? Учитывая специфику работы дэя Людвига — идеальная служанка.

— Не бойся. — Я вышел вперёд, отогнав волчицу. — В доме есть ещё кто-то?

Она захлопала белесыми ресницами, а после замотала головой.

— Хорошо. Тогда… — Я присмотрелся к женщине: на вид лет сорок, невысокая, худощавая, бесцветное, невыразительное лицо. Но главное — фигура. — Снимай платье! — приказал я.

Она замычала испуганно и протестующе, на глазах заблестели слезы. Резко я взял, но времени деликатничать нет: светает, Менно вот–вот возвратится.

— Снимай платье, — повторил я, оттеснив служанку с дорожки к скамейке под тёмными окнами пустого дома. — Быстро.

Женщина сглотнула подступившие к горлу слезы, шлёпнулась на лавку и, тихонько подвывая, медленно потянула вверх подол вместе с нижней рубашкой.

— Тьфу, дура! — отвернулся я. — Платье! Мне нужно только твоё платье! Для неё! — кивком указал на присевшую в стороне Яру.

— Дэй Джед. — Выступил из тени Унго. — Может, у дэйны

найдётся другая одежда, кроме той, что на ней?

Одежда у дэйны нашлась. Я на такое и не рассчитывал. Поняв, что ни я, ни мой темнокожий друг не претендуем ни на что, кроме, собственно, платья (как будто я сразу не так сказал!), служанка успокоилась и жестами пригласила нас в дом. Там зажгла свечи в большом канделябре и привела к заставленной старой мебелью и коробками комнате.

— Ы–мы!

Выбирайте!

— Даже думать не хочу, откуда здесь всё это, — пробормотал я, открыв один из шкафов.

Внутри висели платья. Из дорогой ткани, богато украшенные… лет десять, как вышедшие из моды.

В коробках лежали вещи попроще, мужские и женские, разных размеров и фасонов, но такие же старомодные. Всё выстирано и заботливо переложено сушёными букетиками душистых трав.

В углу отыскался ящик с обувью.

— Яра, подбери себе что-нибудь, да поскорее. Унго, иди сюда. Нас будут искать, так что приодеться не помешает. Взгляни-ка!

— Вы шутите, дэй Джед? — с надеждой спросил тайлубиец.

— Вовсе нет. Свяжи всё в узел, переоденемся на подъезде к городу… Должен же тут поблизости быть какой-нибудь город?

Я торопился убраться из этого дома. Задерживали только Яра, вздумавшая примерять платья, вместо того, чтобы взять первое, подходящее по размеру, и устроившая целый спектакль немая. Женщина, видимо, редко встречала метаморфов, если вообще слыхала о них, прожив всю жизнь взаперти, и когда Дияра перекинулась у неё на глазах, у бедняги случился настоящий припадок. Сначала она громко мычала, размахивая руками, потом порывалась пощупать девушку: видимо, чтобы убедиться в её реальности. Под конец убежала куда-то, но через минуту примчалась и запрыгала вокруг волчицы с деревянной трещоткой — кажется, такими прогоняют злых духов.

Это был больше чем намёк, и мы с радостью покинули странное жилище.

Правда, служанка бежала за нами со своей трещоткой до самой конюшни.

— Ворота открой! — приказал ей я.

Дождавшись пока разбуянившаяся немая отойдёт, перекинулся, не жалея испачканной одежды, и затрусил за взобравшимся на мула Унго. Яра бежала рядом.

Когда небо расцветилось первыми лучами поднимающегося над землёй солнца, мы были уже далеко от дома, в который я

надеялся никогда больше не возвращаться.

Чтобы не терять времени, плутая по бездорожью, двигались всё же по тракту. Я впереди, высматривая и вынюхивая опасность, например, возвращающегося этим же путём мага, за мной Унго верхом на муле, а Дияра замыкающей. За час, если не больше, никого не встретили. Как не заметили даже намёка на близость какого-нибудь поселения. Дэй Людвиг забрался довольно далеко от людей. Но это и понятно: никто ничего не увидит, никто ничего не услышит. Троица тупиц–головорезов на подхвате, и немая служанка…

Я размышлял об этом набегу, когда в глазах вдруг потемнело, словно небо закрыла гигантская туча, и сердце сжалось от непонятной тревоги. В лёгком ветерке почудилось знамение бури, шерсть встала дыбом, а лапы намертво вросли в землю. Страшно и холодно. И больно. И тяжко — ни шагу ступить… Где-то позади заскулила побитым щенком Яра. Самому захотелось так. Сдержался. Зажмурился, заскрежетал зубами… Но боль оказалась сильнее, терпеть мочи не было… Поднял морду к почерневшим небесам и завыл, тоскливо и протяжно.

А следующим порывом ветра принесло терпкий запах трав и сосновой хвои. Разогнало внезапные тучи, выдуло из сердца печаль. Почудилось, что стучит вдалеке шаманский бубён, и звук этот разносится по всей Вестолии, от Южных морей до Андирских гор, отражается эхом от заснеженных вершин и у носится ввысь, к чертогам Великих предков…

— Дэй Джед! — Унго спешился и бежал теперь ко мне. — Что случилось, дэй Джед?

— Всё хор–рошо, — прорычал я глухо.

Уже…

Яра шла, низко опустив голову. Наверное, чтобы мы не заметили протянувшихся от глаз влажных следов на шерсти. Приблизилась, ткнулась широким лбом в грудь, ища защиты, а может, и объяснений, которых у меня не было. Я дал ей минутку, после дёрнул зубами за ухо, облизал заплаканную морду и кивнул на дорогу.

— Вр–ремя.

После разберёмся со всеми странностями. Уверен, мы далеко не единственные волки, которых это коснулось, и кто-то просто обязан знать ответ.

Часам к трём после полудня мы всё же добрались до города.

Депри.

Не так уж далеко нас увезли в волшебном сундучке. Интересно, у Менно по всей Вестолии подобные загородные резиденции, или нам просто «повезло» попасться в

непосредственной близости от имения мага?

Впрочем, это был последний вопрос, который занимал меня сейчас.

— Дэйна изволит комнату?

Служка, прыщавый безусый юнец, несмотря на показную вежливость, с явным пренебрежением рассматривал высокую тучную даму, недавно вошедшую в дверь скромной, но вполне приличной гостиницы на окраине города. Женщина была облачена в наглухо закрытый вдовий наряд (всё, от непроницаемой вуали до перчаток было совершенно чёрным), неуклюжа, и, судя по тому, что с ответом не торопилась, крайне медленно соображала.

— Дэйни? — не выдержав тягостного ожидания, работник развернулся к явившейся вместе со странной дамой девице. К слову, не менее странной: если в облике её спутницы не было ни единого светлого пятнышка, то девица цвела, аки весна в провинциальном захолустье — зеленое платье сочеталось с лиловой шляпкой и розовым шарфом не больше, чем с ярко–синими глазами девушки. В данный момент совершенно пустыми и растерянными.

Если предположить, что вдова — это мать, а безвкусная красотка — дочь, можно сделать вывод, что тугодумие у них в роду.

— Комнату, милейший. И поскорее!

Мун знает, сколько ещё топтались бы у конторки, если бы в разговор не вступил сопровождавший дам слуга — малый расторопный и симпатичный, невзирая на двухдневную небритость и следы не то недавней попойки, не то давней драки на умном, можно даже сказать, благородном лице. Ну и скромный, естественно.

Получив ключи, он подхватил с пола объёмный тюк провинциалок (для кого только чемоданы придумали?) и легонько пнув коленом пониже спины замешкавшуюся дэйни, поволок его наверх.

— Прошу вас, дамы! — Распахнул он дверь просторного, неплохо обставленного номера.

И тут уже позволил себе расслабиться: отшвырнул узел с вещами и вальяжно развалился на стоявшей под окном кровати.

— Фух… Вроде бы получилось. Чуть было не испортили всё. Вы… обе…

— Дэй Джед! — укоризненно выговорил Унго, откидывая с лица вуаль.

— Прости. Но слуга–тайлубиец — слишком явная примета для нашей троицы. А так…

Так я предполагал отдохнуть до завтрашнего утра, а на рассвете выехать дилижансом по уже знакомой дороге в сторону Велсинга: вряд ли Рик и Сана успели далеко забраться от того городишки.

Но прежде хотелось всё-таки понять, что же произошло на дороге. А потому, оставив Унго и Яру в гостинице, предварительно исполнив обязанности прислуги и заказав «дамам» обед в номер, я привёл в порядок одежду и отправился прогуляться. Депри большой город, и община метаморфов тут наверняка немаленькая, а при ней, надеюсь, и шаман.

С полчаса побродив по улицам близлежащих кварталов, совершенно людских и весьма людных, я решил не тратить более времени и прямо спросил у первого встречного, где здесь можно найти волков.

— Чуток не дошёл, парень. За рекой их дома начинаются. — Краснощёкий мужичок в куртке мастерового махнул рукой, указывая направление. — Только странное что-то там с утра творится: суетятся, бегают.

Значит, я не ошибся, когда предположил, что это коснулось всех наших. И уверен, не только в Депри и окрестностях…

Что же это было?

Ответ я получил в общине. И он мне не понравился.

— Новости среди метаморфов расходятся быстро, — рассказывал я Унго и Яре, вернувшись в гостиницу. — Тропы, шаманы… У нас свои способы. В общем, сегодня утром произошло кое-что…

Нет, не сегодня. Это началось давно. Десять, двадцать лет назад. Может быть, ещё раньше. Некое сообщество… Орден… Нет, не так — сборище тварей, одержимых идеей собственного превосходства и уверенных в том, что в праве распоряжаться чужими жизнями, придумали себе развлечение: охоту на волков. Не на диких волков, не на зверей, а на моих братьев и сестёр. А чтобы никто не узнал об этом, оградили свои охотничьи угодья с помощью тёмного ритуала. Я не разбираюсь в подобном, и шокированный уже одним началом истории не слишком вникал в то, что пытался объяснить мне шаман общины. Понял лишь, что для этого они похитили и убили одного из наших унери — закопали живьём в землю… Мрази! И с того времени никто из метаморфов не мог уйти из тех мест. Ни живым, ни мёртвым. До сегодняшнего дня.

Сегодня эта погань снова объявила гон. Поймали молодого волка, путешествовавшего по стране с невестой. Девушка, к слову, человек, как мне сообщили, но её не пощадили, тоже загнали в лес — так что одной неприязнью к волкам поступков этих

сволочей не объяснить. Но в этот раз дэй охотники просчитались с дичью. Метаморф оказался шаманом. И вместо того, чтобы дразнить волкодавов и бегать кругами на потеху убийцам, нашёл место захоронения и разрушил заклятье, сдерживавшее пленённые души. Именно это мы и почувствовали: сначала боль и отчаяние погибших сородичей, после — облегчение, избавление…

— Чтоб они сдохли! — бросила Дияра со злостью.

— Они и сдохли. — Я не сдержал мстительной ухмылки. — Освобождённые души волков утащили своих убийц на суд Создателя.

— Серьёзное дело, дэй Джед, — подал голос Унго, к моему возвращению сменивший вдовий наряд на мужское платье. — А с серьёзным делом будут разбираться серьёзные люди. Возможно, дэй Людвиг лично примет участие.

— Я думал об этом же. Вероятно, Менно уже там и до сих пор не знает, что мы сбежали.

— Значит, нам нужно ехать в другую от того места сторону. Вы же знаете, где это случилось?

— Знаю. Но мы отправимся именно туда.

— Почему? — одновременно воскликнули Унго и Яра. Точнее, Яра воскликнула, а тайлубиец удивлённо, но спокойно спросил.

— Ты сам сказал, дело серьёзное. А значит, соберутся многие. Отец наверняка приедет. И Бертран — вожак не останется в стороне. Ула, я думаю, тоже.

— Но там будет этот маг! — Девушку буквально трясло от страха.

— Там будет твой отец, — сказал я уверенно. — А я не хочу снова подвергать тебя опасности. Поэтому завтра мы пойдём в общину, шаман обещал мне открыть Тропу. Сдам тебя дядьке…

Что дальше, я сам не знал. Но ей нельзя было дольше оставаться с нами: я и себя-то защитить не в силах.

— А Рик и… эта твоя княжна?

— Я всё равно не знаю, где их искать. Но если встретим Улу, она сможет помочь.

Прошло всего два дня с нашей вынужденной разлуки с Саной и Риком. За такой короткий срок с ними вряд ли могло что-нибудь случиться.

Глава 17

Лисанна

— О, наконец-то вы проснулись! Я уж думала, не встанете до утра, а мне так хотелось с вами познакомиться и обо всем, обо всем расспросить! Это, наверное, невежливо, но в нашем доме редко случается что-то интересное, а подобного и вовсе никогда не бывало…

Проснувшись, я обнаружила себя лежащей на большой удобной кровати в незнакомой комнате. А рядом сидела незнакомая девушка, лет едва ли шестнадцати, и стоило мне открыть глаза, как юная белокурая дэйни открыла рот, и теперь требовалось вмешательство высших сил, чтобы она его закрыла.

— Как я здесь оказалась? — спросила я, имея в виду комнату и кровать: переход по Тропе, визжащих девиц и готовую сжечь меня взглядом красавицу я помнила.

— Это всё тётушка Тэсс! Когда вы лишились чувств, она сказала, что это от усталости и обилия впечатлений, и решила, что вам нелишним будет выспаться.

— А как я… — Спрашивать было неловко, но на мне было совершенно чистое белье (поклясться могу, что моё собственное!) и новая батистовая рубашка. Волосы, когда я провела рукой по голове, оказались гладко зачёсаны назад и собраны на затылке множеством шпилек. Даже грязь из-под ногтей исчезла — а я была уверена, что после «прогулки» по лесу седмицу не отмоюсь.

— Для тётушки Тэсс это сущие пустяки! — Девушка поняла, что меня беспокоит, и махнула рукой. — Щёлкнула пальцами… Или не щёлкнула? Но так говорят: щёлкнула пальцами, и всё.

— Ваша тётушка — магесса?

— Моя тётушка — Тэсс Ленсвит.

Это имя мне ровным счётом ничего не говорило.

— Ну как же? — растерялась болтушка. — Тэсс Ленсвит! Её все знают, особенно маги, а дэй виконт сказал, что вы…

За окнами уже вечерело: значит, я проспала полдня, и неизвестно, что успел рассказать за это время дэй виконт. И не сболтнул ли он лишнего.

— Простите, дэйни…

— Каролина, — девушка вспомнила, что мы не представлены. — А вы — Сана, я уже знаю. Извините, что мы с подругами встретили вас подобным образом. За час до того, как вы появились, случилось что-то странное. Жених моей сестры… Да,

Розали выходит замуж в конце месяца, потому мы и собрались — девичья седмица, вы же понимаете. Так вот, Реймонд, жених моей сестры, приехал к завтраку, и когда мы уже сели за стол, ему вдруг сделалось нехорошо. А что ещё необычнее, его отцу — тоже. И Клаусу, нашему эконому… Они все — метаморфы. Дэй виконт сказал, что этому есть причины, но тогда-то мы этого не знали, и как раз обсуждали случившееся, когда вы вдруг появились… Ну, вы в таком… немного рваном платье, и дэй виконт… в бубне…

— Простите, Каролина, я могла бы его увидеть?

— А?

— Дэя виконта.

Ну не бубён же!

— Да–да, конечно. Тётушка как раз велела привести вас, когда проснётесь. Розали дала одно из своих платьев, сказала, что вам должно подойти. Помочь вам одеться?

— Если вас не затруднит.

Сама бы я с нарядом не справилась: кринолин, шнуровка на спине — я и раньше предпочитала что-то более удобное для надевания, а за последние дни и вовсе забыла о том, что бывает такая одежда, красивая, но абсолютно непрактичная. Хвала Создателю, с утра на мне не было ничего подобного.

От воспоминаний о рассветном лесе и гонящихся по пятам собаках стало зябко…

— Вам очень идёт, — щебетала Каролина, расправляя складки бирюзового шелка. — Надеюсь, туфли тоже придутся впору. У Розали большая нога, даже неприлично для девушки. Я принесла свои. Надевала их лишь раз, честное слово… Ой, вы такая красавица!

Зеркала в комнате отсутствовали, и я решила поверить ей на слово. К тому же, сейчас меня мало волновало, как я выгляжу. Лучше, чем утром — уже хорошо.

— Тут такое было! — не умолкала Каролина, ведя меня коридорами большого богатого дома. — Маги, шаманы, люди, волки! Два часа совещались в гостиной, дэй Ричард даже поесть не мог — постоянно кто-то его отвлекал, пока тётушка не пригрозила превратить первого, кто войдёт в столовую, в жабу. Она такого не может, конечно, всё это сказки… Но их оставили в покое. Отец сказал, что завтра всё начнётся с начала, потому что такое нельзя просто забыть…

Я не забуду, это уж точно.

— Удивительно, что вы попали именно к нам! Тётушка Тэсс сказала дэю виконту, что любой другой маг испепелил бы его в одно мгновение за подобное появление. Это тоже неправда, но

всё же хорошо, что тётушка и дэй Ричард давно знакомы…

Я наконец-то поняла, о какой тётушке речь, и усомнилась, что их давнее знакомство с Риком — это действительно хорошо. А крики из-за закрытых дверей, к которым подвела меня Каролина, это как нельзя лучше подтверждали.

- …И не смей со мной пререкаться! Мальчишка!

— О, какая знакомая песня. Только мне давно уже не двадцать, Тэсси.

— В любом случае я старше тебя на десять лет, сопляк!

— На восемь, дорогая. Всего лишь на восемь. И в отличие от тебя, я никогда не считал это проблемой.

Да, определённо ничего хорошего.

Оглядевшись, я с удивлением заметила, что в маленькой гостиной, соседствовавшей с комнатой, в которой дэй виконт «беседовал» со своей старой знакомой, мы с Каролиной не одни. На диванчике чинно сидели три девицы, на пуфике у окна — ещё одна. Молоденькая горничная рассеянно елозила салфеткой уже до зеркального блеска отполированную крышку клавесина, а полная пожилая дама, дуэнья, по–видимому, дремала в кресле, прикрыв глаза, но не опуская при этом прижатый к уху слуховой рожок.

— Я же говорила, в нашем доме редко случается что-то интересное, — смущённо развела руками приведшая меня девушка. Прислушалась к воцарившейся за дверью тишиной и легонько подтолкнула меня в спину: — Лучше войти сейчас, а то потом им снова будет не до вас.

Им и сейчас было не до меня, но я слишком поздно это поняла.

Отступила к только–только закрывшейся за мной двери, но скрипнувшая под ногой половица выдала моё присутствие.

— Да как ты смеешь! — Гневный выкрик магессы предшествовал звонкой пощёчине, и Рик растерянно прижал ладонь к лицу. Должно быть, после объятий и страстного поцелуя, за которым оба не заметили моего появления, это было как ушат ледяной воды на голову. Как бы и мне не перепало за несвоевременный визит.

— Я попозже зайду, — пролепетала я, пятясь к выходу.

— Вы уже зашли, милочка, — вполне спокойно произнесла красавица. — А мы с Ричардом обсудили всё, что хотели. Не правда ли? — она обернулась к оборотню.

— Не правда, — усмехнулся тот. — Но Тэсс права, Сана. Раз уж ты проснулась… Кстати, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Я легко поклонилась магессе: — Спасибо, дэйна Тэсс.

— Дейни, — поправила она поморщившись.

— Дэйни, — подтвердил Рик, судя по тону, напрашиваясь на ещё одну пощёчину. — Тэсси никогда не была замужем. Никак не может найти достойного кандидата.

— Отчего же? — Женщина скрипнула зубами. — Однажды нашла. Вполне достойного. Но какой-то наглый волчонок сорвал мою помолвку…

— Волк, дорогая, волк. Волчата, они такие маленькие, пушистенькие… И ты должна была бы поблагодарить этого волка за то, что он не позволил тебе загубить свою жизнь. Тот мужлан тебя не стоил. Ему нужны были только твои деньги и твоё тело.

Ох, пойду-ка я отсюда…

— Как будто тебя самого волновало что-то другое, — магесса одарила метаморфа уничижительным взглядом.

— Меня никогда не интересовала финансовая сторона вопроса, — ухмыльнулся он.

И правда, пойду. Кажется, так неуютно я себя и с волкодавами за спиной не чувствовала.

Зато сколько радости слушательницам за дверью!

— Стоять! — Тэсс заметила, что я потихоньку отступаю к двери. — Ричард, тебе не кажется, что это пора прекратить? Лет пять как пора… Но сейчас есть проблемы поважнее, чем… Поважнее.

— Ты права. — Метаморф расположился в кресле и жестом предложил мне занять место напротив. — Замечательно выглядишь.

Я опасливо покосилась на магессу: не удостоит ли каким-нибудь заклинанием за этот, в общем-то невинный, комплимент? А если удостоит, то кого, меня или оборотня?

Но красавица, к моему удивлению, согласно кивнула:

— Так значительно лучше.

— Так?

Я завертелась, ища какую-нибудь отражающую поверхность — о зеркалах в этом доме будто и не знали!

— Волосы, Лисанна. — Тэсс протянула мне карманную пудреницу. — Я не рассчитала сил и «умыла» вас слишком тщательно. Но так действительно лучше… Если не считать, что ваши приметы известны каждому стражнику по всей Вестолии. Вас ведь ищут, милочка.

— Создатель всемогущий, — выдохнула я с ужасом, узрев в зеркальце аккуратно убранные серебристые пряди вместо уже привычных огненно–рыжих лохм.

— Не волнуйтесь, девочки подберут вам симпатичную шляпку, а потом сможете снова себя изуродовать.

— Спасибо, — выдавила я.

— И ты до сих пор моя невеста. — Видимо, Рик решил вывалить на меня все «приятные» новости разом.

— Сочувствую, дорогая, — ухмыльнулась Тэсс. — Но это до поры защитит вас от общения с дознавателями. Вам же ещё нет двадцати? И ваш жених, как полномочный опекун на время поездки, уже подписал все бумаги. Вы ведь не горели желанием пообщаться с законниками и магами?

И с магами–законниками в особенности.

— А завтра вы просто исчезнете, — радостно закончила женщина.

— Как? — уточнила я, заподозрив неладное.

— Бросите этого остолопа — вы же умная девушка, зачем вам подобный тип? — и уедете в неизвестном направлении до того, как выяснится, что дэйни Саны Энвут вообще не существует.

— В неизвестном? — Я почувствовала, как кровь отлила от лица.

— Для остальных — неизвестном, — успокоила меня дэйни Ленсвит. — Поедете в мой дом на побережье, это в трёх днях пути отсюда — Рик… Ричард знает. И было бы неплохо, если бы он тоже присоединился к вам.

— И не подумаю! — отрезал шаман. — Я не стану прятаться, раз сам заварил такую кашу.

— Кашу заварил не ты, — зашипела на него магесса, — а те ублюдки, что травили собаками твоих сородичей. И пока неизвестно, кто ещё в этом замешан, тебе лучше быть где-нибудь подальше, там, где тебя никто не сможет найти, глупый ты мальчишка!

— Не начинай! — сердито прорычал волк.

— А я и не заканчивала! Тебя уже обвиняют в избиении этого Наута и поджоге его дома.

— Поджог они не докажут. А избиение, как ты говоришь, хоть я его и ударил всего-то пару раз, учитывая обстоятельства, любой суд оправдает. Тем более не думаю, что Наут станет выдвигать обвинения. Они на него самого сейчас посыплются в неограниченных количествах.

— Рик, ну как ты не понимаешь?!

— Это ты не понимаешь! Я не сбегу, поджав хвост, и лично прослежу, чтобы это дело не замяли.

— Дело не замнут, не беспокойся. А вот тебя…

Я снова почувствовала себя лишней рядом с этими двумя. Но уйти мне вряд ли позволили бы.

— Ты должен уехать, — настаивала магесса. — После ритуала, отзвуки которого ощутили все метаморфы и все маги,

думаю, даже за пределами Вестолии, вполне логично предположить, что ты нуждаешься в отдыхе.

— Я прекрасно себя чувствую.

— Капризный ребёнок! — женщина вскочила и сердито топнула ногой. — Ну что мешает тебе хоть раз прислушаться к голосу разума?

— Я не слышу разума, Тэсси. Лишь твой милый голосок. И я никуда не уеду.

— Рик, — вступила я нерешительно. — А как же… Как же наши друзья?

— Я о них помню, — сказал он серьёзно. — Менно сейчас там, на месте… захоронения. Завтра, уверен, захочет пообщаться. Порывался сегодня, но Тэсс всех разогнала. А завтра уж точно. Я… — Он поглядел на дэйни Ленсвит, с непониманием прислушивавшуюся к его словам. — Я кое-что не учёл. Не стоило бить коллекционера. Нужно было сразу убить его.

Патент, поняла я. Наут расскажет Менно, что мы приходили к нему с патентом.

Создатель всемогущий, Тэсс тысячу раз права: Рик отчаянно рискует, собираясь встретиться с этим человеком!

— Ты сказал: Менно? — насторожилась она. — Людвиг Менно? Что тебя связывает с ищейкой Вестранов?

— Меня? — легкомысленно рассмеялся оборотень. — До сегодняшнего дня — совершенно ничего не связывало. А теперь придётся познакомиться.

— Ричард.

— Тэсс.

— Ричард, что происходит?

— Ой, — я запоздало прикрыла ладонью рот. — А у вас там, — кивнула на дверь, — сидят…

— Я знаю, — хмыкнула Тэсс, на время забыв о предмете разговора. — Но они слышат только то, что хотят слышать. Например… — Она как будто прислушалась к чему-то. — Например, сейчас Ричард клянётся мне в вечной любви и верности и, судя по периодическому стуку, бьётся головой о пол. Это так мило, дорогой.

— Для тебя — всё что угодно, дорогая, — угрюмо вымолвил Рик.

— И ты уедешь завтра? — спросила она с надеждой.

— Нет.

— Ричард.

— Тэсс.

Я действительно была здесь лишней. А потому внезапно вспомнила, что жутко голодна.

— Конечно же! — всплеснула руками дэйни Ленсвит. — Сейчас попрошу девочек проводить вас в столовую и распорядиться, чтобы вам приготовили что-нибудь. Простите, Лисанна, с этим несносным мальчишкой о чем угодно забудешь!

— Тэсс, я просил тебя…

— Я тоже тебя прошу, но ты же не слушаешь!

Тут же позабытая обоими я выскользнула за дверь.

— По–моему, это любовь, — мечтательно вздохнула Каролина, взявшаяся отвести меня в столовую в ущерб увлекательным слушаниям.

По–моему, тоже. Но уж больно странная. Хотя откуда мне знать, какая она бывает?

А завтра появится Менно… Могу и не узнать никогда.

Зато, пока для меня готовился то ли поздний обед, то ли ранний ужин, я успела узнать всё о семействе Ленсвитов. Каролину и расспрашивать не нужно было. За какие-то пять минут мне стало известно, что ей через два месяца исполнится шестнадцать, и всю жизнь она провела в родовом имении на юге Вестрана (далеко же нас забросило от «охотничьих угодий» — вчера мы были ещё в Олии). Помимо девушки и её старшей сестры, которая, да–да, я помню, вот–вот должна была выйти замуж, и их родителей, тут обретались их многочисленные кузены и кузины, тётушки, дядюшки и бабушка по линии матери. Тэсс приходилась главе семейства младшей сестрой и, несмотря на «немного сложный характер», была всеобщей любимицей и предметом особой гордости Ленсвитов. Ещё бы — единственная женщина в Вестолии, получившая в последние сто лет наивысшую магическую степень. Наверное, я действительно должна была бы слышать о ней, но в пансионе дэйны Алаиссы девушки получают узкопрофильное образование, и нам редко рассказывали о специалистах в иных областях.

— Но матушка говорит, что это принесло тётушке больше бед, чем радости. С подобными талантами, внешностью и состоянием… Вы знаете, что тётушка баснословно богата? Её учитель не имел своих детей, а потому завещал всё, что имел, нашей Тэсси. До сих пор находятся такие, что злословят по этому поводу, но вы не верьте ни единому слову! А тётушка и впрямь очень несчастна: вокруг неё постоянно вертятся какие-то проходимцы, а порядочные мужчины, в силу своей порядочности, боятся подступиться… Это матушка так говорит. А мне кажется, они с дэем виконтом были бы прекрасной парой. Он хорош собой, не стеснён в средствах, как я слышала, и не менее сильный шаман, чем она — маг. Так сказали сегодня те метаморфы, что были у нас: «Подобное мог сделать лишь очень сильный шаман».

Вот! Но матушка говорит, что ничего из этого не выйдет и всё закончится «как всегда»…

Невзирая на ужасные события, предшествующие нашему появлению в этом доме, его обитателей, а вернее обитательниц, в большей степени занимали отношения «тётушки Тэсс» и «дэя виконта». И что странно, присутствие официальной невесты означенного дэя никого не смущало.

Впрочем, странности тут же объяснились. Оказалось, что невестой я была лишь для сторонних и, как поведала Каролина, только для того, чтобы защитить меня от новых потрясений в виде бесед с многочисленными расследователями, магами и шаманами. Для «своих» я тоже была невестой, но уже не Ричарда, а некоего его друга, доверившего унери заботу обо мне на время своего отсутствия.

— И всё же я уверена, что это истинные чувства! — О чем бы ни говорила младшая дэйни Ленсвит, она всё равно возвращалась к Рику и ненаглядной тётушке. — Ведь неспроста же Тропа привела вас в наш дом?

— Возможно, — согласилась я и тут же поняла, что именно я позабыла, проснувшись: алмазное сердце!

К счастью, Каролине было безразлично, о чем болтать, и мне без труда удалось свести разговор к предстоящей свадьбе её сестры, торжествам, нарядам и украшениям…

— Я заметила изумительное колье на одной дэйни. Несколько ниток мелких камней и крупный бриллиант в центре. Кажется, в виде сердца.

— Заметили? Оно в самом деле прекрасно! — оживилась девушка. — Отец Маргариты заказал его ей специально к свадьбе Розали. Она не должна была надевать его вчера, но мы упросили.

— Маргарита? Одна из ваших кузин?

— Нет, подруга Роз. Маргарита Ликон.

Ликон. Именно это имя называл Джед в разговоре с Улой.

Значит, я не ошиблась, и именно поэтому нас привела сюда Тропа. Хотя, признаться, после того, как мне довелось присутствовать при «дружеской» беседе Рика и Тэсс, подумалось, что попасть сюда было тайным желанием самого шамана.

Поймала себя на том, что уподобляюсь девице Ленсвит, чьи мысли всецело были заняты этой парочкой. Тряхнула головой, заставляя себя вернуться к прерванной теме.

— Дэйни Маргарита с отцом живут сейчас у вас? Хотела разузнать о мастере, сделавшем такое чудо.

— Нет, что вы! — разочаровала меня Каролина. — Живут они у себя. Их имение в часе езды. Но они приедут к ужину — девичья седмица, вы же помните? Конечно, стоило отменить торжества из-

за того, что случилось… Но Рэймонд и Розали и так прождали целый год из-за его армейского контракта…

Я рассеянно слушала очередную историю о настоящей любви, тем временем раздумывая, что скажу Маргарите. И, кажется, придумала.

За ужином в доме Ленсвитов собралось человек двадцать. И, наверное, столько же метаморфов. Всё же Вестран изначально был землёю волков.

Меня официально представили всем присутствующим, всех присутствующих попытались представить мне. Будет чудом, если наутро получится вспомнить хотя бы треть названных имён, но я к этому и не стремилась. Достаточно того, что я познакомилась с Маргаритой Ликон. К моей огромной радости, если судить из разговоров, девица мало чем отличалась от Каролины: такая же юная, восторженная, наивно верящая в сказки и, конечно же, мечтающая о большой любви… Создатель всесильный, давно ли я сама была такой?

— Дэйни Маргарита, мы не могли бы поговорить наедине?

Пока остальные продолжали обсуждать за столом, кто утреннее происшествие, кто грядущую свадьбу Розали, девушки вспорхнули со своих мест и яркими птичками полетели на половину невесты. Сегодня был третий день девичьей седмицы: самое время для гаданий. Меня не звали, но вряд ли представился бы более удобный случай.

— Да, конечно же! — миловидная голубоглазая шатенка ответила дружелюбной улыбкой. — Каролина говорила, что вас заинтересовала работа мастера Гоше. Колье, так ведь?

— Нет, — огорошила я её.

— Но как же…

— Меня заинтересовал только бриллиант в центре, — призналась я честно. Ну а дальше пошло бессовестное враньё: — Вы, наверное, слышали, что я магесса. И помимо основных умений у меня есть дар распознавать проклятия.

— Проклятия? — испуганно воскликнула девушка, рискуя привлечь к нам ненужное внимание.

— Не волнуйтесь, — успокоила я её. — Пока ничего страшного не случилось. Вы ведь не часто надевали ожерелье?

— Нет, лишь раз.

— Вот и хорошо. К тому же проклятие касается лишь одного камня. Но проклятие сильное, я видела вас всего миг, и уже успела заметить…

— Но дэйни Тэсс ничего подобного не видела, а она…

Что? Кто-то тут сомневается в моей компетентности?

— Дэйни Ленсвит, несомненно, талантливый маг, —

проговорила я веско, — но некоторые проклятия лежат вне области изучения магических наук. Нужен особый дар, чтобы их видеть.

Пусть спросит, если хочет, — красавица Тэсс это подтвердит.

— Желаете доказательств, поинтересуйтесь у продавца судьбой камня, — предложила я Маргарите. — Уверена, он сменил немало владельцев в короткое время, а проклятие лишь набирает силу, переходя из рук в руки. Проявляется оно исподволь: сначала мелкая сыпь или лихорадка на губах. — У дэйни Ликон была нежная бархатистая кожа и красиво очерченные губки. — Вы думаете, что простудились, но микстуры не помогают. Потом выпадают волосы на голове… — Волосы у Маргариты были густые, насыщенно–каштановые. — Зато обильно растут на теле. Ломаются ногти. Расшатываются зубы…. — Самой уже страшно! — А самое главное: семь лет несчастий в любви и одиночества.

Закономерный итог, кстати. Кому нужна беззубая лысая девица с красной пупырчатой кожей?

— Не может быть, — в ужасе прошептала Маргарита.

— Можете не верить, дэйни, — пожала я плечами, с удовольствием отмечая, что не верить она уже не может. — Но подобное проклятие возможно снять, если постараться. И раз уж я специализируюсь на подобных вещах… Нет–нет, я не гарантирую, что всё получится, но попробовать стоит. Жаль ведь будет больше никогда не надеть такое роскошное колье?

Естественно, ей было жаль. А потому мы условились, что завтра с утра она привезёт украшение.

Я честно постараюсь избавить камень от проклятия, но у меня, увы, ничего не получится. Маргарита расстроится. Я, как истинный знаток, невероятно заинтересуюсь природой настолько сильных чар и предложу купить заклятый алмаз для исследований. Всё равно она его больше не наденет… Нужно лишь попросить у Рика денег. В долг, конечно же. Уверена, дэй виконт сможет занять необходимую сумму у баснословно богатой «тётушки Тэсс».

Лишь бы в камне ещё была нужда. Уже два дня, как я ничего не знала о Джеде…

— Сана, будете с нами гадать? — Вопрос вездесущей Каролины застал меня врасплох.

— Нет, простите. Пожалуй, пойду в комнату. Я ещё не очень хорошо себя чувствую.

— Возьмите хотя бы монетку! Розали весь ужин сидела на кошельке.

Я не знакома с вестранскими свадебными обычаями, и

сообщение о том, что невеста зачем-то сидела на кошельке с монетками, одну из которых мне теперь предлагают, вызвала искреннее недоумение.

— Так надо, — уверила меня Каролина, сунув в руку тёплый медяк. — Положите под подушку — увидите во сне суженого.

Возможность поговорить с Риком представилась только поздним вечером. Оборотень сам заглянул ко мне перед сном. Начал что-то рассказывать о доме Тэсс, где она предложила мне немного пожить.

— Не сердись, но я сказал ей твоё настоящее имя.

Ну, об этом я уже догадалась.

— И объяснил, что тебе пока нельзя возвращаться домой. Нет, настоящих причин не говорил… Она и не спрашивала.

Хорошо.

— Знаешь, у меня есть троюродная сестра по отцу, ей двенадцать. Так вот, её организм совершенно не принимает мёд. Достаточно одной ложечки, как малышку раздувает, и всё тело зудит ещё три дня. Приходится мазаться мазями и пить горькие микстуры… Но всё равно она время от времени забирается в буфет и съедает немного…

Метаморф умолк, а я так и не поняла, к чему это было сказано.

— Ты хотела спросить о Тэсс, — произнёс он, выдержав долгую паузу. — Я ответил. К слову, она уже уехала. Точнее, ушла по Тропе с одним из местных шаманов.

— Как? — опешила я. Уход дэйни Ленсвит никак не входил в мои планы.

— Просто, — поморщился Рик. — Тэсс работает в отделе исследований Вестольской академии, их очень заинтересовал этот случай. Так что будет копаться в грязи, перебирать волчьи кости.

Он так спокойно говорил обо всем, и о Тэсс, и о костях… Слишком спокойно.

— Мне нужны деньги, — не к месту ляпнула я то, что крутилось на языке. — Уже завтра.

— Много?

— Наверное, да. Чтобы хватило купить вот такой бриллиант. — Показала на пальцах.

Волк удивлённо вскинул бровь, но вместо того, чтобы поинтересоваться, зачем мне вдруг понадобился огромный бриллиант, кивнул.

— Здесь есть представительства моего банка. Проблем не будет.

— Спасибо.

Разговор не клеился.

— Я пойду. — Ричард решительно направился к двери, но вдруг остановился. — Нет, останусь.

— Что? — Я решила, что ослышалась.

— Можно я останусь? — шёпотом спросил оборотень. Каким-то непостижимым образом он в мгновение оказался рядом и уже обнимал меня за плечи.

— Рик, я вряд ли подхожу на роль горькой микстуры.

— Знаю. — Он отпустил меня, но не отстранился. Расстегнул и бросил на спинку кресла сюртук.

Я громко сглотнула.

— Боишься? — Оборотень принялся за рубашку.

Я отступила на шаг.

— Если боишься, закрой глаза. Хотя вряд ли увидишь что-то новое.

— Рик, если ты… Я закричу, — предупредила я, заикаясь.

— Не нужно, — сказал он тихо. А рубашка отправилась вслед за сюртуком.

Ещё как нужно!

— Просто закрой глаза.

Я глубоко вдохнула и, набрав полную грудь воздуха, уже собралась осуществить свою угрозу и заорать на весь дом, когда, осмелившись посмотреть оборотню в лицо, вдруг встретилась с ним взглядами… Выдохнула и послушно зажмурилась.

— Так лучше, — последовало полунасмешливое.

С минуту, а может и больше, слышен был лишь шорох снимаемой одежды. Я стояла ни жива, не мертва, боясь шелохнуться и на всякий случай прикидывая, чем, если что, можно будет его стукнуть…

— Тепер–рь откр–рывай.

Огромный серебристо–серый волк неторопливо прошествовал через комнату и улёгся на коврике у кровати.

Нет, ну не негодяй ли? Перепугал чуть ли не до смерти! Неужели сложно было сказать, что после всего случившегося просто не хочет оставаться один? В чужом доме, с призраками, которые, наверное, ещё не скоро его оставят, с душевным зудом после очередной «ложки мёда»…

Интересно, все мужчины такие или только оборотни?

— Пр–рости, не совсем то, на что ты р–р–рассчитывала…

Ещё и потешается!

Я затушила свечи и задумчиво взвесила в руке канделябр. Нет, чересчур.

Хотя, если он ещё что-нибудь скажет…

Но волк, молчал, словно разгадал мои мысли. Ни слова, ни

рыка.

С трудом избавившись от платья, я пробралась мимо него в постель. Как будто и не заметил.

В гнетущей тишине даже сон не шёл.

— Рик, — позвала я негромко.

— Уговор–рила! — Он вскочил на лапы и в один прыжок оказался на кровати.

— Что? Я? Я всего лишь хотела пожелать тебе доброй ночи!

— Добр–р–рой, — рыкнул он, сворачиваясь на одеяле. — Будешь толкаться, укушу.

Однажды всё это закончится… Ведь закончится же? И как я стану засыпать без волка под боком?

Разве что завести своего собственного…

Волк мчался прямо на меня… Когда-то я считала, что в зверином обличии они все одинаковые, совершенно, а теперь, зная всего двоих, ни за что их не перепутала бы. А этого узнала бы и из тысячи. Даже без бриллиантовой капельки на серой шерсти торчащего вверх уха.

— Джед!

Словно со стороны услыхала свой собственный голос: не радостный, нет — звенящий от страха…

А волк не останавливался. Подлетел, злобно рыча. Сильные лапы толкнули в грудь.

Падение. Тяжесть навалившегося сверху тела.

Оскаленная пасть. Слюна капает на лицо.

Иступленная ярость в жёлтых глазах… И обречённость…

— Не нужно!

Зубы зверя смыкаются на моей шее.

Миг тишины. Миг пустоты.

А затем вижу нас обоих будто бы с высоты: себя с разорванным горлом, лежащей на неестественно яркой зеленой траве, и мёртвого волка, уткнувшегося окровавленной мордой в мою ладонь…

— Нет!

Крик остался во сне. Здесь, в тёмной комнате, я не проронила ни звука. Лишь рубашка прилипла к спине, плечи мелко дрожали, а скулы свело от сдерживаемых слез.

Рядом заворочался, чуть слышно скуля, Рик, но это были его собственные кошмары.

Запустив руку под подушку, нащупала трясущимися пальцами монетку, вытащила и швырнула в сторону окна. Стекло негромко звякнуло, медячок стукнулся о подоконник…

К Мун такие гадания!

Глава 18

Лисанна

Плохой сон предварял плохой день.

Началось всё с горничной, той самой чистоплюйки, намедни полировавшей клавесин под звуки задушевной беседы Тэсс и виконта Энсоре. Она влетела без стука и радостно сообщила, что дэйни Каролина прислала её помочь мне одеться. Я успела вскочить навстречу, краем глаза отметила бесшумно сползшую с постели и укрывшуюся за кроватью серую тень, с облегчением вздохнула… Но, как оказалось, рано. Брошенные Ричардом в кресле вещи, в отличие от хозяина, не собирались никуда ползти и прятаться, и девица с минуту ошалело пялилась на них, игнорируя мою настойчивую просьбу зайти попозже.

Но этот случай по размышлении можно было бы счесть забавным. И то, как я всё же выпихнула горничную в коридор. И как Рик в панике торопился одеться, забыв при этом принять человеческий вид. Как потом долго топтался у меня за спиной, не зная, что делать со шнуровкой корсажа, ибо, по его признанию, был знаком только с «обратным процессом». Даже то, что на выходе из комнаты меня поджидали обе девицы Ленсвит, десяток их кузин, болтливая — кто бы сомневался! — горничная и престарелая дуэнья со слуховым рожком, не показалось чем-то ужасным. Будь здесь Тэсс — да, вполне возможно… А так, пусть сколько угодно сверлят меня взглядами, больше любопытными, чем разгневанными, и обыскивают, едва я прошла к лестнице, спальню: к любым взглядам я в последние дни сделалась нечувствительна, а в спальне уже никого нет. Под окнами нужно было караулить, милые дамы!

Потерять репутацию я уже давно не боялась. Дня три, наверное, с тех пор, как наконец поняла, что есть куда более сильные страхи. Но на сердце всё равно было неспокойно.

И оправдание гадкого чувства не заставило себя ждать.

— Знаете, дэйни Сана, — тараторила Маргарита, — отец проверил ваши слова. Наш поверенный, который занимался покупкой, подтвердил, что камень слишком часто менял владельце в последнее время. А предыдущий его хозяин попал в жуткую историю: представляете, его избили какие-то бандиты, а пока он лежал больной, жена сбежала… — Девушка понизила голос до еле слышного шёпота: — С любовником…

Едва дэйни Ликон с родителем переступили порог особняка

Ленсвитов, я, улучив момент, оттащила девушку подальше от подруг, и пока те не известили её о моей, в свете утренних новостей, полной неблагонадёжности, спросила о камне. Первые слова порадовали: наличие проклятия подтвердилось.

Но дальше…

— Отец очень испугался. Я даже не подозревала, что он настолько серьёзно относится к подобным вещам. К счастью, у него уже был покупатель…

Сердце оборвалось и рухнуло в ледяную пропасть.

— Вы не подумайте, папа честно предупредил дэя Верлана о проклятии, и тот сказал, что поищет специалиста в этой области и со всем разберётся.

— Но… Я могла бы…

— К сожалению, дэй Верлан уезжает сегодня… Возможно, уже уехал. У него какие-то дела на юге, а через седмицу — день рождения супруги. Он именно для неё и купил колье. Да–да, отец продал его полностью. Вдруг другие камни как-то переняли недобрые свойства алмаза?

— А вдруг ваш дэй Верлан желает угробить свою жену и для того купил проклятый камень? — выпалила я зло.

Пока Маргарита, растерянно приоткрыв рот, обдумывала мои слова, я вихрем пронеслась через холл, заполненный съезжающимися к завтраку гостями, и вылетела на высокое парадное крыльцо. Сбежала по ступенькам, а дальше — по усыпанной гравием дорожке вглубь тенистого сада. Хотелось выплакаться наедине.

Только мне и этого не позволили.

— Сана! — Рик догнал меня уже через минуту. — Что случилось? Кто-то из этих расфуфыренных дур посмел тебе что-то сказать?

Ох, если бы так…

Ничего не объясняя, но и без рыданий, лишь всхлипывая тихонько, бросилась ему на грудь и прижалась щекой к мягкому сукну, ещё хранившему аромат духов Тэсс. Ну за что, за что всё это? Джед неизвестно где… Создатель всемогущий, неизвестно даже, жив ли он. А теперь и алмаз, который я видела лишь вчера, который был рядом, только руку протяни, снова потерян!

Метаморф утешающе гладил меня по плечам, что-то шептал на ухо, но я не понимала, что… А потом он вдруг с силой прижал меня к себе, и сердце бешено забилось от тревожного предчувствия.

— Тропа, — одними губами проговорил Рик. — Кто-то идёт по Тропе…

Я испуганно вцепилась в него. Да, Тропа — это волк. Но и

маги нередко пользуются помощью шаманов, чтобы преодолевать большие расстояния, а Менно ещё вчера горел желанием встретиться с тем, кто освободил пленённые души убитых оборотней. С тем, кто приходил к Науту с патентом из шкатулки Виктории.

В следующий миг я почувствовала, как ослабли объятия шамана. Проследила за взглядом Ричарда и крепче схватилась за лацканы его сюртука. Чтобы не упасть. А сердце забилось ещё быстрее…

Джед

Ночью мне снился кошмар. Проснулся в холодном поту, но, как ни старался, не смог вспомнить, что меня так напугало. Осталось только гнетущее чувство, будто случилось что-то ужасное и непоправимое.

Да и мысли о предстоящих встречах радости не добавляли. Я надеялся, что получится незаметно попасть к разбуженному захоронению, ставшему за сутки местом паломничества наших шаманов и людских магов, и отыскать там Улу или Бертрана, но памятуя о своей невероятной «везучести», подспудно готовился сразу же после прохода нос к носу столкнуться с Менно.

Однако ни ожидания, ни страхи не оправдались.

Правда, с нэной всё же увиделся. Унери, с которым я сговорился накануне, привёл нас по Тропе на маленькую полянку в лесной чаще, и похоже, сам удивился тому, где мы оказались. Тут не было ни волков, ни людей — только Ула сидела в одиночестве на толстом стволе поваленного дерева. Завидев меня, сердито погрозила кулаком:

— Ты какого лешего сюда рвёшься, дурья твоя башка?!

— А куда мне ещё рваться? — огрызнулся я, попросту ошалев от подобного приветствия.

— Куда–куда… К Рику!

И на этом встреча с любимой бабушкой закончилась.

Просто шатнуло в сторону, повело, и вот мы с Ярой и Унго снова стоим под высокими деревьями, но уже не в лесу, а в чьём-то ухоженном саду. А шагах в пяти от нас — дэй Ричард Энсоре собственной персоной. Не чета нам, вчерашним узникам холодных казематов: гладко выбрит, причёсан, одет с иголочки. И, как необходимый атрибут, призванный окончательно подтвердить, что это в самом деле не кто иной, как Рик, — висящая на шее виконта девица, стройная блондинка в голубом платье.

Она обернулась, и первое, что пришло в голову, что этот цвет очень идёт к её глазам. Но по голове меня не так давно и весьма сильно били, так что ничего странного в подобных мыслях не было…

Ричард опомнился первым, улыбнулся, шагнул навстречу, но Сана, опережая его, бросилась к нам и порывисто прижала к груди… Яру.

— Хвала Создателю, вы здесь! Живые, невредимые… — От души потискав растерявшуюся волчицу, Лисанна переключилась на тайлубийца: — Унго! Если бы вы знали, как мы переживали!

Э–э… Джед, я так рада, что ты жив… Нет?

Нет.

Пришлось удовольствоваться объятиями Рика.

— Дружище, ты даже не представляешь, насколько вы вовремя!

Да? Мне так не показалось.

— Как вы нас нашли? Виери? Только она могла бы… А от Менно как ушли? Или это был не он? Мун семихвостая, Джед, мы уже не знали, что думать и где вас искать… А потом закрутилось… Джед! Джед, да скажи хоть что-нибудь!

— Бумаги ты стащил? — спросил я о том, что счёл главным.

— Да, — нимало не раскаиваясь, признался шаман. — Всё здесь, не волнуйся.

— Здесь — это где? — уточнил я. Судя по всему, хотя бы по тем же нарядам, Рик с княжной в наше отсутствие неплохо устроились. А я, дурак, ещё волновался!

— Вестран, приятель. Имение Ленсвитов. Ты же помнишь Тэсс? Она сейчас отсутствует, но я — почётный гость, да и тебя ждали. Вернее, на самом деле не ждали, но всё считают, что ждали…

Определённо, частые хождения по Тропам не способствуют работе мозга. Я тряхнул головой, пытаясь таким образом привести в порядок её содержимое и понять, как Рик оказался почётным гостем в доме женщины, с которой только на моей памяти «окончательно» порывал раз десять, как эта самая женщина терпит рядом с ним Лисанну, и зачем они тут ждали или не ждали меня.

— Идём в дом, там поговорим. — Рик потянул меня за рукав. — Только запомни: Сана — твоя невеста. Но может быть и моя. Смотря, для кого. Понял?

Не знаю, как это можно было понять, но я согласно кивнул. После разберёмся со всеми странностями.

Шаман, словно был тут не гостем, даже почётным, а полноправным хозяином, привёл нас в дом, заполненный какими-

то людьми и волками, и представил нескольким мужчинам, объявив наконец-то приехавшим женихом дэйни Саны. Унго был назван моим секретарём, а Дияра — кузиной. Хоть тут обошлось без вранья. Далее последовал прозрачный намёк на некую неприятную ситуацию, в которую мы попали по пути, что, видимо, должно было объяснить наш потрёпанный вид. За сим Рик позвал нас с Унго в отведённую ему комнату, а Яру взяла в оборот охающая и ахающая толпа девиц.

После событий последних дней всё это — шикарный особняк, нарядные гости, слуги в парадных ливреях — казалось чем-то нереальным, ненастоящим, готовым лопнуть в любой момент, словно мыльный пузырь… А потому стоило воспользоваться случаем. Побриться, переодеться и нормально поесть.

Пока приводил себя в порядок, не вдаваясь в подробности, поведал Рику, как удалось уйти из гостеприимного подвала дэя Людвига, а заодно разузнал, что именно Сана успела рассказать унери о бумагах. Внутренне порадовался тому, что девушка умолчала о том, при каких обстоятельствах я заполучил злосчастную шкатулку — не хотелось предстать вором в глазах старого приятеля.

О том, как и почему они оказали здесь, спросить не успел: Ричард справедливо решил, что я не откажусь от завтрака, и снова потащил меня в общество разряженных дэев и прелестных дев. Ощущение нереальности не оставляло, а беседы о чьей-то предстоящей свадьбе и ценах на земельные участки лишь укрепляли мою уверенность в том, что удары по голове всё же бесследно не проходят. За столом и уже после несколько раз заговаривали о вчерашнем происшествии с шаманом, поквитавшемся с убийцами волков и освободившем пленённые души. Я прислушивался, но тщетно: неприятной темы касались вскользь, а мне и без этого хватало неразрешённых вопросов.

— Дэй Ликон, вы позволите…

Вырванное из общего гула имя заставило встряхнуться.

— Ликон? — переспросил я у Рика. — Маркиз Ликон? Познакомь нас.

Если друг удивился моему внезапному желанию, то вида не подал. Без вопросов подвёл к небольшой компании мужчин…

— Ричард, прости, но я украду его у тебя на минутку. — Неизвестно где прятавшаяся до этого момента Лисанна со смущённо–кокетливой улыбкой ухватила меня под руку и потянула к выходу из гостиной.

Нет, я рад, что обо мне наконец-то вспомнили… Но почему именно теперь?!

— Соскучилась, — доверительно сообщил за моей спиной так

и представленному мне маркизу Рик.

— Сана, мы не можем поговорить позже? — спросил я тихо.

— Нет, — шепнула она, опуская глаза и заливаясь нежным румянцем. — Сейчас…

Я обернулся на Ликона. Ну не растает же он в воздухе за какие-то пять минут?

Или десять? Девушка повела меня по длинному коридору, затем вверх по лестнице, втянула в какую-то комнату и закрыла дверь… Уверен, он и за час никуда не денется!

— Джед, я…

— Ты прекрасно выглядишь. Волосы… Так лучше.

Нерешительно протянув руку, коснулся серебрившихся в льющемся через окна солнечном свете прядей.

— Тебе не нужно говорить с маркизом, — зажмурившись, выпалила княжна.

— Не буду, — пробормотал я, рассеянно наматывая на палец длинный локон.

— У него уже нет камня.

— Что?!

— Прости, я слышала, тогда, у Улы, и хотела…

Посох Создателя, скажите, что всё это мне снится!

Увы.

Мне хватило терпения выслушать её объяснения вперемешку с извинениями, но в конце рассказа выдержка мне изменила.

— Проклятие?! — почти проорал я. — Проклятие, ха! Знаешь, что такое настоящее проклятие? Ты! Моё. Персональное. Проклятие. И разрази меня гром, если я знаю, чем заслужил это!

— Джед, пожалуйста, не нужно…

— «Не нужно» надо было сказать себе, дэйни Лисанна! Не нужно подслушивать чужих разговоров! Не нужно совать свой нос, куда не просят! Не нужно…

В дверь постучали, а в следующую секунду, не дожидаясь ответа, в комнату вошла высокая стройная брюнетка в мужском платье. Тэсс. А Рик говорил, что её нет в имении…

— Дэй Леймс, — кивнула она мне, так словно мы виделись лишь вчера, а не больше года назад.

— Дэйни Ленсвит, рад…

— Заметно, — скривилась она. — Ричард вас искал. Он в библиотеке с вашей кузиной.

Яра! Задери меня Мун, совсем забыл о ней!

— Идите–идите, — поторопила Тэсс. — А я пока скажу несколько слов Сане.

Если мне нужен был повод закончить разговор с этим уже не рыжим, но всё же недоразумением, то это был он, и я не стал им

пренебрегать.

Вышел за дверь и тяжело выдохнул, прислонившись к стене.

— Только появился, и сразу скандал? — донёсся из комнаты насмешливый голос Тэсс. — Кто-то уже донёс ему о вас с Ричардом? О чем вы только думали, милочка, проводя ночь с мужчиной в доме, где у стен есть не только глаза и уши, но и длинные языки?

Я с силой зажмурился и попытался заново проснуться в гостиничном номере в Депри.

Не вышло.

Что ж… Тогда у меня всего один вопрос. Где в этом проклятом доме библиотека?

Лисанна

В какой-то момент показалось, что я разгадала, к чему был мой сон: думала, он убьёт меня. В самом деле убьёт.

Тэсс пришла как нельзя вовремя.

— Только появился, и сразу скандал? — спросила она, выставив разгневанного волка за дверь.

Я сконфуженно развела руками: что объяснять, если, наверное, и внизу слышали о том, что я — его персональное, неизвестно за что ниспосланное проклятие.

— Кто-то уже донёс ему о вас с Ричардом? О чем вы только думали, милочка, проводя ночь с мужчиной в доме, где у стен есть не только глаза и уши, но и длинные языки?

Щеки вспыхнули, но я тут же взяла себя в руки.

— Дэйни Ленсвит, я не знаю, что вам сказали…

— Можно просто — Тэсс, — разрешила она. — Я, конечно, намного старше вас, но ещё не так стара. И не стоит оправдываться Сана, оставьте объяснения для жениха. А мне это совершенно не интересно.

— Ой ли? — не сдержалась я.

Не ожидавшая подобного вопроса красавица удивлённо приподняла брови, окинула меня оценивающим взглядом и усмехнулась:

— Не интересно. Потому что я и так знаю. У Ричарда весьма своеобразные представления о благородстве, но он не лишён их начисто. Например, он не пудрит мозги наивным дурочкам, давая обещания, которые не собирается выполнять, и никогда не свяжется с невестой друга.

— Меня вы по обоим пунктам исключили?

— Ну–у, насчёт наивной дурочки я ещё раз хорошо подумаю,

— пообещала Тэсс и неожиданно посерьёзнела. — Я ничего не исключаю, Сана. Всё может быть. Но я всё же смею надеяться, что не в моем доме, не в моей комнате и не в моей постели.

— Это ваша комната? — удивилась я.

— Так сложно догадаться? — Магесса обвела рукой помещение, которое я расценивала исключительно, как спальню, и — словно вдруг спал полог иллюзии — стали заметны книжные полки вдоль одной из стен и письменный стол в углу. — Из-за грядущей свадьбы Роз, все гостевые заняты. А я всё равно не собиралась оставаться тут на ночь.

— А нужно было, — проговорила я, отвернувшись. Взгляд заскользил по корешкам книг, по привычке выискивая знакомые названия.

— Возможно, — не спорила Тэсс. — Он никогда не признается, но я могу представить, насколько это было тяжело. Все метаморфы королевства ощутили ту боль, что он в один миг пропустил через себя, — это не скоро забудется, если забудется вообще… Но ведь он не остался без поддержки друга? И вы убедили его уехать. Спасибо.

Убедила уехать? Да, верно: Джед здесь, и у Рика теперь нет повода лезть на рожон, встречаясь с Менно. Но дэй Людвиг крайне настойчив…

— Сана, скажите мне честно, во что он влез?

— О чем вы? — Я по–прежнему не отвлекалась от книжных полок. Узнала только справочник лекарственных растений, у нас с Милисентой был такой, один на двоих.

— Не делайте вид, будто не понимаете. У вас это плохо выходит.

— Спросите его сами, — предложила я.

— Думаете, не спрашивала? Но Ричард слишком…

— Аист! — прошептала я, вдруг перестав слышать голос Тэсс. Руки сами потянулись за книгой, на корешке которой был точно такой же оттиск, как на блокноте из шкатулки Виктории. — Что это означает?

— Это? — растерялась магесса. — Вы о клейме? Сана, не уходите от разговора, прошу вас…

— Тэсс, это я прошу вас, — бросилась я к женщине. — Пожалуйста, это очень важно! Очень–очень важно!

— Это личное клеймо автора. Все книги Натана Тисби, выходившие при его жизни, им отмечены.

— Натан Тисби, — повторила я. «Н. Т.», писавший Анне из Драмлина длинные любовные письма? Вполне возможно. — Вы сказали, при его жизни? Значит, он умер?

— И уже давно. Покончил с собой, если вам это интересно.

Мне было очень интересно, но встретившись взглядами с дэйни Ленсвит, я поняла, что и слова от неё больше не услышу, если не объясню причин своего интереса.

Значит, пора заканчивать этот разговор.

Уверена, человек, писавший книги по — взгляд на обложку — основам обрядовой магии, наверняка был известной личностью, и только девица, последние шесть лет проведшая в закрытом учебном заведении с ограниченной специализацией, могла ничего о нём не слышать. А раз так, не будет проблемой разузнать о нём побольше в другом месте.

— Простите, Тэсс, но мне нужно срочно переговорить с… со своим женихом.

С любым. А потом обсудим это все вместе и решим, что делать дальше.

Джед

Блуждать по дому в поисках библиотеки не пришлось: Унго в чистом, немного тесном ему костюме, как и положено секретарю, ожидал у лестницы.

— Что-то случилось, дэй Джед?

Наверное, слышал мои возмущённые вопли.

— Да. — Я отвернулся, скрывая досаду. В первую очередь — на себя. — Потом расскажу. Хотя… Нет, сейчас. Сможешь, пока мы здесь, разузнать о некоем дэе Верлане? Это новый хозяин алмаза. С лёгкой руки дэйни Лисанны.

В двух словах, стараясь сдерживать эмоции, рассказал приятелю об очередной дурацкой выходке княжны.

— Вы слишком суровы с ней, — покачал головой тайлубиец.

— Считаешь, я должен был поблагодарить её за то, что она сделала?

— Считаю, — сразил он меня. — Она пыталась помочь.

— Она с первой встречи пытается мне помочь, — признал я сквозь зубы. — Как я жив ещё с такой помощницей? То живьём замаринует, то на посмешище перед стаей выставит… А теперь — камень!

— Дэйни Лисанна упустила алмаз лишь раз, — спокойно, словно ничего страшного не произошло, сказал Унго. — А от вас он ускользает уже три года.

— Ты прав, — вздохнул я. — Но…

— Дэй Ричард ждёт вас, — напомнил тайлубиец. — Им с дэйни Лисанной пришлось многое пережить, и, мне кажется, это ещё один повод быть с ней помягче.

Да уж, многое — даже не сомневаюсь…

— О чем ты? — встрепенулся я, поняв, что он вряд ли говорил о том же, о чем я думал.

— О вчерашнем. О той страшной охоте. Разве дэй виконт не рассказал вам?

Не рассказал. Но можно было догадаться: по обрывкам фраз за столом, по тому, как его принимали в этом доме… Молодой унери и человеческая девушка — так нам сказали в Депри.

— Где он?

— Пойдёмте, дэй Джед, — Унго указал на лестницу. — Я провожу.

Рик был там, где и сказала Тэсс, — в библиотеке. Сидел на столе, покачивая ногой, и листал какую-то книжечку. Яра, наряжённая в пышное розовое платье, с убранными в аккуратную причёску волосами, скучала в кресле рядом. Едва я вошёл, она вскочила и бросилась ко мне.

— Джед, давай уйдём отсюда! Они здесь все сумасшедшие! И болтают без умолку о таких глупостях, что у меня голова кругом!

Как я её понимал. После жизни в горном селении, простой и беззаботной, час в великосветском обществе покажется годом в богадельне. Но не время это обсуждать: уедем, обязательно уедем.

Оставив девушку без ответа, я подошёл к Ричарду.

— Почему ты мне не рассказал?

— Ты не спрашивал. — Он отложил книгу и спрыгнул со столешницы. — Я решил, что уже знаешь.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, и я, не выдержав, первым отвёл глаза.

Шаман! Странное дело, я только сейчас понял, что мальчишка и разгильдяй Рик на самом деле такой же, как Ула. И его дар — это не только танцы с огнём и игры с ветром. Он тоже живёт меж двух миров, слышит, видит и знает больше, чем остальные. Намного больше…

— Расскажу в подробностях, если хочешь, — пообещал он. — Но только когда уберёмся отсюда. Тэсс вернулась, сказала, что Менно мной настойчиво интересуется. И боюсь, не только в связи со вчерашним происшествием.

— Что ещё ты успел учудить?

— Проверил подлинность патента. Как раз перед тем, как нас с Саной пригласили покормить собачек.

Похоже, нам многое ещё нужно обсудить.

— Надо поговорить! — озвучила мои мысли влетевшая в библиотеку княжна. — Я знаю, кому принадлежал блокнот! Помните аиста на…

Посмотрела на меня и запнулась. Отшагнула поближе к Рику.

— Аист на обложке, — кивнул он, взяв её за руку. — Так что с ним?

— Это личное клеймо некоего Натана Тисби. Я видела на одной из книг Тэсс…

— Ты ей сказала? — спросил шаман, резко разворачивая девушку к себе.

— Нет, конечно. Зачем? — искренне удивилась Сана. — Пришла к вам.

— Натан Тисби давно мёртв, — сказал я. — Покончил с собой четырнадцать лет назад. Я помню, потому что в тот год был впервые представлен ко двору, как раз через месяц после того, как это случилось. Только–только сняли траур по королю Эдуарду, как его приближённый маг выбросился из окна.

А выводы-то напрашиваются невесёлые. Видимо, мы действительно впутались в дело государственной важности: королевский маг, королевская длань… Королевские секреты, которые нам нужно разгадать, как ни хотелось бы держаться от них подальше. Потому что бегать от Менно всю жизнь невозможно, а даже если его убить, что пока ещё никому не удалось, хоть недостатка в желающих не было, — Вестраны найдут замену. Нет, ищейку должен отозвать тот, кто натравил его на нас, а для этого нужно знать, что именно попало к нам в руки.

— Ты отдаёшь себе отчёт в том, что планируешь шантаж членов королевской семьи? — негромко спросил виконт Энсоре, когда я, отозвав его подальше от девушек, поделился своими мыслями.

— Понимаю. Но другого выхода не вижу.

Я подумывал, сидя в погребке дэя Людвига, смирить гордость и обратиться за помощью к отцу или просить у Бертрана, чтобы принял меня под защиту стаи. Но теперь понимал, что это не решение: отец при всей его власти всё же уязвим, не говоря о том, что смертен, а вожак, как выяснилось, уже давно попал в зависимость от Менно. Значит, будет шантаж.

— Они первые начали, — заметил Рик. Детская фраза мало вязалась с хищным оскалом.

— Тебе не обязательно в этом участвовать.

— Уже участвую. Если оставлю вас, Ула мне потом голову открутит и сделает из черепа ритуальную чашу. Да и перед Менно я засветился, а на что он черепа пускает, даже не знаю. Так что можешь не благодарить. Но деньги потом вернёшь, — закончил он с усмешкой, — у меня всё записано.

— Деньги? — Я опять что-то упустил.

— Тэсс отдаёт нам на время свой дом на Лунном озере, но она не настолько великодушна, чтобы полностью финансировать это предприятие. Одежда, транспорт, средства на текущие расходы. Пришлось подписать несколько векселей — не люблю оставаться должен. Особенно ей. Особенно после того, что я ей сказал.

— А что ты сказал?

— Что женюсь осенью. — Тонкие пальцы дэя виконта нервно забарабанили по столешнице, а взгляд сделался совершенно отсутствующим, словно прямо сейчас он обращался к древним духам. — На милой и скромной девушке из хорошей семьи…

Поздравлять я не стал. Только поинтересовался, не боится ли он после этого принимать предложение бывшей любовницы и останавливаться в её доме. Месть обиженной женщины может всех нас коснуться, и я, с учётом обстоятельств, предпочёл бы другое убежище.

— Не боюсь, — вернулся в реальность Рик. — Мы же говорим о Тэсс Ленсвит, а не о какой-то истеричной девице. К тому же, вряд ли мы надолго останемся у озера: проблемы сами собой не решатся.

Унго ожидал в коридоре рядом с высоким круглым столиком, на котором на изящном серебряном подносе стоял явно предназначенный мне стакан.

— Что это?

— Кофе и крепкий чай в равных долях, сахар, лимон, корица и немного бренди.

— Можно было не так подробно.

Не растягивая удовольствия, в несколько быстрых глотков опустошил стакан. Надеюсь, после этого удастся привести в порядок мысли. Утро выдалось насыщенным, а голова… Мун семихвостая! Метаморф я или квёлый человечишка? Уже давно пора прийти в норму после общения с Менно. Ричард взял на себя сборы, пообещав, что выедем уже через час, а я даже не смог расспросить его обо всем. А ведь им с Лисанной пришлось не легче, чем нам, в эти дни.

— Унго, что ещё ты слышал о Сане с Риком? — спросил я у тайлубица, наверняка разузнавшего всё в подробностях.

— Я бы не стал доверять слухам, дэй Джед, — он опустил глаза, но тут же уставился на меня и растерянно моргнул: — Вы… Вы спрашивали об охоте?

— Хвала Создателю, — вздохнул я с облегчением, — ты — человек, друг мой, а не всезнающий добрый дух, как мне кажется порой. Да об охоте. Остальное мне не интересно. Расскажешь, что узнал? Но прежде приготовь мне ещё этого волшебного напитка.

Только в этот раз добавь побольше бренди.

Глава 19

Лисанна

Лунное озеро я прежде видела лишь на картах. Огромное, круглое, словно полная луна, — наверное, этим оно и заслужило такое название. На его северном берегу раскинулся Ангер — древняя столица Вестрана, второй по значимости город королевства. А на южном, где-то в лесах прятался дом Тэсс Ленсвит, куда мы и решили отправиться, воспользовавшись гостеприимством магессы.

Я думала, что Рик откроет Тропу, но оказалось, что добираться придётся обычным путём.

— К жилищу Тэсс не пробиться, — пояснил мне унери. — Она надёжно защитила его от непредвиденных визитов.

— Как? — полюбопытствовала я и сразу же пожалела об этом: Ричард был не в духе.

— Как и давешние охотники, — бросил он хмуро. — Похоронила там сердце шамана.

Я не знала, что происходило между этими двумя в прошлом, и что происходит сейчас, но не сомневалась, что с нашим отъездом это не закончится. Впрочем, всерьёз об этом не задумывалось — хватало своих проблем.

Джед демонстративно не замечал меня, а если и смотрел, то так, что делалось страшно, и вспоминался ночной кошмар. А нам предстояло провести почти три дня в одном экипаже, где уже не получится сбежать подальше под каким-нибудь предлогом. Не надеясь в ближайшее время наладить отношения, я выпросила у дэйни Ленсвит книгу, ту самую, по основам ритуальной магии, авторства давно покойного Натана Тисби — не столько для дела, хоть и не исключала найти какую-нибудь зацепку в работах мага, сколько для того, чтобы в дороге спрятаться за ней от злого волка. Что я сделала, едва заняв место в карете.

Яра села рядом со мной, мужчины — напротив. Унго поехал с кучером.

— Слава Создателю, мы убрались из этого сумасшедшего дома! — радостно воскликнула волчица, когда особняк Ленсвитов остался позади.

На час, если не больше, это стало единственной произнесённой в салоне фразой.

— Интересная книга? — спросил спустя это время Рик.

— Весьма, — ответила я, не выглядывая из-за обложки.

И вновь воцарилось молчание, для меня не столь тягостное, как могло бы быть, так как книга действительно оказалась интересной.

Ритуальной магии в заведении дэйны Алаиссы отводилось лишь несколько уроков. Нам её преподносили, как свод бытовых обрядов, призванных хоть как-то облегчить жизнь тем, кто не обладал даром. Путём нанесения ритуальных рисунков, чтения заговоров и изготовления предметов–оберегов можно было защитить домочадцев от болезни или имущество от воров, но подобные методы проигрывали в сравнении с действиями настоящих магов: слишком много факторов влияло на успешность ритуалов. Но пользуйся человек пособием магистра Тисби, я уверена, всё получилось бы как нужно, настолько подробно были описаны действия. А приведённые ритуалы были не только бытового или целительского назначения. Я пролистала книгу и нашла несколько обрядов изгнания нечисти, наведения мороков и приворота. А приворот — это уже на грани запретных чар…

Холод, не от ворвавшегося в окошко ветра, а поднимающийся откуда-то из глубины души, заставил опустить книгу и зябко поёжиться.

— Виктория, — прошептала я. — Виктория тоже разбиралась в ритуальной магии. То, как она… как она вытягивала жизненные силы и молодость из девушек…

— Ну, теперь тебе можно не бояться, — усмехнулся расслышавший мои слова Джед.

— Да, благодарю, — пробормотала я, извиняясь за свой беспричинный страх.

— Меня-то за что? — с непонятной мне злой насмешкой уточнил оборотень.

— Что за ритуал? — вмешался в наш странный диалог Ричард. — И кто такая Виктория?

Взяв себя в руки, я рассказала ему о бывшей владелице злосчастных документов, цветущей красавице, которую смерть превратила почти в старуху.

— Наверняка они с Тисби были как-то связаны, — сделал вывод шаман.

— Потрясающая логика! — злорадно похвалил Джед. — Его блокнот был у Виктории — определённо есть связь!

— Я не о блокноте. Ритуальная магия распространена среди неодаренных, даже волки её используют, но Тисби был специалистом в этой области, и ваша Виктория по–своему тоже, ведь она проводила довольно сложный обряд. Можно предположить, что она была знакома с мастером лично или даже училась у него.

— Нужно побольше разузнать о Тисби, — сказала я. — И о прошлом Виктории.

— Ещё одна удивительно светлая мысль!

Не знаю, какая муха покусала дэя Леймса, но на каждую произнесённую фразу он реагировал язвительными замечаниями.

— У тебя есть другие предложения? — поинтересовался у него Рик.

— Нет. — Джед сложил руки на груди и отвернулся к окну, давая таким образом понять, что разговор окончен.

— Вот и прекрасно, — не понял намёков шаман. — Значит, нужно найти кого-нибудь, кто был знаком с Тисби в бытность его королевским магом. По–прежнему не хочешь посвящать в это дело никого из семьи? Твой отец помог бы, мне кажется.

— Нет, не отец, — проговорил задумчиво Джед. — Сделаем небольшой крюк? Завтра к обеду добрались бы к целебным источникам…

— Зачем? — удивилась я.

— Надо! — рявкнул оборотень. Откинулся на спинку и закрыл глаза. — Надо, — повторил уже спокойнее. — Нервишки подлечить.

Джед

У меня были причины свернуть к источникам. Во–первых, я не обманул, информацию о Тисби мы там получим. Во–вторых, алмаз. Унго разузнал, куда направился новый его владелец, и я в любом случае нашёл бы повод направить экипаж в нужном направлении. А, в–третьих, может так сложиться, что другого шанса извиниться за год отсутствия мне не представится.

Я уже не сомневался в словах Улы: камень был живым и разумным. Три года мотал меня по стране, а теперь задумал особо крупную пакость, втравив в эту историю с бумагами. Но попутно как будто давал шанс на что-то ещё… Хотя, возможно, всё это мне кажется, и то, что дорога к дому Тэсс Ленсвит проходила недалеко от лечебных источников Солайс, где сейчас отдыхал купивший бриллиант дэй Верлан и вот уже пятый год жила тётушка Мадлен, — всего лишь удачное совпадение.

Проведя ночь в скромном придорожном трактире, к полудню следующего дня мы прибыли в небольшой курортный городок, сплошь состоящий из гостиниц и лечебниц.

— Уверен, что твоя тётушка сможет что-то рассказать? — с сомнением спросил Рик, когда я наконец разъяснил, к кому мы приехали.

— Уверен. Она долго жила при дворе и свела немало знакомств.

— Но помнит ли она это?

— Старушка забывает, что было вчера, но события десятилетней давности и ранее пересказывает в мельчайших подробностях. — По крайней мере, так было в нашу последнюю встречу, но я не стал этого уточнять. — Какое-то расстройство памяти. Говорят, вполне обычное в её возрасте.

Брать номер на несколько часов было бы глупо, поэтому мы заказали обед в небольшой ресторации, после которого я собирался предложить спутникам прогуляться, пока я навещу родственницу. Но, подумав, позвал с собой Яру.

— Зачем? — удивилась она.

— Понимаешь, идти всем вместе нельзя — столько незнакомых людей её смутят. А у тётушки своеобразное представление о приличиях: она не станет сплетничать в мужской компании. И поскольку то, о чем я хочу её расспросить, по сути — старые дворцовые сплетни, в женском обществе, мне кажется, она скорее разговорится.

Дияра обдумала мои слова и замотала головой.

— Бери Сану, — заявила она. — Сплетён мне вчера хватило.

В этом был резон: утончённая и воспитанная Лисанна больше подходила для непринуждённых светских бесед, чем недавно спустившаяся с гор волчица. Но…

— Я не против, — тихо сказала, уткнувшись в тарелку, лекарка. После того, как дэйни Глаза–б–мои–её–не–видели «спугнула» алмаз, она сделалась на диво покладистой.

— Хорошо, — решился я. — Надеюсь, твоих талантов не хватит на то, чтобы что-то испортить всего за час разговора?

Был бы здесь Унго, наверняка качал бы сейчас головой: мол, снова вы обижаете бедную девушку, дэй Джед. Но я ещё по приезду услал его разузнать, где обосновался новый хозяин камня.

— Я постараюсь, — промямлила Лисанна.

Хотел поинтересоваться, что именно она постарается, организовать очередную катастрофу или избежать её, но промолчал. Всё равно судьба решит по–своему.

Лисанна

Прощать мне недоразумение с камнем Джед и не собирался. Радовало, что хотя бы перестал глядеть зверем.

Вчера, уговорившись свернуть к источникам, мы, не только

мы с ним — мы все, больше почти не разговаривали. Мужчины то дремали, то размышляли о чем-то, отвернувшись друг от друга в окна, Яра практически всю дорогу спала или притворялась спящей, а я дочитала и по второму кругу начала пособие по ритуальной магии. Даже хотела попробовать кое-что, когда остановились на ночлег в трактире, но комнату пришлось делить с Диярой и в её присутствии я ни на что не отважилась.

Перед сном подумалось, что без волка под боком будет не так спокойно, и Создатель по–своему понял моё сожаление: я всё ещё не могла уснуть, когда с час проворочавшись в своей постели, Яра прошлёпала босыми ногами по полу и без слов влезла ко мне под одеяло. Я не стала ни о чем спрашивать, только придвинулась к стенке, освобождая место для перепуганной событиями последних дней девочки. Нас всех изменило случившееся. Кого-то, к сожалению, не в лучшую сторону. Но Яра уже не проявляла враждебности по отношению ко мне. Возможно, в плену у Менно излечилась от детской влюблённости в кузена и теперь не расценивала меня, как соперницу… Или же, видя, как относится ко мне Джед, перестала волноваться на этот счёт. В любом случае мы обе неплохо выспались.

А когда выяснилось, что я отправлюсь с дэйм Леймсом к его почтённой тётушке, девушка отозвала меня в сторону.

— Хочу попросить, — начала она, глядя в сторону, как и поутру, когда мы проснулись на одной кровати. — Если эта тётка… бабка… Если она и впрямь так хорошо знает, что было в столице пятнадцать… Ну, может, шестнадцать лет назад… Узнай у неё, если получится, о Корделии Эсти. Дэйни Корделия Эсти — племянница виконта Эсти. Это… Это моя мама. Настоящая.

— Может быть, тебе всё же лучше пойти самой? — спросила я осторожно.

— Нет. — Она отвернулась, но я успела заметить блеснувшие в синих глазах слезы. — Я… боюсь. А ты добрая. Если услышишь что-то плохое, я знаю, просто не скажешь.

По пути, пока метаморф покупал цветы, фрукты и прочие полагающиеся случаю подарки, мне было коротко сообщено, что тётушка ему на самом деле не тётушка, а двоюродная бабушка его матери. Старая, очень старая дева — оттого и доживала век не в собственном доме в окружении внуков и правнуков, а в лечебнице на водах под присмотром лекарей и сиделок. Джед, как я поняла, был её единственным родственником и оплачивал содержание.

И навещал нередко, судя по тому, что дэйни Мадлен, маленькая пухленькая старушка с молочно–белыми буклями и выцветшими голубыми глазами, узнала его сразу и искренне

обрадовалась нежданному визиту. Я была сухо представлена как «хорошая знакомая», но, тем не менее, на радостях тоже удостоилась объятий и поцелуев.

Через полчаса, в течение которых мы пили чай и говорили о разной, ничего не значащей ерунде, я твёрдо уверилась, что Джед свернул к источникам с единственной целью — навестить, пользуясь оказией, родственницу. Вряд ли можно было всерьёз рассчитывать получить от старушки полезную информацию. Хотя некоторые её рассказы были весьма милы.

- …Лиза никак не могла его одеть, представляете? Бегал голышом по дому лет до трёх. Ещё и кусался. В любом облике!

— Тётушка, Лисанне это не интересно.

Да нет, отчего же? Очень интересно!

— А когда ему было семь, они приехали в столицу. Создатель милосердный, я никогда так не радовалась, что не имею детей! Но мы прекрасно ладили, да, милый? Знаете, что мы устроили однажды? Джед заявил отцу, что нарушит закон, среди бела дня выйдет на улицу в волчьем обличии, и ему ничего за это не будет. А тот неосмотрительно согласился на пари. Наверное, хотел проучить сорванца, но не тут-то было! Джед обернулся волчонком, извозился в охре — окрас вышел ужасающий! — я нацепила ему поводок и большой бант… Всё знают, что метаморф никогда не позволит надеть на себя поводок, не говоря уж о банте… И мы гуляли даже по дворцовой площади! Кто бы знал, как мне было стыдно перед знакомыми за это жёлтое чудовище, но разве я могла отказать своему дорогому мальчику?

— Отец был в ярости, — грустно усмехнулся воспоминаниям Джед.

— Он гордился тобой, милый! — горячо уверила старушка. — В столь юном возрасте разыграть такой гениальный спектакль, — конечно, он гордился. Только виду не показывал, чтобы ты не натворил ещё что-нибудь подобное.

— Тётушка, а вы помните, когда меня представили ко двору?

— Естественно, дорогой! В первый же день на меня свалилась гора приглашений: все старые подруги–повраги враз решили вспомнить обо мне. Знаете, почему, Лисанна? Потому что у каждой из них была дочка, внучка или прочая девица–обуза, которую им не терпелось отдать за очаровательного, умного и не стеснённого в средствах юношу из хорошего рода. Мне пришлось месяц таскать его на эти унылые приёмы и знакомить с такими экземплярами, что думала, он меня за них возненавидит!

— Не говорите глупостей, тётушка. Я возненавидел те унылые приёмы, но не вас. К слову, многие тогда не принимали вовсе. Из-за траура, помните?

— Ах да, наш бедный король Эдуард. Не дожил и до сорока. Но к этому всё и шло: у него была плохая удача. Только разве ты прибыл в столицу не после того, как траур сняли? Иначе как бы мы оказались на дворцовом балу?

— После–после, но была ещё какая-то история. С самоубийством…

— Ты, должно быть, о магистре Тисби? — поняла старушка. Хоть я и сомневалась, но Джеду удалось подвести разговор к нужной теме. — Да, печальная история. Никто и подумать не мог, что он решится на такое. Ещё молодой, весьма одарённый маг, достигший таких высот… И вдруг выброситься из окна башни? Ума не приложу, зачем он это сделал. Говорили, была какая-то предсмертная записка, что-то о несчастной любви — глупость какая! Представьте, каково было его жене узнать об этом.

— Он был женат? — заинтересовалась я.

— Да. Но его супругу при дворе почти не видели. А ведь, появляйся она там чаще, безусловно, имела бы огромный успех. Редкая красавица, хоть, как я знаю, была уже далеко не юной девицей, когда они поженились. Лет десять ждала его, покуда он делал карьеру при дворе, а после ещё столько же прозябала в провинции, в то время как её муж укреплял своё положение при монархе и — надо же! — несчастливо влюблялся. Если всё это так, милая моя, то я очень невысокого мнения о магистре Тисби, как о человеке, невзирая на все его таланты. А он был исключительным мастером! Таких иллюзий никто больше не создавал, ни до него, ни после. Право, Джед, мне жаль, что ты этого не увидел.

— Иллюзии? — переспросили мы с оборотнем одновременно.

— Я полагала, магистр Тисби специализировался на обрядовой магии, — закончила я уже сама. — Я… Я магесса, — созналась я, взглядом испросив разрешения у волка, — и мне попадались некоторые из его трудов…

— А, ритуалы! — махнула пухлой ручкой дэйни Мадлен. — Это, несомненно, серьёзная работа, которая увековечит его имя и тра–та–та… Но кому это нужно при дворе, где все только и жаждут развлечений? А иллюзии Натан Тисби создавал невероятные. А как он подставлял личины! Его величество однажды притворился лакеем и битый час разносил напитки в бальном зале. Узнал много интересного о себе и своей семье. — Старушка хитро усмехнулась. — На следующий день некоторые из придворных покинули столицу и, думаю, до сих пор там не показываются.

— Жаль, что такой талантливый маг погиб так нелепо, — вздохнула я. — Бедная его жена!

— Она недолго страдала, — «утешила» меня тётушка Джеда. — Погибла в тот же год. Был пожар, почти никто не спасся.

— Какой ужас! — воскликнула я уже непритворно.

— Воистину, — согласилась женщина. — Бедняжка Анна, хоть я её почти не знала, заслуживала лучшей доли.

Мы с метаморфом переглянулись.

— Анна? — повторил он, словно что-то припоминая. — Кажется, я о чем-то таком слышал. Пожар в…

— Драмлине, — подсказала дэйни Мадлен. — Так называлось поместье, которое досталось ей от родителей. Где-то на юге. Теперь там лишь развалины.

Святые заступники, до чего жутко осознавать, что попала в историю, участники которой только и делали, что умирали при загадочных обстоятельствах!

А Джед тем временем продолжал болтать с разговорившейся родственницей. Вспомнили каких-то знакомых, кого-то из родни… Я не особо прислушивалась, пока не прозвучало знакомое имя.

— А вы помните Викторию Солсети, тётушка?

— Викторию? — нахмурилась она. — А должна?

Мужчина неопределённо пожал плечами.

— Нет, милый, не помню. Но имя Солсети одно время было на слуху. Эта Виктория случайно не в родстве с Агатой Солсети?

— Её невестка, — подтвердил Джед. — Весьма интересная дама, я полагал, она должна была блистать при дворе.

— Жена Генри? Что за вздор! — отмахнулась старушка. — Я помню жену Генри — бледное невзрачное создание, при этом не отягощённое большим умом. Прости Создатель, нельзя так о покойниках…

— Виктория — вторая жена дэя Генриха, — разъяснила я, уже понимая, что дэйни Мадлен вряд ли могла быть с ней знакома.

— Генри женился снова, говорите? — оживилась женщина. — Ещё и на «интересной даме»? Хотя… В нём ведь не только отцовская кровь, должно было и от матери достаться немного. А Агата Солсети… Эгги Победа — вы же слыхали о ней?

— Эгги Победа? — вновь мы с Джедом спросили в унисон.

— Ох, молодёжь… — ласково пожурила нас тётушка. — О ком теперь пишут в ваших газетёнках? А когда-то, лет… сорок назад, а, может, и больше, писали об Эгги Победе. Нашей Эгги. Солдаты глинморского гарнизона боготворили её, король Кнуг, отец Эдуарда, лично преподнёс ей перстень с рубином… Для женщин ведь не предусмотрены воинские награды. А жаль…

— И чем же она заслужила такую известность? — с любопытством поторопил рассказчицу оборотень.

— Вышла замуж не за того мужчину, — невесело усмехнулась дэйни Мадлен. — Впрочем, выбора у неё не было, как я слыхала. А этот пропойца увёз Эгги в пограничный гарнизон, которым по какому-то недоразумению командовал, и когда грязные селстийские выродки…

— Тётушка, забыл сказать: Лисанна из Селстии.

— Да? Прекрасная страна, милая, просто замечательная.

— Я родилась в Вестолии и в Селстии никогда не была, — внесла ясность я.

— Вот и чудно, — обрадовалась дэйни Мадлен. — Так вот, когда грязные селстийские…

— А папа приехал из Селстии.

— Вы дадите мне продолжать? — рассердилась женщина. — Хорошо, пусть они будут не грязными, пусть они будут чистыми. Но селстийцы перешли границу и осадили крепость, которой командовал Солсети. И знаете, что он сделал? Ничего. Заперся в погребе и не трезвел до конца осады. Защитники гарнизона уже готовы были сдаться, и тогда Агата поднялась на стены… Говорят, она даже стреляла по захватчикам из пушки!

Джед скептически хмыкнул. Я недовольно покосилась в его сторону, но вспомнив миниатюрную дэйну Агату, вынуждена была признать, что пушка — это слишком. Скорее, одно присутствие на крепостной стене хрупкой, но бесстрашной женщины, заставило павших духом бойцов устыдиться и взяться за оружие.

— Они продержались до прихода подкрепления только благодаря Эгги! — истово уверяла нас дэйни Мадлен. — Но… Слава быстротечна, а люди в большинстве своём злы и завистливы. Вскоре Эгги Победа из народной героини превратилась в героиню похабных историек. Болтали всякую гадость о ней и солдатах, наших и даже селстийских… Мерзость, право слово. И муж увёз её в провинцию, подальше от этих сплетён…

Баронесса Солсети и раньше была мне симпатична, но после рассказа тётушки Мадлен многое объяснялось в её поведении и в причинах, заставивших её помочь мне… Но, к сожалению, вся эта история никоим образом не проливала свет на прошлое Виктории.

Беседа, похоже, утомила пожилую женщину. Она стала позевывать и несколько раз теряла нить разговора — пора было уходить, и оборотень тоже это понял.

— Ох, ты же совсем ничего не рассказал мне, Джед! — встрепенулась Дэйни Мадлен, разгадав наше намерение попрощаться. — Как дела дома? Как Лиза? Отчего она не

приехала?

Я поглядела на мужчину. Тот растерянно открыл рот и не сразу нашёлся с ответом.

— Мама… У неё много дел в поместье. — На мгновение отразившаяся в его лице горечь сменилась спокойной улыбкой, и не знай я правды, ни за что не заподозрила бы его в обмане.

Что ж, наверное, так лучше.

— Жаль, очень жаль, — вздохнула старушка.

— Побудь с ней ещё немного, — шепнул мне Джед. — Поговорю с сиделками и доктором и вернусь.

Столь наглядная демонстрация истинного состояния здоровья родственницы его встревожила. А мне, как ни стыдно в этом признаваться, дала возможность остаться с тётушкой Мадлен наедине. Я не забыла о просьбе Яры, но не могла выполнить её при волке. Теперь, когда он, извинившись, вышел за дверь, можно было расспросить о Корделии Эсти… Но у меня внезапно появился другой вопрос.

Выслушав ещё одну умилительную историю из детства её «дорогого мальчика» (стоит проверить при случае, сохранилась ли у него аллергия на душистый перец), я улучила момент и отважилась поинтересоваться у женщины, знает ли она графа Гросерби. Не то чтобы у меня ещё оставались какие-то страхи или, упаси Создатель, надежды по поводу этого дэя, но Эрик Фицджеральд Леймс был для меня загадкой не меньше, чем бумаги Виктории, а то, как реагировали на его имя спутники–метаморфы, наводило на размышления.

— Граф Гросерби? — удивилась моему вопросу старушка. — Что вам за дело до этого, мягко говоря, женоненавистника?

— Мягко? — сглотнула я.

— Джед вам не рассказывал? Грустная история, и графу можно было бы даже посочувствовать… Но то, как он ведёт себя с дамами, просто возмутительно!

— А как он ведёт себя с дамами? — спросила я осторожно.

— Никак! Он их будто не замечает.

В глазах престарелой светской львицы это было тягчайшим грехом, а я расслабленно выдохнула. Не так много времени я проводила в обществе, чтобы возмутиться невниманием к своей персоне. А невнимание со стороны ар–дэя графа меня лишь порадовало бы.

— Он рано женился и так же рано овдовел. На освободившееся место графини тут же нашлись охотницы, но, увы. — Рассказчица сокрушённо развела руками. — А Гросерби бросился во все тяжкие. Но не так, как это принято у прочих мужчин… Войны, путешествия. Говорили, он побывал даже на

крайних Льдах и жил у южноморских дикарей. После перебесился, конечно. Вернулся в родное поместье. Но так больше и не женился. Да и вообще мало кого к себе подпускал…

— Действительно, грустно, — согласилась я, меж тем раздумывая, отчего бы ар–дэю графу вздумалось жениться после стольких лет. И именно на мне.

— Но Лизу он любил! — очнулась уже почти задремавшая старушка. — Души в ней не чаял! А она вышла замуж за этого… — Женщина оглянулась на дверь и понизила голос: — Вышла за этого волка. Но Гросерби смирился. Со временем. А уж когда Джед родился… Совершенно очаровательный ребёнок, разве нет?

Давно уже не ребёнок, да и насчёт очаровательности я бы поспорила. Но шанса сделать это мне не дали, как не получилось и расспросить о матери Яры: Джед вернулся.

Вошёл. Остановился. Поглядел на меня, словно хотел что-то сказать, но передумал и подошёл к тётушке.

— Нам пора, — сообщил он ей виновато.

Чтобы не мешать прощанию, я поблагодарила дэйни Мадлен за чай, выразила радость от знакомства и надежду на новую встречу и вышла в холл, а затем и в сад большой и явно не дешёвой лечебницы. Присела на лавочке под платаном и стала дожидаться метаморфа.

Понять, какие отношения связывали его семью с графом Гросерби у меня так и не вышло. Граф не любил женщин, но любил Лизу. Следовательно, любил не как женщину, да и по тону говорившей об этом старушки, больше было похоже, что он относился к матери Джеда, как к близкой и горячо опекаемой родственнице. Со стороны жены, видимо, так как Эрик Фитцджеральд Леймс был метаморфом, а дэйна Лиза, как я знала, — человеком. И, тем не менее, графу отчего-то не понравилось, что она вышла замуж за волка. За волка из Леймсов, хоть и сам граф принадлежал к этому роду. Может, дело в том, что отец Джеда — бастард, и чтобы ни говорили о терпимости оборотней в подобных вопросах, это всё же имеет значение? А дэй Эрик, очевидно, весьма уважаем среди сородичей, что объясняло бы страх и почтение, с которым упоминали его имя…

Если я хотела разобраться во всем этом, проще было бы напрямую спросить у Джеда. Но, во–первых, в сложившейся ситуации ар–дэй граф занимал меня постольку–поскольку, а, во–вторых, при одном взгляде на вышедшего в сад оборотня, спрашивать его о чем-либо расхотелось.

Джед

Разговор с доктором много времени не занял — куда дольше я подписывал чеки. Возвратился как раз к тому моменту, когда Лисанна решила поинтересоваться у тётушки графом Гросерби. До чего же уместный вопрос!

Прислушался, внутренне уже настраиваясь на неприятные объяснения, но Судьба расщедрилась на отсрочку: бедная старушка дала такой ответ, что я сам чуть не запутался в собственных родственниках. Больно было видеть её такой, особенно после тех воспоминаний, которыми она с радостью делилась сегодня. Старых–старых воспоминаний, заслонивших собой всё, что случилось в последние несколько лет…

— Была рада видеть тебя, дорогой! — Тётушка расцеловала меня на прощанье. — А ещё больше рада, что в кои веки ты приехал ко мне с красивой девушкой, а не с этим своим тайлубийцем.

— Я думал, вам нравится Унго, — сказал я с недоумением.

— Мне нравится Унго, — согласилась она. — Мне не нравится, что ты до сих пор не выходишь из дома без няньки.

— Будет вам! — рассмеялся я. — В няньках я давно уже не нуждаюсь. А Унго просто незаменимый человек…

— И ты ничего не можешь сделать без его помощи, — закончила она. — Кто он тогда, если не нянька?

Я недовольно скрипнул зубами, мысленно признавая её правоту. Представить жизнь без верного тайлубийца было сложно.

— Но я вижу, что это в прошлом, — улыбнулась тётушка. — Мой мальчик повзрослел и встретил хорошую девочку… Которая уж точно не позволит большому чёрному человеку повязывать тебе галстук!

— Сана — моя добрая знакомая, не больше, — поспешил заверить её я.

— Не больше? — От прищуренных глаз разбежались во все стороны лукавые морщинки. Если и дальше так пойдёт, я зубы в труху сотру. — А я-то думала, ты вспомнил своё давнее обещание не жениться, пока я не одобрю твой выбор. Жаль, что ошиблась. — Она с сожалением вздохнула. — Но если бы ты все же спросил моего мнения насчёт Лисанны…

Я упрямо молчал. Прощание затягивалось.

— Ну иди уже, иди! — Она сердито махнула рукой. — Не заставляй девочку ждать.

Обнял её, вдыхая знакомый с детства запах лавандового масла, и коснулся губами седой прядки на виске.

— А если бы все же спросил? — прошептал я, словно надеялся, что она не услышит.

— Я бы сказала, что надо брать! — ответила она так же тихо.

В холле на стене висело большое зеркало. Я остановился перед ним, прежде чем покинуть здание лечебницы, и неприязненно поморщился, взглянув на своё отражение.

Вот он я — мечта тётушкиных подруг и их незамужних дочерей. Молод, богат, недурён собой… Едва разбирающийся в законах правовед и вдоволь отоспавшийся в караулах офицер гвардии. Владелец поместья, которым не управлял ни дня, и где, наверное, уже не помнят, как я выгляжу. Дожил до тридцати лет с нянькой, до сих пор завязывающим мне галстук и утирающим сопли. Своего ума хватало в былые дни лишь на то, чтобы вовремя вставать из-за карточного стола и не разбрасываться перчатками в защиту эфемерной чести прекрасных дам. Я искренне любил родных, но не слишком баловал вниманием. А те, кого считал друзьями, забыли обо мне, как только я уехал из столицы.

Если бы не история с алмазом, я так и остался бы в той жизни, беспечной и бездарной.

Если бы поиски камня не вылились в злоключения с бумагами, мог бы ещё несколько лет не появляться в Ро–Андире и не видеться с Улой и семьёй Бертрана. Едва ли опять сошёлся бы с Риком, за годы светской жизни превратившегося из близкого друга в дальнего приятеля. Наверняка все чаще забывал бы навещать тётушку Мадлен, и могло статься, что не попал бы сюда и на её похороны.

А ещё, не случись всего этого, я вряд ли стал бы менять свои планы, чтобы приехать в Уин–Слитт даже ради такого необычного действа как смотрины.

— Ну и придурок же ты, приятель. — Я показал отражению клыки.

То ощерилось в ответ: сам такой. И пальцем не шевельнул бы, чтобы хоть как то изменить свою жизнь, не отвесь мироздание солидный пинок. Да и после этого мало что сделал, только позволял пинать себя дальше…

Ладно. Я мысленно встряхнул себя за шкирку. Не время выть о загубленной судьбе, да и толку от этого занятия никакого. Лучше подумать, что делать дальше, пока ещё можно что-то исправить.

Сана ждала в саду. Поднялась навстречу, заученным движением пригладила собранные в аккуратную причёску волосы. Никак не мог привыкнуть к их настоящему цвету. Ярко–рыжий, и тот казался более естественным, а этот — что-то нереальное. Тёплое мягкое серебро, в которое так и тянуло окунуть пальцы…

— Что-то не так? С дэйни Мадлен совсем плохо?

Представляю, какое у меня было лицо, раз она подумала такое.

— Нет. Напротив, доктор говорит, что у неё отменное здоровье для её возраста. Память подводит, но возраст опять же. От старости ещё не придумали лекарств.

Я подал Лисанне руку, и девушка нерешительно опёрлась на неё. Странно, что вообще не отказалась после того, как я вёл себя в эти дни.

— Прогуляемся к источникам? — предложил я. — Как можно побывать в Солайс и не выпить хотя бы стакан воды?

Дорогу я помнил. Через сад, по широкой аллее, мимо розария и вниз по пологому спуску. Мы проделали этот путь в полном молчании.

Остановились у рукотворной каменной чаши, в которую стекала вода бившего из-под земли ключа. Дремавший под увитой плющом аркой старик–смотритель приоткрыл глаза, заметил единственных в этот час посетителей, приветливо кивнул и снова погрузился в заслуженную послеобеденную дрёму, рассудив, что мы обойдёмся и без его помощи.

На бортике фонтана стояли небольшие деревянные ковши. Я взял один из них, зачерпнул солнечные блики с поверхности водного зеркала и подал Сане. Коснулся её пальцев, на миг задержав в ладони.

— Хотел извиниться за своё поведение. Я вспылил из-за ерунды, прости.

Она недоверчиво покачала головой:

— Разве алмаз — это ерунда?

Алмаз — нет. А то, из-за чего я на самом деле взбеленился… Не знаю. Ровно как не знаю, стоит ли заводить сейчас этот разговор.

Сколько мы знакомы? Месяц? Чуть больше? Что нас связывает, кроме бутылочки уксуса, кипки старых бумаг и несостоявшегося поцелуя под андирскими звёздами? Разве что общая участь, попадись мы в руки Менно. До вчерашнего дня, пока не увидел их с Риком в саду, у меня и в мыслях не было… Почти не было…

Я зачерпнул себе воды и жадно припал к ковшу. Ключ был ледяной, и челюсти тут же свело — может, и к лучшему, не ляпну какую-нибудь глупость.

— Джед?

— Да, конечно… В смысле — нет. — После холодного питья голос звучал хрипло. — Но это уже неважно. Что случилось, то случилось.

А случилось много чего. Или нет. Возможно, Унго прав, — а он часто бывает прав — и не стоит доверять слухам.

— Нужно возвращаться, — напомнила Сана.

— Да, нас же ждут. Рик… — Я внимательно следил за девушкой, но она никак не отреагировала на прозвучавшее имя. — Мне показалось, вы с ним стали очень близки.

Взгляд в землю, лёгкий румянец на щеках и неспешный, хорошо обдуманный ответ:

— Наверное, это неудивительно после всего, что нам пришлось пережить вместе. Если бы не Ричард, я погибла бы в том лесу.

Учись, Джед. Пока ты позволял Менно марать перчатки о свою расквашенную физиономию, славный унери Рик, аки рыцарь в сверкающих доспехах, спасал прекрасную даму. А по делам и награда!

— Если бы не Ричард, ты бы вообще там не оказалась. — Ко мне вернулось былое раздражение.

— Мы бы там не оказались, если бы не пытались вам помочь, — с укором выговорила княжна, выделив слово «мы».

— Будто вас кто-то просил, — бросил я зло. — Да и немного толку было от вашей помощи.

Мун семихвостая! Лучше бы ещё водички выпил.

Целительница швырнула в фонтан ковшик и, не глядя на меня больше, быстрым шагом пошла по дорожке к лечебнице.

— Сана!

Обернулась: щеки пылают, глаза влажно блестят, губы подрагивают.

— Ты… ты…

Знаю: дурак, грубиян, сволочь неблагодарная. Слабак, которому проще девушку до слез довести, чем признаться, что она ему нравится.

— Прости, я не хотел тебя снова обидеть.

Подойти, обнять, стереть со щеки сорвавшуюся с дрожащих ресниц слезинку, поцеловать, получить пощёчину, ещё раз поцеловать… По–моему, отличный план.

Нас разделяло лишь несколько шагов, когда резкая боль в груди заставила меня остановиться. Я попытался вдохнуть, но воздух комком застрял в горле. Зелень деревьев перед глазами сменилась лазурью неба, и голова отозвалась на встречу с землёй гулким колоколом. Последнее, что я увидел: побледневшее лицо на фоне медленно плывущих облаков и отблеск солнца в серебряных волосах…

Глава 20

Джед

…Боль. Холод. Жар. Боль…

Голоса. Боль. Касания. Боль…

Тишина. Боль. Темнота. Боль…

Боль. Боль. Боль…

Свет…

…яркий настолько, что пробивается даже сквозь опущенные веки.

Я осторожно пошевелился, впервые за минувшую вечность не ощущая боли, открыл глаза и тут же зажмурился. Снег. Сверкающе–белый, искристый. Смотреть невыносимо.

— А ты и не смотри. — Тёплая рука легла на загривок, погладила по шерсти. — Не смотри — слушай.

— Нэна? — Разглядел я вприщур и ткнулся мордой в её колени. — Я… умер?

— И я, выходит, тоже, и встретились мы в чертогах великих предков? — усмехнулась Ула. — Нет, мальчик мой. Ты жив. Пока.

Я осмотрелся, по–прежнему щурясь: мы с ней сидели на заснеженном склоне высокой горы, почти у самой вершины, над нами звенело хрусталём небо, а внизу лениво ползали густые белые облака.

— Это Паруни, — подтвердила мою догадку шаманка.

— Гора Снежного Волка. Значит, не так уж далеко мы от чертогов предков.

— Недалеко. — Нэна задумчиво потрепала меня за ухо. — Но ещё не там, хвала Создателю.

— Как я тут оказался? — спросил я, уже начиная догадываться: холода не чувствовалось, а речь в зверином облике давалась на диво легко. — Это сон?

— Сон. Только не вздумай себя кусать.

— Почему?

— Проснёшься, — пояснила очевидное шаманка. — А нам ещё нужно поговорить.

— Ты специально это сделала? Я и не знал, что ты так умеешь.

— А зачем тебе было знать?

— Ну… Могли бы видеться чаще.

Рука, секунду назад ласково теребившая моё ухо, с силой стукнула по лбу.

— Хотел чаще видеться, нужно было чаще приходить!

— Нэна… — Я виновато зарылся носом в складки цветастой юбки.

— Будет уже, не до того сейчас. — Она обхватила руками мою голову и подняла, заставив взглянуть ей в глаза. — Плохо дело. Совсем плохо.

Сердце кольнуло, не болью — скорее, тревогой.

— Это камень, — продолжила Ула. — Сам уже, наверное, понял. И у кого он сейчас, тоже понял.

— Не поймёшь тут, — проворчал я, пряча от неё страх в глазах. Значит, Эван все-таки сказал.

— Не знаю, что он с ним делает. То ли другим алмазом царапает, то ли режет уже.

— Я умру?

— Все умрём однажды, — согласилась нэна. — Но ты ещё не скоро… Если успеешь. Три дня тебе дам — больше не сумею. На это время жизнь твоя не в камне, а здесь, на Паруни. Волк сторожить станет.

— Какой волк?

— Твой волк, Джед. Твой. Зверь здесь побудет, человек там останется. — Она махнула рукою вниз, на облепившие склон облака. — Три дня вы ещё друг без друга продержитесь, а на четвёртый зови его, иначе быть беде. Нельзя нам себя надолго делить.

До этого дня я вообще не подозревал о том, что себя можно делить, а от мысли остаться без своей волчьей половины встопорщилась шерсть вдоль хребта. Три дня прожить обычным человеком? Как в том ошейнике?

— Не просто прожить, мальчик. Камень верни. С бумагами разберись. В себе самом разберись.

— За три дня? — Я удручённо вздохнул: не успею.

— Не один, чай. Помогут. С Риком поговори, расскажи — ему можно. Девочек не бросайте: им без вас трудно придётся, но и вам без них не легче. Про Унго твоего молчу — этот, гнать будешь, не уйдёт.

— Нэна, а… хм, девочки-то нам зачем? Может, хоть Яру домой вернуть? Пусть бы Рик на Тропу её вывел…

— Яру не отпускай, — строго прервала меня Ула. — Она — ваша защита. И не спрашивай, сама не знаю. Слышу только так.

— Что слышишь?

— Что духи между собой говорят. Неспроста она с вами пошла. Всё, что сталось уже, и всё, что станется, — неспроста. Рик вот, казалось, случайно с вами увязался, а гляди, какой гадюшник разворошил. Стало быть, судьба ему была такая. А от судьбы…

— Не уйдёшь, — закончил я хмуро. — Помню.

Знать бы ещё, от какой судьбы.

— Узнаешь со временем, — пообещала нэна. — А сейчас тебе пора.

Она обняла меня, поцеловала в лоб и вдруг резко дёрнула вверх, заставляя подняться на ноги.

— Иди.

Я сделал шаг и остановился. Куда идти? Обернулся к Уле, но не смог ничего спросить, уставившись на оставшегося сидеть у ног шаманки волка. Это… Это я такой? Волк так же внимательно рассматривал меня…

— Иди уже!

Ула сердито толкнула меня в плечо, и, не удержавшись на узком выступе, я полетел вниз, прямо в пушистое облако…

Падение было недолгим.

Приземлился я в аккурат на кровать в незнакомой комнате — гостиничном номере, судя по всему. За единственным окном было ещё достаточно светло, и значит, я недолго пробыл на Паруни, или — что больше соответствует реальности — без сознания.

— Как вы себя чувствуете, дэй Джед?

Унго. Даже не сомневался, что увижу его, открыв глаза. Хотя, признаться, надеялся, что рядом будет ещё кто-нибудь.

— Уже неплохо. — Я сел на неразобранной постели. Уложили меня поверх покрывала, сняв только туфли, и это здорово экономило время. — Где мы?

— В гостинице неподалёку от пансиона, где живёт дэйни Мадлен. Дэй Ричард что-то почувствовал, когда вам стало нехорошо, и мы очень скоро оказались на месте. Служащие лечебницы предлагали оставить вас там, но мы решили, что не стоит этого делать… Это ведь как тогда? Алмаз?

— Он. — Я пятернёй зачесал назад растрепавшиеся волосы. Связывавшая их лента, должно быть, осталась в траве у источников Солайс. — Что сказал Верлан? Он успел перепродать камень или его украли?

— Ни то, ни другое. Дэй Верлан вообще не помнит, чтобы покупал у маркиза ожерелье. Может быть, это сделал кто-то другой под его личиной?

— Вряд ли. Иллюзионистом был покойный Тисби, а Менно, как я знаю, специализируется на магии крови и ментальном воздействии. Полезные умения для ищейки и палача… А Верлана ждёт неприятный сюрприз, когда он проверит свой банковский счёт.

Интересно, чем руководствуется дэй Людвиг, решая, кого из случайных участников и свидетелей убить, как Марту и Эвана,

кого — лишь покалечить, как Лён–Леррона, а кому милостиво стереть память?

— Рик здесь? — узнал я у тайлубийца.

— Конечно. Дэй виконт снял ещё два номера: рассчитывал, что придётся провести тут ночь. А сейчас повёл дэйни Лисанну и дэйни Корделию поужинать.

— Я бы тоже не отказался, — сказал я, прислушавшись к себе. Заодно попытался понять, ощущаю ли я отсутствие волка, — пока ничего.

— Подать вам ужин сюда?

— Давай, — кивнул я. — И Рика заодно. Но пусть сначала вернёт ключи от комнат, на ночь мы тут не останемся.

Ула дала мне слишком мало времени, и я не собирался тратить его впустую.

— Сана испугалась и очень расстроилась из-за того, что не смогла ничего для тебя сделать, — первым делом сообщил мне унери.

— Уксуса под рукой не оказалось? — буркнул я, вгрызаясь в принесённое Унго мясо. Меньше всего сейчас хотелось говорить о Лисанне. Тем более — с виконтом Энсоре.

Видимо, уловив моё настроение, Ричард не стал продолжать эту тему, дождался, пока я дожую, и осторожно поинтересовался:

— И как? Не скучаешь по зверю?

Шаман.

— Нет. И надеюсь, соскучиться не успею.

Куда я подевал своего волка, он не спрашивал и вообще не задавал больше вопросов, позволив мне рассказать то, что я сочту нужным. А я счёл нужным выложить ему всё, включая не лучшим образом характеризующие меня подробности своего знакомства с княжной Дманевской и проклятыми бумагами.

— Три дня, — глядя сквозь меня, проговорил унери. — Слишком много.

— Ты хотел сказать — мало?

— Много, — покачал головой он. — Нельзя надолго разлучаться со зверем, виери должна была тебя предупредить. Ты продержишься, а волк…

Я почувствовал, как рубашка прилипла к спине. Не из-за волка — представил, что случится через три дня, если выяснится, что Менно за это время распилил алмаз на десяток мелких камней.

— Ты должен решить, чего хочешь, — копируя в интонациях Улу, потребовал Рик.

— Не поверишь, — я нашёл в себе силы усмехнуться, — жить хочу.

Где сейчас Менно, Мун бы его побрала? Здесь? Вряд ли. Иначе уже встретились бы. Забрал камень и вернулся в тот дом, к запертым в подвале олухам и немой служанке. Увидел, что нас нет, и принялся разделывать камень. Или наоборот — узнал, что мы сбежали, и стал искать алмаз. И нашёл же! Хотя, чему удивляться, когда весь королевский сыск к его услугам? Мне бы его возможности, не влип бы во всё это…

— К озеру не поедем, — сказал я то, о чем Рик и сам должен был уже догадаться. — После отдохнём. А сейчас… В Драмлин.

— На пепелище? — уточнил шаман.

— Нужно же с чего-то начинать? Но на поездку уйдёт время. Вот если бы ты Тропу открыл…

— Хорошо, — согласился он, даже не дослушав. — Дай мне карту и полчаса — сделаю. А потом?

— А потом видно будет.

Лисанна

Он меня пугает. Всё больше и больше походит на волка из моего кошмара.

У источников мне показалось… Да нет, глупости. Но он странно вёл себя. Может, уже чувствовал, что алмаз попал в недобрые руки. Хорошо, что Рик с Унго вовремя подоспели и помогли увезти его оттуда. Лишь бы никто не рассказал дэйни Мадлен, что у её гостя случился приступ…

Сидела у его постели, молила Создателя, чтобы он скорее пришёл в себя. Яра еле уговорила меня пойти поесть. А стоило отойти, как он очнулся. Тут же позвал Ричарда, они долго говорили о чем-то, и теперь мы здесь, рядом с развалинами поместья, все обитатели которого погибли четырнадцать лет назад. Зачем? Что он думает тут найти? Ещё и на ночь глядя.

— Городок совсем рядом, — сказал Рик. — Драм. На староольском это, кажется, означает «холм». А Драмлин тогда…

— Дом у холма, — подсказала я. — Уверена, поблизости есть ещё Драмслитт, Драмнесс и какой-нибудь Драмгол.

К вечеру, ещё до темноты, оставив экипаж и кучера на водном курорте, мы переместились на сотни миль к югу и теперь шли по просёлочной дороге в направлении города–холма, куда наш шаман не рискнул открыть Тропу, чтобы не пугать местных жителей или не выйти в совсем уж неожиданном месте, вроде женских бань. Перед самым переходом Ричард рассказывал, что был в его прошлом подобный эпизод. Мы с Ярой смеялись, даже Унго, обычно такой сдержанный, улыбался во весь рот… И только

Джед оставался серьёзным, если не сказать, угрюмым.

Создатель всемогущий, как же он меня пугает. И мне трудно понять, боюсь ли я за него или просто боюсь его…

Драм оказался маленьким и невероятно ухоженным городком. Мощёные гладким булыжником улочки были чисто выметены, невысокие заборчики, все как один, выкрашены в небесно–голубой, а аккуратные домики стояли ровными рядами, наряжённые в яркую зелень палисадов, и любопытно сверкали в свете заходящего солнца надраенными до блеска оконцами. Случайные прохожие одаривали нас приветливыми улыбками, и первый же встречный вызвался проводить до трактира — небольшого, но такого же, как и всё здесь, чистого и уютного, с блестящими окнами, выскобленными полами и свежевыкрашенными дверьми.

— Не нравится мне здесь, — негромко высказала общую мысль Яра, когда мы, заплатив за комнаты и заказав поздний ужин, разместились за столом в просторном, хорошо освещённом зале. — Я, конечно, немного городов видела, но этот неправильный какой-то. А трактир — так и подавно странный.

— И постояльцев, кроме нас, нет, — огляделся по сторонам Джед.

Рик осмотрелся и неуверенно пожал плечами:

— Ничего необычного не чувствую. Но вы правы. — Он обвёл взглядом зал, на миг задержав его на стоящей в углу непонятно, для чего предназначенной, деревянной треноге в человеческий рост. — Всё это несколько настораживает.

Я тоже хотела поделиться своими опасениями, вызванными нереально чистыми улицами, голубенькими заборчиками и белоснежным, без единого сального пятнышка, фартуком трактирщика, когда этот самый трактирщик неслышно подошёл со спины и со стуком поставил на стол передо мной поднос с огромными глиняными кружками.

— Отведайте, гости дорогие, кваску нашего, ягодного, — протянул он нараспев. — Покуда ещё жаркое поспеет, да вино поднесут, а вам с дороги, небось, горло промочить охота.

— Спасибо, — с улыбкой поблагодарил хозяина Джед, но когда Яра схватилась за кружку, едва заметно покачал головой: не пей.

— Ежели ещё что к заказу добавить изволите, не стесняйтесь, — соловьём заливался меж тем дебелый рябой мужик с совершенно неподходящей ему козлиной бородкой и жиденькими рыжими волосёнками, гладко зализанными набок. — Всё исполним в один момент и в лучшем виде!

— Конечно–конечно, — пробормотал сбитый с толку таким

радушием Рик.

Джед для виду взял с подноса кружку, и я последовала его примеру. Но трактирщика это не обмануло, он по–прежнему топтался у стола.

— А скажите-ка, любезный, что это у вас такое? — Наверное, оборотень решил отвлечь его таким манером и указал на загадочную треногу.

— Это? — растерялся мужик. — Э–э… Держака!

— Что? — переспросили мы хором.

— Штуковина такая, девственниц привязывать, — снисходительно пояснил трактирщик.

— Зачем? — опешила я.

— Как зачем? — удивился рыжий. — Чтобы горло удобнее было перерезать. А вниз чашу ставим, куда кровь стекает…

Он всем телом развернулся ко мне, наклонился и зловещим голосом закончил:

— А опосля пьём её. Вампиры мы.

В кривой улыбке сверкнули клыки, не звериные, как у оборотней, — тонкие и короткие, и я не успела ни о чем подумать, как моя рука с тяжёлой кружкой сама собой с размаху врезалась в рябую физиономию. От удара мужик отлетел в одну сторону, а клыки — в другую. Словно во сне я видела их медленный полет…

— Бежим! — закричала я друзьям, вскочив на ноги.

Но никто из них даже не шелохнулся. Видимо, какая-то тёмная магия не позволяла им подняться из-за стола…

— Сана… — с трудом выдавил Джед. — Сана…

Создатель всемилостивый, что с ними сделали?!

— Сана… Ты знаешь… что вампиров… не существует?

Как же — не существует? А кто тогда с жутким хрипом катается сейчас по полу?

— Сана… — В последний раз простонал метаморф, закрыл лицо ладонями и зарыдал.

Я посмотрела на Ричарда. Тот был неестественно серьёзен и бледен, сидел прямо, словно шест проглотил, но под моим взглядом плотно сжатые губы шамана медленно растягивались в болезненную гримасу.

— Да что же это с вами?!

Ответом мне стал уже не скрываемый хохот. Оба волка смеялись как ненормальные, утирая слезы и стуча ладонями по столу.

Я застыла, не зная, как им помочь, Яра с недоумением смотрела то на них, то на меня, а Унго вскочил и непонятно с чего принялся поднимать с пола скулящего трактирщика,

смущённо нашёптывая какие-то извинения.

— Вампиров нет, — повторил, почти успокоившись Джед. — Зато, оказывается, есть ежегодный Фестиваль Духов в Драме. Афиша у тебя за спиной.

Я обернулась, взгляд скользнул по висящему на стене пёстрому листочку, но прочитать, что там написано у меня не получилось: перед глазами поплыл туман, ноги подкосились, и только–только помогший подняться трактирщику тайлубиец успел подхватить меня и заботливо усадить на лавку.

— Она с дороги уставшая, шуток в таком состоянии не понимает, — извинялся за меня перед хозяином Рик. — А зубки мы вам сейчас снова приклеим…

Джед

Я сам никогда не слыхал о Фестивале Духов в Драме, да и афишку заметил уже в последний момент, но ведь по тону трактирщика можно было понять, что всё это — спектакль. Девственницы, кровь…

Однако, у моей горе–магессы отличный удар с левой.

Ладно, не моей. Но удар хорош.

И смех смехом, но и мужика жалко, ни за что бедолаге досталось, и Сану — такая жизнь, как у неё сейчас моими стараниями, укреплению нервов не способствует. А городок всё же подозрительный… Если не знать, что его месяц в порядок приводили, из казны к предстоящим празднованиям специально средства выделили на уборку и покраску. Как выяснилось, не шуточное дело этот Фестиваль: ценители народного творчества со всей Вестолии съезжаются театрализованное представление посмотреть, с русалками, сиринами, кентаврами. С вампирами, пьющими кровь свежеубитых девственниц…

Всё местное население участвует, кто лешим, кто кикиморой. Как раз завтра ночью планировали торжественное открытие со сжиганием на костре злой ведьмы. Нас приняли за первых гостей…

Жаль узнали мы это уже тогда, когда подняли с пола трактирщика, усадили за стол и обо всем расспросили. В первую очередь для трактирщика и жаль. Хотя, это ещё как посмотреть: виконт Энсоре ему два серебряных грасса дал к разбитой губе приложить. Вроде помогло…

— Драмлин? Помню, а как же!

Слово за слово, дошли и до причин нашего появления в этом славном городке.

Я почти не солгал, сказав, что моя тётушка некогда была знакома с владелицей сгоревшего поместья и очень расстроилась, узнав о её печальной участи. И, раз уж мне посчастливилось оказаться поблизости, хотелось бы разузнать подробности давнего происшествия.

— А какие подробности? — мужик поскрёб в затылке. — Говорят, сама она дом и спалила. Экономка её тогда в город часто наведывалась, рассказывала, что как муж её убился, дэйна Анна, как бы это… не в себе была.

Пара невнятных фраз вмиг разрушили мою теорию о том, что к поджогу был причастен Менно или его предшественник на посту главного защитника королевских тайн. Женщина тронулась рассудком после самоубийства супруга и решила последовать за ним. Прихватив для компании ещё десяток человек.

— А в чем проявлялось её помешательство? — спросила Лисанна.

Вопрос прозвучал негромко и робко, но на столе в непосредственной близости от нежных ручек княжны ещё стояли кружки с квасом, и трактирщик решил не рисковать: тут же припомнил всё, что слышал когда-то о странностях Анны Тисби. И о том, что вернувшись с похорон мужа, она стала нервной и дёрганной, опасалась чего-то, лично проверяла, заперты ли на ночь ворота и не спят ли сторожа. И о том, что часто закрывалась в лаборатории покойного, и слуги слышали, как она говорит то ли сама с собой, то ли с умершим магом.

— Любила она его сильно. Ждала. Другая какая быстро уже б… Ну вы понимаете, да? Тем паче, женщина она была… У–ух! Сколько лет, а всё помню: глазища огромные, синие–синие, волосы — что твоё золото, фигура…

Присутствие девушек не позволило лже–вампиру продолжать расписывать достоинства дэйны Анны, и он вернулся к тому, с чего начал. Натана Тисби она очень любила и верно ждала. Сначала — пока тот закончит обучение, получит должность при дворе и вернётся, чтобы наконец жениться на ней. Потом — его редких наездов из столицы. Почему маг не забрал молодую жену с собой в Драме искренне недоумевали, но Анна держалась так, словно всё правильно, и ни обиженной, ни брошенной горожанам не казалась.

— А как не стало его — всё. Помутилось у ней там. — Трактирщик постучал себя кулаком по лбу. — Слуг своими страхами извела. За покупками каждый день в город гоняла, за ерундой за всякой. А крайний раз целый бочонок лампадного масла заказала. Сказала, светницу по мужу жечь станет… Ну и зажгла, значит. А прежде, как всегда, все двери заперла, потому

что никто не выбрался. Только конюх уцелел, тот всегда при лошадях спал, да ещё компаньонка её — в окно со второго этажа выбросилась. Обгорела, ногу сломала, но хоть жива осталась.

— Компаньонка? — заинтересовался я.

— Да. Жила при дэйне Анне девица. Сиротка. Хозяйка её из приюта взяла. Она, Анна, до того как с дэем Натаном случилось, очень, скажу вам, хорошая женщина была. На милостыню никогда не скупилась, храму всякий раз немалую сумму жертвовала. И девчонку вот взяла. Как раз за год до того, как с её мужем несчастье приключилось. Это ж какая радость была для сироты безродной в хороший дом попасть! Девица-то была премиленькая, а дэйна Анна ей ещё и приданое богатое сулила… Да не вышло. Ни приданого, ни красы — волосы огнём пожгло, лицо обгорело. Сам не видел, но сильно, говорили, обгорело…

— А как звали девушку?

— Не припомню уже, — прошамкал расквашенными губами трактирщик. — То ли Оливия, то ли Валерия.

— Виктория! — воскликнули мы с Саной одновременно.

— Точно, Виктория! — обрадовался вернувшейся памяти человек. — Виктория Росс. Хорошенькая такая, чернявенькая… была.

— Вряд ли она успела так уж сильно обгореть до того, как решилась прыгнуть, — раздумчиво, словно говорила сама с собой, произнесла княжна. — А хороший целитель уберёт свежие ожоги без следа. Кости срастить — вообще не проблема.

И сиротка Виктория — снова красавица. Остаётся лишь уехать из города на холме, туда, где её никто не знает, и начать новую жизнь: выйти замуж, сменить имя… Чтобы спустя полтора десятка лет быть застреленной за то, что потревожила старые тайны.

Лисанна

Минувший день был долгим и трудным, насыщенным новостями и событиями, подробный разбор которых решено было отложить на завтра. Мы все устали и нуждались в отдыхе, а я — ещё и в хорошем успокоительном. Но ничего подходящего под рукой не было и, наверное, поэтому мне никак не удавалось уснуть. Яра уже давно сопела на соседней кровати, а я всё ещё вертелась с боку на бок. Пыталась не думать ни о чем, но мысли гудящими пчёлами роились в голове, мешая расслабиться.

В конце концов я поняла, что сон мне грозит лишь в том случае, если удастся отдать кому-нибудь хотя бы половину улья.

Оделась и вышла в коридор.

Правильнее было бы поделиться пчёлами… то есть мыслями с Джедом, но я не знала, как с ним говорить после происшествия у источников, да и вообще заметила, что жутко теряюсь в его присутствии. А потому решила обсудить свои измышления с Ричардом.

Шаман, как я помнила, взял себе номер рядом с нашим. Потопталась недолго у двери и, чтобы никого больше не потревожить лишним шумом, без стука вошла внутрь.

— Не спится? — глухо спросили из тёмного угла комнаты, в остальном достаточно освещённой заглядывавшей в окно луной.

— Джед? — смутилась я. Снова всё перепутала! — Прости, я думала…

— Застать здесь Рика? — прозвучало это устало, но насмешка слышалась отчётливо. — Мы поменялись, унери зачем-то понадобилась комната с окнами на север. Найдёшь его за дверью напротив.

— А… где Унго?

— Думаю, спит. Я взял ему отдельный номер, хотел побыть один.

— Тебе нехорошо? — Меня тревожило то, как тих его голос, и то, что я по–прежнему не видела его лица.

— Нет. А тебе?

— Мне? — Я вдруг испугалась. Не знаю, чего. Темноты? Его странного тона? Непонятных вопросов? — Со мной всё в порядке, если забыть о возможности быть убитой в любую минуту, — затараторила я, спеша сменить тему. — Просто не спалось, всё думала…

— О чем? — перебил он меня.

— О Виктории. — С трудом взяв себя в руки, я на шаг приблизилась к его укрытию. — Можно зажечь свечи?

Он не ответил, но что-то зашуршало, а через миг в полной тишине чиркнула спичка.

— Что там с Викторией? — Метаморф, полностью одетый, словно и не собирался этой ночью спать, сидел на кровати. Вид у него был болезненный: заросшие щетиной щеки впали, нос стал тоньше, и сильнее обозначилась горбинка и широко раздувающиеся от тяжёлого дыхания ноздри.

Ещё за ужином он выглядел куда лучше.

— Ты уверен, что нормально себя чувствуешь?

— Вполне. Так что ты хотела сказать?

— Та Виктория… — Я запнулась. Никак не получалось. глядя на него, сосредоточиться. — Та Виктория, которую я знала, никак не могла быть компаньонкой Анны Тисби. Имя совпадает и

возраст по документам, но женщина, которую я видела после того, как смерть отняла у неё чужую молодость, была намного старше. И я думаю, что…

— Это была сама Анна, — сказал за меня оборотень. — Мы с Риком поговорили ещё немного, пришли к тем же выводам. Сиротка Виктория вряд ли успела бы за год в доме Тисби поднатореть в ритуальной магии. А Анна была в курсе работ мужа. После того, как его убили — вряд ли магистр сам отправился на встречу с Создателем — его жена испугалась, что скоро явятся и за ней. Прятаться, когда за дело берутся люди вроде Менно, было бы бесполезно, и она придумала замечательный план. Инсценировала собственную смерть, предварительно высосав жизнь и молодость из юной компаньонки. Вы немного опоздали со своими догадками, дэйни Лисанна. Думать я ещё не разучился.

— Она не просто инсценировала свою смерть. — Я сделала вид, что не заметила издёвки в последней фразе. — Она убила всех своих людей, тех, кто хорошо её знал и никогда не перепутал бы с Викторией. Скорее всего, отравила или усыпила ещё до пожара. Потом… провела ритуал. Перекрасила запавшие в душу трактирщику золотистые волосы в чёрный цвет, высушила…

Теперь никто не скажет наверняка, как всё было на самом деле, но я была уверена, что в своих подозрениях недалеко ушла от истины. Озноб пробегал по коже от мысли, что можно было действовать так методично и безжалостно.

- …полила всё вокруг маслом и подожгла. Потом, скорее всего обмотала голову какой-то тканью и подпалила её, чтобы обжечь лицо. Вряд ли просто держала его над огнём. А затем выпрыгнула. Может быть, предварительно дождалась, пока ночевавший в конюшне грум поднимет панику и соберутся свидетели.

— Холодная расчётливая тварь, — с чувством выговорил Джед. — А ты… Ты…

— Не такая дура, какой ты меня считал? — Наконец-то представилась возможность вернуть насмешку, но удовлетворения мне это не принесло. — У меня есть ещё одно предположение. Насчёт того, что может быть скрыто в этих бумагах.

— У меня тоже, — сказал оборотень. — Но говори первая.

— Лучше ты.

— Вместе? — предложил он. — На счёт три.

Он поднял вверх палец. Потом второй. Третий…

— Ребёнок, — выпалили мы одновременно.

И так же одновременно вздохнули.

Да–а…

Джед

Волк всегда просыпался ночью. Раньше я никогда не замечал этого, но сегодня понял. Именно сегодня, когда впервые за всю жизнь остался наедине с темнотой. Это было странно. Необычно. Неприятно.

А потом пришла Сана, и отсутствие зверя вновь напомнило о себе.

Волк чувствует иначе. Глубже, острее. Привязывается сильнее. Запоминает всё: запах, голос, прикосновения… А потом злится и мучается оттого, что голос вдруг звучит иначе, а к знакомому аромату тёплой кожи примешивается резкий запах чужака, как в той комнате в доме Ленсвитов, куда она привела меня…

Человек не замечает этих нюансов, переносит всё проще. Даже когда ему прямо заявляют, что хотели бы видеть на его месте другого.

А ещё человек способен присмирить неуместные мысли и заставиться себя сосредоточиться на главном.

— Ребёнок.

По–настоящему серьёзная проблема. И для её величества Элмы, и для нас.

— Мы с Риком засиделись немного. — Я перевёл взгляд с взволнованного лица девушки на трепещущий огонёк свечи. — Поговорили. В этой суете не получалось даже обсудить всё нормально, подумать… Иначе давно догадались бы. Какие ещё тайны может раскрыть кровавый отпечаток? Только тайны кровной связи. Кровного родства. Второй патент был уничтожен не случайно. И этот, как я понял, тоже пытались.

— Виктория… То есть, Анна просматривала вестранские легенды перед встречей с герцогом, — сказала Лисанна. — Легенду о Джанелл. Помнишь эту историю? О девушке, которая отвергла короля, а он пришёл к ней под личиной её возлюбленного? Дэйни Мадлен сказала, что магистр Тисби создавал для Эдуарда личины…

Вот вам и документы из шкатулки.

Если мы не ошибаемся в своих предположениях, получается примерно следующее. Король Эдуард воспылал страстью к некой даме. Далее — две версии развития событий: романтичная и прагматичная. По романтичной, принадлежавшей, конечно же, Сане, эта дама не оценила чувственных порывов его величества, и

чтобы добиться желаемого Эдуард воспользовался помощью придворного мага и явился к предмету грёз в образе её супруга или жениха. Прагматичная (моя) заключалась в том, что дама, не будь дурой, ответила на чувства монарха полной взаимностью, но, чтобы избежать подозрений и слежки, тот всё же приходил к ней под чужой личиной. Как бы там ни было, Натан Тисби был осведомлён о похождениях своего короля и наверняка знал о ребёнке, родившемся в результате этой связи. И я не знаю, что стало впоследствии с любовницей Эдуарда, но тот ребёнок, судя по развёрнутой Людвигом Менно деятельности, до сих пор жив.

— Есть закон о королевской крови. — Юрист же я, в конце концов? — Принят сводным собранием вестольского дворянства и храмовников лет триста назад после смерти короля Мартина. У того не было прямых наследников, но остался внебрачный сын, ставший впоследствии королём Яковом Вторым. Собственно ради того, чтобы короновать его и не отдать Вестолию во власть междоусобиц этот закон и приняли. Король — наместник Создателя на земле, королевская кровь священна… И так далее, и тому подобное. Три страницы текста, суть которого сводится к тому, что короли не плодят ублюдков. Только законных наследников… Как правило, их величества весьма аккуратны в подобных вопросах, но всё-таки следовало подумать о возможных последствиях, прежде чем вписывать этот закон в «вечный свод».

— То есть, если у Эдуарда был сын, и он старше принца… короля Дарена, то он и будет истинным наследником престола? — ошарашено спросила Сана.

— Нет, там есть множество тонкостей, чтобы не ущемлять в правах по–настоящему законных наследников. Но если с Дарёном что-то случится, или кто-нибудь, кто не очень доволен правлением Вестранов и непосредственно её величеством Элмой, задумает переворот… Да и без этого ребёнку королевской крови причитается порция королевских милостей. И тот, кто возьмёт на себя труд осчастливить незаслуженно обиженное дитя, тоже в накладе не останется. А дополнительный претендент на престол до конца своих дней будет пугалом для Дарена и козырной картой в колоде его недоброжелателей.

— Можно я присяду?

Я лишь теперь понял, что девушка до сих пор стоит передо мной, переминаясь с ноги на ногу, и подвинулся, освобождая ей место на кровати, так как стульев в комнате почему-то не было.

— Спасибо. — Она умостилась на самом краю, подальше от меня. Предпочёл не думать сейчас об этом… но не получалось.

— Кровь на патенте будет доказательством, — продолжил я, стараясь даже не глядеть в её сторону. — А в блокноте наверняка

записано имя. Только я не знаю, как нам его прочесть. Мы с Риком пробовали. Вспомнили о невидимых чернилах. Прогрели страницу над свечой. Смочили зольной водой. Снова прогрели…

— И что?

— Теперь у нас есть жёлтая, в двух местах пропаленная страница, — усмехнулся я горько. — Но блокнот не может быть пуст, иначе не имел бы никакой ценности. И с письмами тоже непонятно, не из сентиментальности же она их хранила?

— Думаешь? — переспросила Сана тихо. — А если она действительно любила его?

Если любила… Женщина в один день хладнокровно убившая десятерых, а потом ещё четырнадцать лет жила тем, что пила жизнь молоденьких девушек, кого-то любила? Впрочем, Мун этих женщин разберёт! Но тогда письма можно просто выкинуть…

— Давай закончим этот разговор утром? — предложил я княжне.

Ни с того, ни с сего навалилась слабость, веки отяжелели, перед глазами всё плыло. Видимо, недостаток сна давал о себе знать.

— Да–да, конечно. — Она поспешно поднялась и прошла к выходу. — Мне… пора.

Дверь напротив, дэйни Лисанна. Не ошибётесь.

Вспомнив о приличиях, я привстал, чтобы проводить гостью, и собственное тело показалось неожиданно лёгким, как пёрышко.

Глаза закрылись…

Лисанна

Не успела я выйти в коридор, как услышала за спиной грохот, обернулась и схватилась за сердце.

— Джед!

Создатель всемогущий, неужели снова?!

В тот же миг неслышно отворилась дверь, и спокойный голос негромко скомандовал:

— Не кричи.

— Рик?

Шаман прошёл мимо меня и склонился над упавшим на пол мужчиной. Кончиками пальцев коснулся его лица и зажмурился.

— Не получилось, — пробормотал он с сожалением. — Но хоть выспится.

Он легко поднял Джеда и уложил на кровать. У метаморфов иной, отличный от людского предел силы, и хотя мне было известно об этом, происходившее всё равно казалось нереальным

— я совершенно ничего не понимала.

— Что с ним? — спросила я шёпотом, видя, что Ричард собирается уйти, ничего не объяснив. — Что именно не получилось?

Унери застыл в дверях, поглядел на меня так, словно только что узнал о моем существовании, несколько раз моргнул и вернулся в комнату.

— Я думал, он сможет хотя бы во сне возвращаться к волку, — произнёс он.

— К волку?

— Да, к своему волку. Он тебе не рассказал? — Скользнувшая по губам оборотня улыбка ознаменовала уход отрешённого от мира сего шамана и возвращение легкомысленного виконта Энсоре. — А чем вы тут вообще занимались?

— Разговаривали, — ответила я сдержанно, не поддаваясь на провокацию. — Но не о волках. Поэтому придётся *тебе* мне всё разъяснить.

— Если Джед не посчитал нужным…

Я просто обошла его и стала, прислонившись спиной к двери. Мне нужно знать, что с ним происходит, и пока я этого не узнаю, ни один скрытный метаморф из этой комнаты не выйдет. И начхать, во сколько там раз он сильнее меня!

— Ладно, слушай, — без боя сдался Рик, поняв серьёзность моих намерений.

Рассказ получился недлинным, и хотя унери говорил о случившемся как о чем-то обыденном, я чувствовала его тревогу. Впрочем, одного того, что алмаз у Менно, достаточно, чтобы начать паниковать.

— А он… — Я тщательно подбирала слова. — Он может остаться так? Чтобы камень насовсем потерял над ним власть?

— А он — потерял своего зверя? — зашипел на меня шаман. — Ты сама понимаешь, что говоришь?

— Нет, — призналась я. — Потому и спрашиваю.

— Потерять волка — потерять часть себя. Половину или даже больше. Ещё и суток не прошло, как он живёт без зверя в себе, и уже начинает меняться. И волк без него — тоже. Я хотел сделать так, чтобы он вновь становился целым хотя бы на время сна, но не сумел. Наверное, виери решила, что в этом случае он не сумеет сам разорвать связь поутру, а пока камень у Менно, это может быть опасно. Ула верит, что он выдержит весь срок.

— А ты?

— А я… — он посмотрел на неподвижно лежащего на кровати Джеда. — Я иду спать.

— Но…

— Сана, я устал. Очень. И всё, что мог, я уже сделал. Если хочешь, останься с ним на случай непредвиденных осложнений, а я пойду.

— Остаться? Мне?

— Он не проснётся до утра, — угадал причину моего смущения Рик. — Да и утром не проснётся, пока я не разбужу. А твоё присутствие будет нелишним: даже если ничего не случится, ты ему нужна.

Я покачала головой.

— Не стоит, Рик. На нас ведь не спустили опять волкодавов, и мне не надо бежать что есть мочи… Но я побуду с ним. Иди.

Свеча догорела почти до основания, а я ещё сидела со спящим мужчиной. Сначала просто смотрела на него. Потом осторожно взяла за руку. Он не шевелился, словно дух его в самом деле был сейчас не здесь, а на вершине Паруни, вместе со сторожившим его жизнь зверем…

Когда глаза начали слипаться, я тихонько прилегла рядом с Джедом на узкой кровати, прижавшись нему всем телом, не чувствуя ни стыда, ни страха — только исходящее от него тепло и покой. Волк под боком — это не просто привычка. Это… судьба? И сегодня это был именно тот волк. А завтра… Завтра для нас могло и не наступить, и понимая это, я недолго сомневалась прежде, чем приподняться на локте и легонько коснуться губами его приоткрывшихся во сне губ.

…Ушла я на рассвете, не дожидаясь, пока Рик явится его разбудить. Погладила напоследок спутавшиеся русые волосы, провела рукой по колючей щеке и ещё раз поцеловала. Пусть потом ничего и не будет… Для него — не будет. А у меня уже была эта ночь.

1) Гудок — здесь: скрипка.